

Евгений Черносвитов

**ОЗОРНЫЕ ЗАПИСКИ
ИЗ МЁРТВОГО ВЕКА**

Книга 1

Евгений Черносвитов

**Озорные записки
из мертвого века. Книга 1**

«Издательские решения»

Черносвитов Е.

Озорные записки из мертвого века. Книга 1 / Е. Черносвитов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931669-1

Книга написана врачом, судебно-медицинским экспертом и философом. Все истории, рассказанные в ней почти документальны. Некоторые истории вошли в фонд энциклопедий по судебной медицине, криминалистики и пенитенциарной социологии. При этом все рассказы от первого лица отвечают требованиям хорошего литературного повествования и рассчитаны на широко читателя.

ISBN 978-5-44-931669-1

© Черносвитов Е.
© Издательские решения

Содержание

Судебно-медицинский эксперт в стране ОЗ	6
Ассоциации... вот, где интрига!	6
Чля... Орель-Чля, если угодно	9
Часть 1	9
Часть 2	15
Часть 3	19
Часть 4. Отдельная	21
Чумикан	23
Озерпах	29
Часть 1. Comment les hommes forts meurent ⁴	29
Часть 2. Comment ces femmes aiment ⁵	34
Три дробинки на счастье...	40
Часть 1. Kasan kurosu ⁷	40
Часть 2. Cherchez la femme ⁸	43
Мой съедобный брат	45
Часть 1. Катись колбаской по Малой Спасской	45
Холера	48
Многовершинка	56
Часть 1. «Висохло?»	56
Часть 2. Черная роза	58
Амурские волны – Татарский пролив	62
Рина Грушева: the dead are more ¹⁵	67
«Чума» в Чумикане	71
Советская жертва «Преступления и наказания» Ф.М.Достоевского	73
Де Кастри	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Озорные записки из мертвого века

Книга 1

Евгений Черносвитов

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

Дизайнер обложки Екатерина Александровна Самойлова

Иллюстратор Оксана Альфредовна Яблокова

© Евгений Черносвитов, 2018

© Екатерина Александровна Самойлова, дизайн обложки, 2018

© Оксана Альфредовна Яблокова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-1669-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Екатерине – музе этой книги...

Судебно-медицинский эксперт в стране ОЗ

Ассоциации... вот, где интрига!

*«Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилён он;
Другим предавшись мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!»*

(М. Ю. Лермонтов – Екатерине Александровне Сушковой)

...Только начал смотреть фильм гениального Чэнь Кайгэ – «Убей меня нежно» (2001), одну из первых сцен – знакомство магнетическое героев, когда они одновременно прикасаются к кнопке на пульте регулирования движения, чтобы перейти на противоположную сторону трассы, как *раздвоился!* Одна моя половина продолжала механически смотреть фильм в полном одиночестве – это было в моем рабочем кабинете в 26 января 2018 года в Москве, в 22 часа три минуты. А другая половина вполне реально оказалась в столовой поселка Богородское, Николаевского-на-Амуре района, в 12 часов три минуты 25 апреля 1969 года. В то мгновение, когда моя рука потянулась за стаканом компота, она зажала не холодный граненый стакан, а... теплую и нежную... девичью кисть! Я поднял глаза и увидел ее, к чьей кисти я магнетически был прикован... Мы, пусть банально звучит, провалились в зрачках друг друга, все же дружно, смущенно улыбнулись кассирше и побежали назад, забыв про компот, в раздевалку. Не отрывая глаз друг от дружки, мы, как сомнамбулы, надели наши пальто, встряхнули головами, от чего я все же смог заметить, что волосы моей *второй половинки...* да, не в *распространенном банальном смысле, а, в реальном, ибо она заменила ту мою половину, которая продолжала смотреть фильм «Убей меня нежно!»* Волосы ее были длинные, густые и прекрасные. Их, или ее всю, мою уже родную, но еще незнакомую, окутывал дурманящий аромат цветущего клевера...

...Я прилетел в Богородское в командировку по вызову прокурора в качестве судебно-медицинского эксперта. Первый год я работал и возглавлял бюро судебно-медицинской экспертизы Николаевска-на-Амуре и пяти прилегающих к нему районов, в число которых входил и Ульчский район с центром Богородское. Но прокурор был в местной командировке и мне пришлось его ждать. Я проголодался и пошел в столовую. Она, моя «вторая половинка», также прилете в командировку на съезд учителей из села Троицкое, где первый год после окончания педагогического училища работала учителем в сельской школе. На съезде был обеденный перерыв, обедом кормили в столовой. Меня пропустили в столовую, оккупированную молодыми педагогами со всех пяти районов Николаевска-на-Амуре, только после предъявления красной книжечки судебно-медицинского эксперта... Отказавшись от обеда, мы с девушкой – она была совсем юна, как мне все же удалось ее разглядеть, будучи в трансе. Да информацией мы с ней обменивались, весьма вероятно, подсознательно. Мы побежали на берег Амура. Река в тот год обмелела и между берегом и рядом прибрежных деревянных домов располагался песчаный «пляж», шириной сто-сто-пятьдесят метров, раскинувшийся на десятки километров. Дома вообще-то находились на естественной возвышенности, которая спасала их, когда Амур разливался. При большой воде они все оказывались весьма далеко от «берега». Зачем

мы побежали к Амуру? В поисках убежища, места для уединения! Пляж был пуст. Но окна домов смотрели на нас сверху, в упор. Иначе... Иначе мы плюхнулись бы прямо на песок! Вдали мы увидели ржавеющий баркас и, продолжая крепко держать друг друга за руку, рванули к баркасу. Добежали и поняли, что это, отнюдь не Гранд Отель и даже не апартаменты, а, гораздо хуже – с тучей черных птиц, как у Хичкока. Мы их спугнули и солнце птицы затмили, оглушая нас какофонией крика и хлопаньем крыльев. ...А, ведь, день, еще минуту назад, был солнечный и тихий!

...Мы резко развернулись и побежали в поселок. Одна мысль сверлила наши мозги: в районном центре должна быть гостиница!

...Дежурная, окинув нас взглядом, весьма дружелюбным, сказала, что в гостинице только три номера и все по десять коек! Для моряков и рыбаков. Но, добавила, что возьмет с нас плату только за две койки. Улыбнувшись, добавила, что можно и за одну (койку), ну тогда нужны предъявить паспорта с соответствующими штампами. Рассчитавшись, комкая в свободном кулаке квитанцию об оплате, я поспешил за своей *пассией*...

...Не успели мы снять пальто, как в наш номер с шумом вошли несколько мужчин. За ними стояла, сильно покрасневшая дежурная, по губам которой мы прочли, что неожиданно причалили три катера, с *ночного дозора!* Рыбаков было как раз тридцать человек. Гостиница принадлежала им. Они были уставшие, ибо не обратили на нас никакого внимания, стали раздеваться, готовясь плюхнуться в постель. Хозяйка наших коек уже входила в «номер»! Мы быстро, продолжая держать друг друга за руки, стали пробираться к выходу. Никто на нас, не обращал никакого внимания! Мы оказались на улице... Встали, выбежав из гостиницы, и смотрели в глаза друг дружки. Губы наши были разжаты. Ее губы пылали... У меня кружилась голова в ушах звенело. И тут... Тут из двери соседнего здания вышел мужчина в форме прокурора. Я поднял глаза: мы стояли в нескольких метрах от районной прокуратуры. Мы с прокурором были не знакомы. Это была моя первая командировка в Богородское. Во мне что-то произошло, ибо рука девушки упала, отпустив мою. «Какой сегодня день?» – Тихо прошептала она. «Среда...» – машинально ответил я, и направился к прокурору. До меня донеслось: «Я буду ждать тебя на этом месте каждую среду...» Прокурор, не обращая никакого внимания на мою спутницу, пошел ко мне на встречу. Чемодан мой с секционным набором выдал меня. Фирменный, который имел каждый судебно-медицинский эксперт Хабаровского Краевого Центра судебной медицины. Именно этому центру я и подчинялся. Он обеспечивал меня всем необходимым для работы. Отмечу здесь лишь две вещи, о которых еще не раз будет идти речь. Это – неограниченное количество чистейшего медицинского спирта и фирменная дубленка, такие и в Москве тогда были роскошь!..

Прокурор крепко взял меня под руку и повел в здание... Мы вошли в прокуратуру, я не успел даже оглянуться. То, что меня будут ждать каждую среду – в одно ухо влетело, в другое вылетело... Экспертиза была не простой. О девушке я забыл начисто: вернувшись в Николаевск-на-Амуре, я на другой день улетел в поселок Чля. О своем романтическом не случившемся приключении я забыл...

...В Богородское следующая командировка была только ровно через год. Это событие, после дел, мы отмечали дома у прокурора. Бутылки армянского коньяка, приготовленные по этому случаю, так и остались стоять на столе не откупоренными. И дамы, и кавалеры предпочли коньяку чистейший медицинский спирт, литр которого я всегда брал с собой в командировку...

...Подсаживая меня на борт Ан-2, прокурор между прочим сказал: «А твоя дивчина была с характером... Скажи спасибо, что законспирировал тебя, сказав, что ты из Хабаровска. Весь год, каждую среду, ждала тебя возле прокуратуры... В Николаевск-на-Амуре она бы тайгой прошла...

P.S. От прокурора, который навел о моей несостоявшейся, возможно, судьбе, сведения, я узнал, что зовут ее Дарья, фамилия Цигеман – из обрусевших немцев. Хабаровчанка, 1951 года рождения. Сейчас, когда я пишу это, если Дарья жива, ей 67 год... Интересно, помнит ли она меня? Я помню ее всю свою жизнь, вспомнил все, когда услышал, как прокурор спас меня от «назойливой барышни». Кстати, этот прокурор в 90-х повесился.

Чля... Орель-Чля, если угодно

Часть 1

В поселке Чля никогда не жили 1000 человек. Сейчас, в 2018 году, там проживает чуть больше 500... В Николаевске-на-Амуре никогда не жили больше 25 тысяч человек. Сейчас – меньше 20-ти тысяч. В этом городе на Амуре родились два генеральных прокурора России. В поселке Чля родился один главный акушер-гинеколог СССР и один главный акушер-гинеколог Москвы и Московской области.

Еще одна справка из Википедии. Думаю, что она, эта справка, поможет понять записки, которые я сейчас, спустя почти пятьдесят лет, напишу.

Итак. Площадь озера Чля 314 км² (зависит от уровня воды, площадь зеркала может уменьшаться до 280 км² или увеличиться до 500 кв. км. Зависит от состояния уровня Амура, который соединен с озером множественными протоками. Глубина Чля от 3,8 метров.

Площадь соседнего озера, Орель, с которым озеро Чля соединяется рекой Подгорная, около 140 кв. км (зависит от уровня воды, размах колебаний которого составляет около 4,5 м). Наивысший уровень воды – в августе-сентябре, он зависит от паводков на реке Амур. Глубина от 2,6 метров. Во время большого паводка озера Чля и Орель представляют единое море. Дно озер Орель и Чля никогда не изучалось, несмотря на то, что не раз создавала неудобства для судоходства с трагическими последствиями. Я имею в виду – цунами. Нужно учесть, что до Тихого Океана, где происходят 75% всех мировых цунами, от озер рукой подать. Во время больших разливов Амура, протоки и реки, соединяющие Чля и Орель с Татарским проливом – устьем Амура, представляют одну акваторию, как, например, в конце 90-х начале 0-х. Тогда прибрежные к озерам леса уходили под воду. По акватории бродили цунами. Толи, вызванные сдвигами пластов каменного и песчаного дна озер, толи общими процессами, которые не перестают прекращаться на дне Тихого Океана. Высота цунами Чля-Орель достигает 20—30 метров. А то и более.

На дворе был сентябрь 1969 года. Амур поднял на несколько метров и затопил километры прилегающих к руслу земель. Озера затопили хвойные леса. Картина жутковато-прекрасная: Высочайшие ели и сосны, кедры и лиственница стоят сплошной стеной, на трепть погруженные в желты воды Амура.

У меня была командировка в поселок Чля. Там внезапно умерла еще молодая женщина. Главный врач больницы, осмотрев труп, заподозрил насильственную смерть (убийство или самоубийство) и сообщил в прокуратуру Николаевска-на-Амуре. Прокурор выписал постановление на производство судебно-медицинской экспертизы. И дружески попросил меня еще и выступить в качестве следователя, ибо все следователи были в командировках. В районах Николаевска-на-Амуре часто из-за погоды можно «застрячь» и надолго. Отчаянные «борта» прорывались, вывозя скопившихся в толпы пассажиров. В некоторых аэропортах мое удостоверение судебно-медицинского эксперта помогало. В других – нет. Поэтому у меня были еще два удостоверения на старших следователей прокуратуры и ГУВД. Так, что в порой, в отдаленном населенном пункте я выступал не только в своей исконном качестве судебно-медицинского эксперта, но и как следователь прокуратуры или милиции.

Геологи тоже помогали прокуратуре и, значит, мне. На сей раз вот уже неделю по морю Орель-Чля суда не ходили, ибо, внезапно волны поднимались на десятки метров, пока только подобные цунами. Вертолет Ми-6 дали прокуратуре военные, чтобы разрядить скопившиеся толпы изнуренных бессонными ночами и голодом, людей по домам – в поселки Чля и Орель. Вертолет с одним пассажиром – мной, поднялся с полосы военного аэропорта, замаскиро-

ванного в тайге, недалеко от города. Через полчаса мы зависли над безбрежным, как озеро Орель-Чля, толпою людей, представляющих собой огромный пестрый лагерь беженцев к себе, по домам! Я поудобнее устроился у иллюминатора, командир пообещал мне, что сначала полетит в Чля, где меня с нетерпением ждали родственники умершей. Покойна уже несколько дней лежала одетая для похорон в гробу, который стоял на столе в одном из домов, ближе к лесу. Но и запах хвойного леса уже не убивал запах, доносившийся из дома с гробом. Наводнение наводнением, цунами-цунами, а погода была за плюс тридцать и тихая!

Мое беззаботное разглядывание скопления местных жителей, с уверенностью, что через полчаса, максимум, я буду в Чля, внезапно сменилось тревогой. Командир в открытую в кабине дверь, крикнул, что он приземляться не будет, ибо надвигается ураган, как раз со стороны поселка Чля. Поэтому вертолет возвращается на базу. Я вскочил и подбежал к кабине: «Командир, дай мне возможность сойти на землю... хоть по канату!» Мне было тогда 25 лет, я был отлично сложен, ибо занимался активно в свободное время боксом и дзюдо... профессионально, по тем временам. Пилот знал меня и сказал, что отлетит от толпы, чтобы не «стащили за канаты вертолет на землю», и удивился, что я собираюсь делать среди этой толпы, ибо никаким чудом мне до поселка не добраться. О чуде я не думал, просто не видел смысла возвращаться с полпути! А вокруг – тишина, даже птиц не слышно, жарко, душно, как будто все пространство от земли до неба покрыла какая-то невидимая густа, душная и липкая атмосферы, вато-подобная...

...Вертолет завис, канатная лестница выброшена, я начал быстро спускаться, видя, как к нам устремилась часть толпы с криками, размахивая руками и котомками. Я прыгнул, и вертолет тут же взмыл в воздух, развернулся и скоро его очертания стали уменьшаться в голубом, чистом, солнечном небе, и исчезли. Мы поравнялись с бегущей толпой с берега, они что-то кричали мне, но я твердой походкой направился к воде, где без дела томились шабашники со своими алюминиевыми, экипированными двумя вихрями, плоскодонками. На воде полный штиль, но они, местные жители, знают, что на самом деле происходит в обманчивых небесах и обманчиво спокойных глубинах моря Орель-Чля!

Я начал обход шабашников, поднимая их, полусонных, разморенных жарой, мокрых от пота, смешанного с почти водяным воздухом. Я понял, что деньги предлагать или размахивать красными книжками перед их, шабашников, носами, *контрпродуктивно!* Я обходил их с вялой мыслью, что все же заранее нужно с кем-то договориться, ибо, если будет хоть малейшая возможность, они тут же спустят свои челны на воду, груженные массой рискованных пассажиров. Так, я выбрал молодого парня, крепкого, загоревшего, явно родившегося и выросшего здесь, на этих водах. Подойдя к нему, я, было, открыл рот, как он меня опередил: «Вы врач из Николаевска? Я жду Вас. Умершая – моя тетка... Если не боитесь, можно рискнуть. Моторы у меня мощные, да и лодка с килем – сам приварил... Но, если наткнемся на цунами, то однозначно каюк, никакие жилеты не помогут. Я еще и пустые бензобаки связал, можно опоясаться. Одним шансом меньше захлебнутся, когда столкнемся с „бетонной“ волной...» Я, не долго думая (не чуя никакой опасности с этим, показавшимся мне очень надежным парнем), согласился и предложил ему, поискать еще смельчака из шабашников, в компанию. На что Виктор, так звали парня, сказал, что в шторм *напарников* быть не может. Каждый за себя. Да и наверняка никто спускать свою бадью на воду сейчас не согласится, иначе давно бы уже «работали». Удивительное было у меня чувство: ясный чистый тихий день; вода зеркальная и, как огромное зеркало отражает молчаливо стоявший, затопленный лиственный лес, по-прежнему гордый и могучий... И все это и множество неосознаваемых нюансов восприятия этой тишины и красоты... уходит, вероятно, корнями в первобытный страх, не исчезающий из человеческой души никогда.

Виктор, сталкивая свою ладью в воду, спросил, можем ли мы взять с собой двух пассажиров? Старика-нанайца, давнишнего друга семьи Виктора и Наташу, двоюродную сестру Вик-

тора. Я обратил внимание на маленького высохшего от старости человечка, на котором нелепо висел не по размеру поношенный пиджак поверх брезентового комбинезона – такие одевают, отправляясь на промысел рыбаки. Лицо, цвета серой глины, представляла собой одну сплошную морщину, с двумя дырками —ноздриями, и тремя щелками – глазами и ртом. Он беспокойно перебирал ногами, обутыми в женские резиновые сапожки, красные, модельные. Такие поставляли в избытке и в ассортименте в Николаевский район японцы. А вот девушка меня, несмотря ни на что, сразу поразила, приковав к себе внимание. Она была невысокая. Это значит, что ниже, чем я. ЦУ меня рост 1 метр 72 сантиметра. Все, кто ниже меня, пусть на чуток – я считал маленького роста. А остальных, кто выше меня, пусть на чуток – высокого роста. Так, Виктор был высокого роста. А нанаец и девушка – маленького. Хотя, нанаец был сантиметров на пять ниже меня, а девушка, ее звали Наташа, была на сантиметр, не больше, ниже меня. Таким образом я собирался в плавание с членами семьи погибшей женщины. Наташа, ее дочка. Представьте себе – лохматая медная голова и зеленые глаза на тонком гибком туловище. Все оголенные части которого покрыты красными большими веснушками! Честное слово, картина, поражающая воображение и вызывающая самые неожиданные ассоциации. Например, с хозяйкой медной горы! Хозяйка Медной горы – Малахитница, Азовка-девка, персонаж легенд уральцев, мифический образ хозяйки Уральских гор, получившая известность в сборнике сказов «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова. Горный дух и дух-хранитель ценных минералов. Вот так, ничуть не меньше! Уверен, что девчонка – на вид лет пятнадцать, не больше, на самом деле оказалось, что ей двадцатый год, пользуется или, в крайнем случае, получает удовольствие, видя, как ее образ действует на мужчин. Конечно же, только на мужчин, ибо женщины в этом отношении весьма трезвы. Я, не отрывая глаз от малахитницы, кивнул головой и занес вторую ногу в лодку. Руку помощи я подал не «медянки», а старику, который никак не мог поднять ногу, чтобы закинуть ее за борт лодки. «Медянка» изящно запрыгнула в лодку сама и тут же села за моей спиной. Наверняка, чтобы я на нее оглядывался. Несмотря на горе, она оставалась женщиной, полной самых разнообразных эмоций! Не случайно я подумал о змее-медянке – у сибиряков и не только, ходит множество рассказов и суеверий, связанных с такой змеей, как медянка. Прежде всего, конечно, ядовитая или нет эта бестия? Нападает ли она людей? И как можно защититься от нее? Вообще-то Наташа была намного красивее своей пра-прародительницы. У змеи-медянки и кожа не такая уж яркая и глаза – не чарующие и гипнотизирующие, какими только бывают зеленые глаза на фоне мраморно-белой кожи, усыпанной яркими красными веснушками. А – отталкивающие красные... Я поймал себя на том, что не вижу на прекрасном личике юной красавицы ни тени не то, что горя по потерянной мамочке, которая никак не может найти покой в своей могилке, но и даже печали. Скорее, Наташа великолепно могла прятать свои чувства, как пронзительную яркость изумрудных глаз за длинными густыми черными ресницами, обрамленными естественными тонкими ниточками черных бровей...

...Пока я размышлял о попутчице – о старичке – что размышлять? – Виктор рванул при воды «вихрей», и плоскодонка с приваренным килем рванула на встречу судьбе, своей и нашей, пассажиров.

Час, не меньше мы скользили по зеркальной поверхности озера Орель наслаждаясь ветерком, что бил в наши открытые лица. Он, правда, оставался перегретым, но, все же ветерок! Виктор убрал плексигласовую защитную перегородку с носа лодки, и мы были предоставлены стихии «лицом к лицу».

Еще бы час и мы вошли бы в «нейтральные» воды двух озер —Чля и Орлеь. И еще часа два, чуток больше, мы могли бы быть на месте. Виктор шел кратчайшим путем, отлично зная воду, на которой вырос. Стоило мне об этом подумать, как лодка буквально дернулась и метнулась влево – к середине воды. Я открыл рот, чтобы спросить Виктора, в чем дело? Как увидел, что прямо нам в лоб, среди зеркальной глади, словно гигантский спинной плавник рыбы, чудовищных размеров, разрезал ровно зеркало воды на две половины и мчался прямо

на нас! Это была очень странная волна при ясном солнечном небе, еще сохранившейся тишине и полном штиле! Мне показалась, что этот волнорез рядом с нами. Хорошо, что показалось, ибо был он еще в километре от нас, иначе нам был бы каюк! «Цунами...» – спокойно сказал Виктор и лицо его вмиг скинуло кирпичный загар, став серым. Я еще только по книжкам знал, что такое цунами и чем волны цунами отличаются от штормовых волн. Волна цунами шла ровно и прямо вперед, как по линейке. Собственно, это была не одна волна, а «гряда» волн и по возрастающей. Через несколько секунд со стороны «волнореза» небо и вода соединились. Солнце утонуло в волне, которая своей вершиной ушла далеко в голубизну неба, растворив ее в себе без следов. Виктор хорошо знал, что такое волна цунами и частично ему удалось оттянуть лодку от основного фарватера волнореза. Но, только частично! Минут десять, не больше мы шли параллельно волнорезу – буду так называть цунами. Но, уже не по зеркальной глади и по начинающему бурлить снизу водоему с массой хаотических волн, высотой до метра, вызванных волнорезом. Виктор вцепился в руль вихрей (он сделал один руль для обоих моторов) и старался держать перпендикулярное направление волнорезу. НО лодку нашу уже дергало, как поплавок, к «крючку» которого в водных глубинах прицепилась громадная рыбина, пытающаяся освободиться от лески.

Сколько прошло времени и что удалось Виктору, прежде, чем я понял, что наше суденышко неуправляемо! Моторы еще работали, но, то и дело он крутились, как пропеллера глиссера (нет лучшего сравнения) в воздухе. Нас спасал киль, иначе мы давно бы кувыркались по горизонтальной оси. Вернее, кувыркалась бы лодка, а нас, людей, разбросало бы на все четыре стороны!

В такой ситуации, когда невозможно ориентироваться в окружающем, перестаешь ориентироваться и во времени. А в пространстве мы не ориентировались настолько, что не знали не только, где перед, где зад, но и где – справа, где слева, где верх и где низ! Виктор что-то кричал нам, не оборачиваясь, но грохот был такой, что слышно ничего не было. Да и видеть его я мог только очень короткими периодами, когда он, словно выныривал из-под воды. В лодке воды не было, ибо качка была такая, что, наполнившись мгновение с верхом водой (сохранялась плавучесть вместе с нами, пассажирами), в другое мгновение вся вода просто «выплескивалась».

Да, а пассажиры, я оглянулся и убедился, что все на борту: старичок залез под скамейку, обложившись пустыми баками. То ли сам догадался и успел так сделать, то ли стихия так распорядилась, но баки были крепко закреплены к скамейке, благодаря перекрутке с ней длинного троса, соединяющего баки. Таким образом о нем волноваться было нечего, за борт его не выбросит, и утонет он только вместе с лодкой. А вот «медянка», как и я, как села, так и с места не сходила, изменила, правда позу – кистями держалась за лавку, посреди которой сидела одна (в лодке были три скамейки для пассажиров: я сидел на первой, «медянка» – на второй, старик под третьей). Виктор, естественно, держался своего места на корме. Мы, трое «активно-спасающихся», держались не только руками, но и ногами. У Виктора было для этого специальное приспособление, а мы с девушкой ногами сжимали снизу скамейки. Девушка потеряла свое очарование. Действительно, мокрая, озябшая – на ней было только ситцевое платишко – она была похожа на мокрую кошку. Но, судя по прямой осанке и весьма эротичному виду – мокрое платишко обтягивала плотно все ее богатые плотские прелести, которые можно было видеть в «просветах» убивающих нас волн и кувыркающейся лодки!

Мы давно уже были в огромном «водовороте» штормовых волн, смешавших небо и землю. Тогда у меня возникла мысль, что мы как маяк в шторм кувыркаемся на месте. Только в отличие от маяка, надежно прикрепленному к одному месту файлом, с бетонной балкой вместо якоря, мы ни к чему прикреплены не были. Виктор весьма хорошо подготовил лодку к штормам и килем, и баками, кроме тех, которые для пассажиров, приваренными по бокам лодки высоко от ровной воды. Штормовые волны нам были не катастрофически страшны, но,

вот столкновение лоб в лоб с волной цунами, этой «бетонной» плитой воды или наезд волны цунами на наше суденышко – однозначно конец!

Я успокаивал себя, что обычно, как мне было известно, давно интересующемуся цунами, второго «ряда» волнореза не бывает. А первый промчался стороной, валя, как огромная бензопила, притопленные вековые ели, кедры, сосны, – все, что было на его пути. Я мысленно прочертил направление движения волнореза цунами, и у меня получилось, что он на одной прямой со знаменитым прииском «Многовершинка», где золото добывают взрывами динамитных пашек, закладываемых в «ствол», просверленный в монолитной породе. Так, если под слоями земли, под корнями деревьев приамурской и приокеанской тайги сплошной пласт камня, то совсем просто понять происхождение цунами! А, если я ошибся, связав волнорез цунами со взрывами на прииске Многовершинки (о нем будут отдельные записки), то в радиусе 200—300 км. Есть и еще несколько золотых приисков, где также взрывают золотоносную породу, а потом промывают драгами. Будет случай – и об этом расскажу. Везде я был исключительно как судебно-медицинский эксперт, а то и – следователь прокуратуры. Вскрывал трупы и «отбирал» показания...

Размышления мои отражали мою активную жизненную позицию. Как в анекдоте про Ивана Павлова, нашего великого физиолога. Он, умирая, окрутил себя проводами датчиками и окружил сотрудниками, чтобы они фиксировали и анализировали умирание в ясном сознании старика. Умер Павлов на 88 году. Можно сказать, «от старости». Так вот, правда нет – не знаю, но встречал в разных источниках. Звонит ему в этот момент Сталин, чтобы справиться, как здоровье великого академика СССР. Сотрудник, было протянул телефонную трубку Павлову, прошептал – *«Вождь просит...»* На что Павлов ответил: *«Передайте вождю что Павлову некогда с ним говорить, Павлов умирает!»* Я это к тому, что тонуть мне тоже было некогда. Я решал более важную задачу – происхождение цунами на озерах Орель-Чля!..

...И все же ходы моих мыслей о происхождении цунами на приамурских озерах были прерваны... настоящим ужасом, какой охватил меня, когда я понял, нет не услышал, это было невозможно такая какофония стихий – воды, ветра, вселенского шума, стояла над нами и в нас, понял, что моторы заглохли! Вот теперь мы точно поплавок – ничуть не лучше омулевой бочки, в которой бродяга Байкал «переехал»: Помните? *«Славное море, священный Байкал, Славный корабль, омулевая бочка, Эй, баргузин, пошевеливай вал, – Молодцу плыть недалечко»* Точнее, я здесь смешал две песни. К нам больше относилась песня на слова Дмитрия Давыдова, кто знает...

...Наверняка в панике, я соскочил со своего «насиженного места и рванул, цепляясь за сиденья (кстати, случайно схватил за кисть «мокрой кошки», что меня отнюдь не впечатлило). А вот для нее, как я потом узнал, это был знак, что я ее не брошу и что если погибнем, то вместе: я при спасении утопающей! Эта была чистейшая неправда, когда я ей это сказал, она слегка была огорчена, ибо была почти уверена, что произвела на меня романтическое впечатление, что (мистически!) помогло нам выжить. Я уже добирался до Виктора, когда мой ужас и моя паника – слились, если такое возможно в одном человеке – я увидел лицо Виктора в полной растерянности и отчаянии. В таком состоянии, как правило, человек совершает нелепые, чреватые трагическим исходом, действия! Это было и с Виктором: он «ловко» снял крышку одного вихря и принялся было за другую, когда я успел одной рукой остановить его руку, тянущуюся к крышке второго «вихря», а другой дать ему со всей силы, которую позволили мне обстоятельства – лодки-поплавок! Я кричал ему, что он и самоубийца, и убийца.. Он, естественно (sic!) ничего не слышал, но по моему лицу, я был рядом, понял, мои чувства и... пришел в себя. По его губам я прочитал, что он спрашивает меня, что делать? То есть, что он полностью в себя не пришел. Я выхватил у него крышку и начал закрывать ей залитый водой мотор. Обращаться с лодочными моторами я не умел. Но, тут как-то получилось. Дальше, как умный робот, я схватил болтающийся тросик, запускающий «вихри» и с силой, дернул его...

Вот тут произошло одно из чудес моей жизни. Умом такое не понять (как Россию, видимо). Короче: вихри с полуоборота запустились, и лодка рванула, Виктор мгновенно пришел в себя и схватил за руль. Мы пошли в прямом смысле этого слова – в гору набегающей на нас очередной волны. Я сел рядом с Виктором, инстинктивно боясь, что если пойду к себе, то моторы заглохнут! Глупо, конечно. Мое присутствие на «вихри» теперь никак не влияло. Но Виктор, видимо, думал иначе. Решил, что я в таких делах, как запускать залитые водой моторы – ас! И, вообще, ас. Он почти прижал рот к моему уху и спросил, что дальше делать? Я сначала подумал, что он о моторах, а он, повысил меня в должности до капитана на его «корабле». Я посмотрел в сторону, как мне думалось, противоположную, той, где прошел волнорез цунами, и увидел... тайгу! Нас почти прибило к берегу. Да еще к какому – незатопленному! Мы все увидели землю и вдруг гул, шум, треск – исчезли. Наступила не первоначальная тишина, как мы отчалили, но все же мы могли слышать друг друга. «*Однако, берег...*» Это подытожил нанаец, успевший как-то быстро распоясаться и вылезть из под своей скамейки. И это было еще не все. «Мокрая кошка» обняла меня за талию и прижалась ко мне. Я понял, что не только Виктор произвел меня в капитаны, но и мои попутчики. И я принял свою роль, скомандовав Виктору, чтобы направил лодку к берегу, а дальше, шел вдоль берега. Я говорил уверенно, не совсем не был уверен, что вот там, за поворотом, вновь не начнется ад крошечный! Тихой сапой мы пошли вдоль берега, очень осторожно, готовые ко всему и плохому, и хорошему.

Сколько времени мы, на все увеличивающейся скорости по мере возвращающегося к Виктору прежнего состояния духа, шли вдоль утопленных, местами по самую верхушку деревьев, не знаю. Часа три, не меньше. Вышли до полудня. А увидели желаемую цель – Чля, в вечерних огнях. Нам на встречу пробилась два луча от мощных прожекторов. Когда нас увидели, на берег навстречу вывалил весь поселок, за исключением покойной и того, кто скрылся с места преступления, ударившись в бега.

Мы спокойно и благополучно причалили, Виктор взял на руки старика и понес, ибо японские сапожки были невысоки. Мне же досталась... хозяйка медной горы. Я нес ее и чувствовал, что несу родное существо. Нет, это не внезапная страсть эротическая, которой нередко заканчивается паника с благополучным исходом. И не гипноз изумрудных глаз, которые смотрели на меня с восхищением. Наташа потом уверяла меня, что именно я, своим хладнокровием (а у меня была паника!) спас всех и покорила ее сердце девственницы напрочь... Ну, да ладно. Подробности в другой части записок. Здесь же, увы, я должен еще сообщить, что Виктор, воодушевленный таким «гладким» исходом, не исключено и то, что ему нужно было, для него самого, реабилитироваться. Вернуть себя с четью отданное мне право капитана судна в самую трудную минуту. Может и что-то совсем на мои предположения не похожее. Но, оставив нас на берегу, окруженных ликующей толпой, он лихо прыгнул в свою ладью, дернул «конец» «вихрей», они взревели, он стал разворачивать нос... в обратный путь! «Куда?!» – закричал я. К моему голосу присоединились крики встретивших нас. На большой скорости, проносясь мимо нас, он прокричал: «Я скоро, я вернусь... Там же люди ждут!»...

...Сколько ему удалось проплыть – никто не знает. Почему утонула лодка с пустыми баками, с огромным килем – трудно понять. Думаю, что врезалась в волну цунами или была накрыта ею... волнорезом второго хода! Виктора нашли случайно, зимой. Рыбаки ловили на льду посредине Чля и зацепили его... Я убедил прокурора, что нет необходимости проводить судебно-медицинскую экспертизу, достаточно, если труп осмотрит глав. врач больницы. Прокурор меня послушал. Виктора похоронили рядом с его теткой. «Вихри» с лодкой до сих пор ищут: хороший был у парня корабль!

Часть 2

Отвечая на приветствия встречающих нас кивками, я прямо направился к дому на окраине поселка – в километре от причала. За мной засеменила Наташа. и присоединился долговязый парень в белом халате и во врачебной шапочке. Я понял, что это и есть главврач, из-за которого я чуть было не утонул. Мне не нужно было спрашивать, где дом с покойницей, ибо, приторно-тяжелы и липкий запах разложения человеческого тела в жару на поверхности – не спутать ни с чем. Он распространяется до двух километров по открытой местности. И ветер ничего не может с этим запахом поделаться! Народ расступился, давая мне дорогу. Слова, обращенные ко мне я не слышал, потому что не слушал. Сосредоточился, пытаюсь отгадать, что я «найду» с первого осмотра трупа прямо в гробу. На быстром ходу почувствовал, что кто-то пытается меня догнать. Оглянулся, это был дедушка. Я приостановился. Он подбежал ко мне и хлопая меня по спине сказал: «Увидимся, однако!» И, довольный, что я, остановился для него, побежал прочь, как бегают дети, в припрыжку. Врач что-то мне говорил, но я никак на его слова и сопровождение не реагировал. Я действительно был поглощен мыслями об «интриге», разоблачить которую я должен и сразу. То, что «сразу» – такое было у меня наитие.

Я весьма толерантен к различным негативным. Скажу так, запахам человеческого тело и мертвого, и живого. Анализ запахов – компонент моей экспертной работы. Рвотный рефлекс был подавлен полностью. Подходя к дому покойницы, окна и дверь которого были открыты настежь и приперты, чтобы не захлопнулись от сильного ветра. Возле дома ни души. А как же звери? Вдруг труп уже обглодан одичавшими собаками, которых было полно в тайге, волками и другими хищниками, вроде рыси, росомахи. А медведь вообще любить разлагающееся мясо – никогда свежину не ест... Я прошел через какую-то комнату и понял, что гроб стоит в большой комнате, и тут же, шагнув, увидел его, гроб с покойницей и кучей завядших таежных цветов, запах разложения которых как бы параллельно сосуществовал с основным запахом – гниющего на свежем воздухе в невероятно жаре, человеческого тела. Я подошел к гробу. Он, конечно, был открыт. Крышка стояла у стены рядом. Сразу обратил внимание, что шея покойницы закрыта полностью шелковой косынкой. Распустив косынку – первое, что я сделал – я увидел... странгуляционную борозду... посмертную, как я предположил, несмотря на то, что кожа не шее уже сползала лоскутами. Потом я надел перчатки, вынув их из фирменного саквояжа, и приподнял оскалившуюся серо-зеленую голову... с медными волосами! Мне не нужно было открывать глаза покойнице. Я знал, что они ярко-зеленые, были таковыми до разложения, как у Наташи! Мне было немного не по себе, ибо, абстрагируясь от того, что с телом сделало разложение, я видел, что Наташа – копия ее мама! Наташа, с которой я был на краю гибели, сейчас лежала передо мной в гробу, в похоронном одеянии...

...Только я взял голову двумя руками и приподнял с маленькой вышитой подушечки, как мои безымянные пальцы и мизинцы просигналили мне, что теменно-затылочная кость размозжена! Вот и интрига! Смерть наступила от сильного удара тупым твердым предметом по затылку. Женщина умерла мгновенно (кстати, ее тоже звали Наташа, мама назвала дочь свои именем, видя, что девочка будет ее копией). Мгновенная смерть... а кто тогда подвесил еще горячее мертвое прекрасное тело, засунув окровавленную голову в петлю? Кто это сделал, не нужно долго думать, чтобы понять, что имитировал самоубийство через повешение, и делал это, находясь в состоянии сильного аффекта. Вот для психолога задача. Человек размозжил голову, мысль у меня была – обухом топора – затем вытер от крови голову и волосы, сделал петлю – наверное на эту мысль натолкнула его находившееся рядом бельевая веревка, и повесил труп! Я уже рисовал картину убийства и, получалось, дилемма: умышленное или неумышленное убийство? То, что я подумал, что повесить труп подсказала рядом находившаяся веревка, я заранее склонялся к... неумышленному убийству! И скоро начал думать о месте

совершенного преступления: сарай, который я проходил. Топор, веревка – им место в сарае. Но... зачем идти с жертвой в сарай, чтобы убить? Я был убежден, что труп, который нашли висящем в сарае, никуда не перемещали...

...Я сделал стандартное вскрытие «по Шору», взял кусочки органов на химический анализ, зашил труп и даже сам одел его и вышел к блюющему глав. врачу, который делал это, прижавшись к громадному кедру, дожидаясь меня и, наверняка, моля бога, чтобы я не позвал его, коллегу, в помощники! Мы направились в лабораторию больницы, чтобы упаковать органы в банки с формалином. На этом моя миссия с трупом была закончена. У больницы стояла кучка людей. Ждали меня. «Хороните!» – Сказал я спокойно. В лаборатории я распорядился, чтобы глав. врач по очереди направлял ко мне всех, кто может что-то сказать о покойной. Но не больше десяти человек. И расположился удобно в кабинете глав. врача (опускаю гигиенические процедуры, которые, конечно же совершил с собой, покинув переодетый труп с тряпками в собранный мной череп, вместо мозга, который оказался, как всегда, в животе, на месте желудка). Распорядился, что обедать буду после опроса «свидетелей». Глав. врач весьма дружелюбно пригласил меня к себе домой...

...Главное, что я узнал, что женщина вот уже год жила с молодым «вольным» охотником, каковых тогда на ДВ в тайге было чуть меньше, чем БИЧ-ей (бывших интеллигентных человек) – вольных индивидуальных старателей по драг металлам и золоту. Этот промысел в определенных районах приамурской и приокеанской тайге был разрешен. Сожитель покойной Наташи был на пятнадцать лет моложе ее. Опрашиваемые в голос утверждали, что Наташа и Гарик (он был армянином) жили дружно и, по любви. Ссор между ними замечено не было. Главное, что Гарик исчез... По описанию опрашиваемых, Гарик был красивым, «большим» мужчиной, который мог поманить пальцем любую женщину поселка, и она бы, не задумываясь, к нему побежала. Для меня было важно, что Гарик мог легко поднять труп Наташи и повесить его. И, что национальный темперамент мог довести его до убийства. Но... одна могла быть здесь причина – ревность, неверность Наташи? Опрашиваемые категорически заявляли, что Наташа «гулять перестала, как только сошлась с Гариком. Гарик был трезвенник и никто не видел, чтобы Наташа выпивала, будучи с Гариком. До него – она пила...

...И вот передо мной дилемма – как-то нельзя манкировать приглашением глав. врача, который только принял больницу и мы не были знакомы. С другой стороны, сердце рвалось к Наташе, которая сообщила, что после поминок ждет меня у себя, для этого ей приготовили целый дом, на другой окраине поселка, от дома ее матери. Прокурор дал мне двое суток на отдых в Чля, после чего, если погода наладится, меня сменил следователь прокуратуры (о нем, советском Коломбо, будут у меня особые записки и не одни). Я решил так, что отобедаю у главврача, а потом уйду к Наташе и оставшееся время проведу с ней. Но, судьба распорядилась иначе. Стоило мне войти в горницу коллеги и увидеть его жену, тоже, кстати, врача, я понял, что вряд ли мне дворе суток хватит: Валерия, Лера – так звали жену Коли (имя главврача), была поразительной красоты и какой-то необыкновенной чистоты, которая просто окутывала ее почти осязаемой аурой. Голос – грудной, глубоко женственный. Сейчас бы сказали чрезвычайно эротичный. Она посмотрела «полными» карими глазами на меня, и я был в ее плену! В Наташу я вроде бы влюбился, пережитое очень сблизило нас без слов. Она магически приворожила меня. А Валера мгновенно, мановением белой руки (такие, наверное, были у Афродиты, поэтому их и украли), просто стерла все навьи чары Наташи, как легкий флер, если так можно выразиться. Я даже не стал ее рассматривать, чувствуя и внутреннем взором видя, как прекрасно и как желанно ее тело для мужчины, какой знает толк, что такое «женщина с изюминкой»! Я со страшной силой (наверное, моя плоть требовала разрядки, и душевной и телесной) захотел ее, да так, что боялся, что муж это почувствует и очень хотел, чтобы это почувствовала она, Валерия.

Коля принялся доставать соленья и моренья к столу, а Валерия предложила мне осмотреть дом, сообщив, что она двумя контейнерами перевезла сюда почти всю семейную библиотеку, без которой жизнь нигде не мыслит. А, в Чля, по договору, они должны прожить (оба ленинградцы) три года. Если же понравится, то еще три года. Они были однокурсники и одногруппники. До этого, как оба признались, даже не симпатизировали друг другу. Значит, мои новые друзья-коллеги были на год младше меня. Но Лера была юна, и выглядела лет на 18. «И, почему они, Наташа и Лера, юные, в моих глазах выглядят моложе своих лет?» – Мелькнула хульная мысль...

...Это произошло в библиотеке. Лера тихо закрыла за нами дверь, и сразу быстро встала передо мной на колени, а ее длинные, белые пальцы с городским маникюром, начали нежно расстегивать пуговицы на моих брюках. Тогда минет не был обычным началом секса. Женщины крайне неохотно шли на него. По поводу минета среди нас, медиков, ходило множество скабрёзных анекдотов... У меня еще не было женщины, которая сделала мне полный минет. Больше того, я, влюбчивый и, падкий, что скрывать, на женщин, продолжал стесняться не то, чтобы дать женщине в рот, но просто подумать об этом! Больше того, я стеснялся своего сильно напряженного члена и не мог без смущения произнести «сперма»! А тут... такое! Я, чувствовал, что краснею, что разрываюсь в противоречивых чувствах – войти в алый пухлый рот с слегка вздернутой верхней губой и, теряя сознания и задыхаясь от сжатого с воплем наслаждения дыхания, выбросить глубоко-глубоко туда, в бездну рта, СПЕРМУ!

Конечно же я отключился и пришел в себя, когда почувствовал, что мой член уже в другом раю: я лежу на спине, а Лера, обхватив меня широко раздвинутыми ногами, плавно и мягко скользит по члену, руки ее с городским маникюром нежно лежали у меня на груди. Ее огромные карие глаза в упор смотрели на меня, рот приоткрыт, дыхание ровное, жаркое. На лице улыбка нет, не наслаждения, счастья! Пардон, мы кончали вместе раза три+ минет, во время которого, по признанию Леры, она «трижды испытала сильный оргазм». С ее слов, потом, у меня дома в Николаевске-на-Амуре, она сказала, что я – второй ее мужчина после мужа. И что первый и единственный, у кого она взяла в рот...

...Несколько слов о моих новых друзьях-коллегах Валерии и Николая Будаковых. Самое главное – они были чрезвычайно уважаемые в поселке и в таежном окружении. Не успели распаковаться, как жизнь испытала их на прочность и возможность с достоинством жить и работать в таежном ДВ-поселке. И вот, как это случилось. Буквальные в первые дни работы в больницу из тайги доставили изрядно помятого медведем вольного охотника. Погода была нелетная и ждать помощи из города было напрасно. Коля восемь часов не отходил от операционного стола и, фактически один собрал из «кусочков» охотника, сохранив ему полную работоспособность. Это при переломе костей рук, ребер, грудины, рваной раны лица, открытой раны брюшной полости и прочих «мелочей». Через несколько дней Валерия, в отдаленном хуторе сделала кесарево сечение и спасла маму и двоих детей, также, без каких-либо осложнений. Всенародная любовь, уважение и полная личная безопасность (что в таежном поселке не малое дело). Мужики и оседлые, и «бродячие» по тайге положили глаз на Валерию сразу, как только она сошла с трапа вертолета. Молодая, статная, высокая женщина неопишуемой красоты и трудно скрываемой вулканической сексуальности. Таких баб, пардон, мужик чует за версту. Коля же до случая с помятым медведем мужиком вызывал о потенциальных соперниках чуть ли не презрения. Долговязый, с узкими плечами, толстыми бедрами, как у женщины, с покрытым юношескими прыщами лицом. Было естественное недоумение, что такая женщина могла найти в таком мужчине? Некоторые мужики потирали руки и глотали слюнки, предвкушая легкую победу над ленинградской красавицей. Женщины же только улыбались. Они-то сразу поняли Валерию: как карточная дама, только сверху дама пик, а снизу, в смысле, как подводная часть айсберга, дама черви. Лед и пламя... и золотые руки.

Любовь в библиотеке окончили ко времени, когда Коля накрыл стол. Они, конечно, хотели, чтобы я остался ночевать у них. Но... меня ждала Наташа! Оставить ее одну или с родственниками на поминках, которые будут длиться, несомненно, несколько дней и ночей, я не хотел: ей переживаний, полученных на озерах, было вполне достаточно. Она мне представлялась очень хрупким созданием, физически и душевно. Поэтому, улучшив момент, я сказал Лере, что после обеда уйду в приготовленный мне дом. И, завтра, если будет летная погода, за мной прилетит вертолет. Я также сказал ей. Что дома практически не бываю и поймать меня можно только в морге. За обедом, несмотря на то, что аппетит у меня разыгрался, я не расслабился и после граненого стакана брусничной настойки на медицинском спирте, закусивши копченой по-домашнему севрюгой, я сказал чете Будаковых, что ухожу, хочу отдохнуть. Возражения и уговоры твердо отверг, вставая из-за стола. Странно, столько события и каких: цунами на озере с Наташей, «цунами» в библиотеке с Лерой. Вскрытие разлагающегося трупа Наташи-старшей... и не в одном глазу усталости! Я предвкусил «цунами» с Наташей в ее доме!..

...Я был уже у двери на выход с котомкой съестного и выпивки, что приготовил лично Коля (саквояж я оставил с банками в лаборатории), как в дверь робко постучали. Пришел старичок с подарком. Он вытряхнул из мешочка шкурки четырех соболей. И словно опережая мой ненужный вопрос, сказал: *«Они со штатными артели... я заработал, а теперь тебе дарю... Собираюсь в Николаевск, привезу еще подарков»*. Охотники были не только вольные, но и артельные. С артельными расплачивались за добычу деньгами и их же, добытыми шкурками соболя, чернобурки, песца, норки, колонка и т. д. Только такие шкурки можно было приобретать. За шкурки без клейма можно было нарваться на большую неприятность от следователей ОБХСС УВД Николаевска-на-Амуре. Правда, за три года работы в Николаевском районе не было случая, чтобы кого-нибудь наказывали за «украденный у Государства» мех. Все сотрудники прокуратуры и милиции выдывали свежие шкурки у тетки Муси, которая жила за окраиной с тридцатью тремя котами и тремя волкодавами. (О ней речь пойдет в своем месте и времени записок и не единожды). *«Ульгучье – так звали старичка с соболями, ты перво-наперво привези доктору в Николаевск шкуру медведя. А, собольков, норок и прочее он раздарит своим дам...» – «И медведя и для дам, все привезу...»* О легендарном роде Ульгучье, с которым меня за три года работы в Николаевском-на-Амуре районах судьба связала мистическим узами, тоже расскажу, придет случай...

...Валера «поймала» меня по телефону в морге на второй день, как прилетел домой. Двое суток из-за непогоды и провел с Наташей. Но, сначала несколько слов о наших коротких отношениях с Валерией. Я взял трое суток отгула, когда ко мне прилетела Валера. Трое суток мы не выходили из моей квартиры. Трое суток мы занимались любовью, выжимая из наших молодых и сильных тел и душ, все, что может выжать вулканическая (цунамическая) страсть. Именно с Валерией и впервые познал все прелести Камасутры на практике, как и она тоже. Все эти секс-асаны, типа *полет орла*, за которые тогда в США можно было получить срок почти во всех штатах. Потом она улетела домой. Больше я никогда ее не видел не слышал. Возможно, она звонила в морг, звонков туда масса. Линия как в «Сольном» в революцию. Чтобы дозвониться, например, из поселка Чля в Николаевск-на-Амуре, нужно пройти через ряд промежуточных телефонисток. На последней связь может обрываться. Так, что я не знаю – звонила и как долго Валерия ко мне морг. Полететь в Николаевск-на-Амуре из Чля – тоже проблема. Можно в любой сезон застрянуть на месяц. Я же Валерию не разыскивал. Конечно, хотел бы с ней встретиться, но уповал на случай – если будет командировка. Но Коля больше прокуратуру не беспокоил. Трупы вскрывал сам. Я даже выделил ему 0,25 ставки судебно-медицинского эксперта... Вот такая история! Мой ангел, видимо, не услышал жарких и страстных слов Валерии у меня в квартире: *«Ты мой, только мой, навсегда!»* И, последнее. Если у меня есть дети, о которых я не знаю, то в первую очередь ребенок должен родиться в поселке Чля...

...С Наташей тоже любовь была короткая – чуть больше суток в поселке Чля. Смерть и похороны мамы ее словно никак эмоционально не задели. Как я узнал потом, ее воспитывали бабушка с дедушкой во Владивостоке. Но маму она навещала регулярно с иной целью. Эта, показавшаяся мне хрупкой девчушка, на самом деле имела стальные мышцы, что не безобразили ее великолепную точеную фигурку. Она была – мастером спорта и рекордсменкой по мототриалу. Неоднократной чемпионкой Владивостока и в целом Дальнего Востока. Готовилась для вступления во всесоюзную команду. В Чля у ней был мотоцикл для тренировок по тайге. Так, что ночью Наташа, в избытке чувств от чрезмерных потрясений, призналась мне в любви и отдала свою девственность. Секс с ней был, конечно, интересный, но ни в какое сравнение ни шел с физическим обладанием Леры! Да и Наташа любила, скорее головой, чем телом. Но, вот езда с ней по тайге, болотным кочкам, по горному массиву – явление незабываемое на всю жизнь. Нечто подобное я в жизни испытал еще раз – с моим трагическим другом (рано погибшим, может опишу его нелепую смерть, хотя уже неоднократно о Сереже Елисе-еве я писал). Сережа был нештатный каскадер на студии «Мосфильм» и «Грузия-фильм» Он снимался во многих советских фильмах, заменяя каскады актеров, исполняемые на различных авто, в том числе и на мотоцикле... Я улетел в Николаевск-на-Амуре. А Наташа осталась в Чля, а потом улетела во Владивосток. Однажды она позвонила мне, из Владивостока, сказала, что едет в Чля и пригласила меня с собой. Но, кроме боли в ягодицах от тряски по кочкам и таежным «неровностям», никаких иных телесных наслаждений, которые я испытал с Наташей, не запомнились. Но я встречей с ней манкировал.

Часть 3

Лабораторный анализ показал, что перед смертью Наташа-старшая имела половые акты с двумя мужчинами – сперма во влагалище и прямой кишке. Старший следователь прокуратуры (прототип знаменитого Коломбо) Олег Савчук, прочитав это в моем Акте, плюнув в урну, которая стояла рядом с его столом, спросил: *«А ты можешь сказать, через какой промежуток попала сперма, куда ты пишешь? Или сразу? Второе. Вроде бы исключается, судя по показаниям твоих опрошенных»*. Кстати, своими допросами я освободил Олега от необходимости на данном этапе лететь в Чля, чему он был рад. У следователей Николаевска-на-Амуре, особенно прокурорских, командировок было не меньше моих. *«Олег, не мне тебе советовать... Но, нужно объявлять в розыск всех артельщиков и вольных охотников, кто „работал“ с Гариком. Ты меня обычно не слушаешь, как мне представляется это „дело“, но я все же скажу, что Гарик, если и убил Наташу, то не из-за ее неверности... Что же касается с какой чередой она принимала в себя любовников, я могу только, с вероятностью 25% сказать, что в один день, но не в один час...»* – *«Продолжай, продолжай, я все равно тебя не слушаю! А, вот на поставленный мне вопрос ты ответишь в дополнении к Акту по статье УПК 282...»* (об отказе дачи показаний или за заведомо ложные показания; сейчас это статьи 306 и 307 УК РФ)...

...Я любил ходить в небольшую «забегаловку» в порту. И не ресторан, но и не столовая. Всегда полный один зал. Отличная кухня, всевозможные, в том числе заморские напитки, доставляемые японцами, вывозящими из ДВ тайги строевой лес – японскими лесовозами был забит Татарский пролив. А в поселке Николаевского района Мыс Лазарева, был даже японский интерклуб, который посещала только японская морская и наша, портовая, элита (подробно в записках о «Мыс Лазарева»). Прошел месяц, дело об убийстве Наташи-старшей и попытки имитации самоубийства, зависло. Гарик исчез. Среди знавших его артельщиков не нашлось второго любовника Наташи. И вот я сижу за столиком на двоих – всегда для меня такой стол специально ставился – и жду заказ. Неожиданно за мой стол со своим стулом садится... Гарик! Официант, видя, что я не один, тут же ставит второй прибор, включающий, укажу особо, ложку, нож и вилку, две рюмки и графинчик с водкой – это заказал Гарик. Я никогда в данном

заведении в рабочее время алкоголь не заказывал. Сел и демонстративно, во-первых, уперся глазами в мои глаза, а, во-вторых, положил свои огромные кулаки на стол, рядом с ножом и вилок. Я расслабился, как всегда делал на ринге, когда видел, что противник не из простых и нужно внутренне мобилизоваться. А зал был переполнен! Стоял обычный для таких заведений гул. Столы были плотно поставлены друг к дружке, спинки стульев касались друг друга. Минуту, не меньше, Гарик улыбался и смотрел в мои глаза. Он не успел ничего сказать, как вошел милиционер из рядовых. Я знал всех работников прокуратуры и милиции не то, что в лицо. Но и по именам. Я автоматически взглянул на милиционера, он заулыбался и взял под козырек. Как оказалось, он пришел за сигаретами и выпить у стойки рюмку водки. И вот тут Гарик тихо сказал: *«И не пытайся... Он не успеет тебе помочь, как я всажу тебе нож с вилок в горло. Начнется паника и я смоюсь. Милиционер стрелять здесь не смеет, а подбежать ко мне – не проберется. Да, я знаю, что ты боксер, самбист и все такое. Но здесь, чемпион, ты ничего со мной сделать не успеешь. Я владею ножом с пеленок. Я же кавказец! – Это он сказал с гордостью и слегка откинулся на стуле...»* При словах о ноже, я невольно рассмеялся и выпалил: *«Гарик, ты когда последний раз работал ножом? Да, не хлеб, конечно, резал... А я вот сегодня уже трех, таких как ты, спотрошил. Я работаю ножами разными, чрезвычайно опасными, и, представляешь, ни капли крови при этом на руках... И вилок у меня по круче этих... Так, что, ты, кавказец-засранец не успеешь нож с вилок со стола поднять, как я нацеплю тебя на вилок, а нож будет у твоей сонной артерии...»* Эти мои слова ввели Гарика в некоторый дизлад с собой, вместо излади со мной: все, что угодно, но такой реакции на его слова он от меня не ожидал! А, когда пришел в себя, я держал вилок и нож в тех местах Гарика, в каких обещал. Он пошевеливаться не мог – вилок входила в гортань, снизу, а нож давил на кожу, под которой пульсировала сонная артерия. Улыбка вместе со здоровым цветом смуглой кожи вмиг сошли с его лица, руки плетью упали вниз. Он сильно испугался. В это время милиционер пробрался к двери, приостановился, и показалось, мне подмигнул. Скорее всего, показалось!

...«Док, давай поговорим... Народ сказал, что ты думаешь о смерти моей женицины. Но я ее не убивал и пальцем не тронул... То, что в сарае произошло, ввело меня, наверное, в шок. Это с испуга я ее подвесил, дурак. Вообще я давно хотел от нее уйти. Гуляла она. Могла заразить. Но другой женицины найти не мог. Одни гильячки (общее название коренных жителей Приамурья) на нас, бродячих мужиков, падки и то за водку... В тот день, когда все произошло, идя к ней, я встретил своего земляка, Генрика... мы с ним уже несколько месяцев с общего согласия по очереди ходили к Наташе спать. Но для сельчан Генрик был неизвестен, приходил, когда все спали...» На этом месте я прервал Гарика, сказав, чтобы он сразу отсюда шел в прокуратуру с повинной, к следователю Савчуку... И написал на салфетке, чтобы случайно его не задерживали, что он идет в прокуратуру добровольно и я за него ручаюсь... Но записку я написал после того, как Гарик подробно мне рассказал, что произошло в сарае...

*...А, произошло вот что. Пошли они с Наташей в сарай с дровами. В поселке не было газа, электричество давали по часам, так что обеды готовили и прочее на печках с баками для воды. Даже в Николаевске-на-Амуре воду кипятили в специальных титанах, которые стояли на кухне, похожие на паровозные трубы. Вообще-то это удобно. Внизу титан сделан по камин. Два удовольствия сразу! В сарае между Гариком и Наташей произошла сцена. Это было после полового акта. Сначала Наташа была с Генриком, а через два часа с Гариком. Она была весьма похотливая, не то, что дочь... Гарик в сарае сказал, почти, как принц датский, Гамлет: *«Твой титан не успел остыть от Генрика, как ты приняла меня. А сейчас для кого я буду воду кипятить?»* Наташа разозлилась и сказала, чтобы он убирался от нее, недоел до чертиков... При этих словах... *«Рука моя инстинктивно поднялась... Но я никогда женицин и пальцем не трогал, и Наташу ни за что бы не ударил. Но ей показалось, что я хочу ее ударить. Она стояла спиной к поленице с березовыми поленьями и чурками до потолка сарая. Это три**

метра, не меньше. Наташа попятилась, споткнулась о чурку, лежащую на земле и упала спиной ударившись о поленницу. Дрова посыпались. Крупное полено прямо упала ей на голову, это оно пробило ей голову... Она сразу умерла, не вскрикнув. Я сильно испугался, что решат, что я ее убил поленом. Запаниковал. Увидел веревку... Дальше действовал, как во сне... Повесив Наташу, прокрался домой, взял ружье и свои котомки и в тайгу... Очень хотел с вами встретиться. О вас хорошее мнение, можете понять по-человечески, а у следователей...»

...С моей запиской Гарик пошел в прокуратуру, это двадцать минут быстрого шага от портовой забегаловки. Я пошел в морг и оттуда позвонил Олегу. Гарик сидел у него в кабинете. Я сказал, что готов подтвердить, что Гарик рассказывает правду, как свидетель под статьями УПК. Но Олег все упростил. Взял с Гарика подписку о невыезде. Гарик неделю прожил в гостинице Николаевска-на-Амуре, каждый день показываясь Савчуку. Потом был полностью реабилитирован и ушел в тайгу. Но, как рассказывал мне как-то Генрик, бросил промысел, уехал в Армению. А потом организовал строительную бригаду и начал шабашить. В 90-х года я с молодой женой был в Николаевске-на-Амуре. Остановились в номере для VIP, в отеле. Который принадлежал Гарику. Армянский коньяк лучших сортов был в нашем пивбаре. Денег в отеле с нас не брали, мы были гостями Гарика. Но с ним ни разу не встретились. После распада СССР Олег Савчук стал бомжем. Скитался по тайге от одного нового хозяина-промысловика, к другому. Получил прозвище «сохатый»...

P.S. Тогда, в портовой забегаловке, где я встретился с Гариком, все посетители были оперы КГБ. Гарика вычислили, и он находился под чутким наблюдением гэбистов. Так, что мне ничего не грозило. Но узнал я это от Савчука, когда дело Гарика было отдано в архив. КГБ часто помогало прокуратуре и милиции. Их в таком портовом городе, как Николаевск-на-Амуре, в советские времена было неисчислимо больше, чем следователей прокуратуры и следователей, участковых, оперативников УВД вместе взятых.

Часть 4. Отдельная

...Это случилось в последний ноябрь моего пребывания в Николаевске-на-Амуре, вообще на ДВ. Я вообще я дорабатывал судебно-медицинским экспертом. После отработки без отпуска три года мне полагался отпуск полгода. За время отпуска я собрал вещи, уволился, отказался от должности члена горкома (не будучи партийным – sic, я был постоянным лектором горкома КПСС) и горисполкома. Отдал государству по шикарную по тем временам для Крайнего Севера квартиру и улетел в Москву, поступил в заочную аспирантуру философского факультета, на кафедру прекрасного человека, глубокого мыслителя, якута Арчжила Ильина и на должность психиатра, зав. острого мужского отделения в ПБ №3, Покровское-Шереметьево, что под Рузой... Ну, а пока я в волшебной стране ОЗ как судебно-медицинский эксперт Николаевска-на-Амуре и пяти, прилегающих к нему районов. И вот, ледяной и ветряный ноябрь 1971 года. Татарский пролив, протоки Амура и мое любимое «море» Орель-Чля еще судоходны. Заканчивается путина. Заканчивается лафа браконьеров. Много работы рыбнадзору, с капитаном и командой одного катера я дружил. И был любовником (не первым и, наверняка, не единственным) его премилой и пре-сексапильной жены...

...Трагедия случилась на озере Орель, совсем не далеко от реки Подгорная (*подгорная* – sic! Для тех, кто не поверил, что на море Орелья-Чля были цунами и в мое объяснение их – взрывы на золотых приисках, горы которых, вероятно на 90% соединялись единым горным массивом с озерами, который образует их дно, засыпанное песком и природным «гравием»). Катер моего друга-капитана рыб-инспекции, гнал за катером браконьеров и сел на мель. Повторяю: в это время штормило и шел град... Команда, во главе с моим другом Мишей, рискуя жизнью, пытались баграми столкнуть катер, который завяз в песке. Багры – два с половиной метров, деревянные с кованными наконечниками. Катер на мели кидало из стороны

в сторону. Только штурман стоял у штурвала, остальные работали баграми. И, как бывает, когда сатана берется погубить праведников, заглох мотор... Кончилось тем, что катер перевернулся и вся команда погибла... Их нашли всех спасатели военно-морской амурской флотилии. Дело возбудила наша прокуратура, следователя был, как всегда в сложных случаях, Олег Савчук. Трупы своих друзей вскрывал я...

...Работал безвыездно из Николаевска-на-Амуре и не покидая морг ровно роковых четверо суток... Перерыва на отдых не было. В тайге, недалеко от поселка Чля застрелили вольного охотника. Савчук, участковый милиционер (рыжий детина Боря – о нем в следующих записках) и я, погрузились на точно такой же катер, какой погиб, рыбнадзора и отправились в Чля. Погода наладилась так резко, что температура поднялась до 20 градусов тепла, ярко светило солнце. Ни ветерка! Дальний Восток – место контрастов. Климат – резко континентальный. В весенние и осенние месяцы морозы сменяются жарой и обратно. Протоки могут покрыться льдом, а через несколько дней прогреваются до 18 градусов... НЕ поверите: на том же самом месте, где погиб корабль со всей командой моего друга, капитана Михаила, наш катер сел на мель! Не на ту же самую, но в ста метрах от нее. И... погода началась портиться. Солнце исчезло, а жара стала сползать под покровом откуда-то появившихся черных туч, груженных тоннами маленьких льдинок, которые вскоре обрушились на наше судно. Савчук командовал участковым и мне, чтобы по двое брались за багры и сталкивали корабль с насыпи. Дальше, как по писаному. Стало штормить, пошел дождь со снегом и... заглох мотор! Капитан Егор спустился к механику и принялся в раскачивающемся судне налаживать мотор, из люка было слышно, как он матюгал механика. Боцман, два матроса, Олег, участковый Боря и я работали баграми. Мы с Олегом – одним багром, а гигант Боря один, казалось легко, управлялся с громадным и тяжелым багром. Все молчали. Все были на похоронах своих товарищей (ребята с рыбнадзора были нашими друзьями с работниками прокуратуры и УВД). И... мы столкнули катер! Капитан что-то сказал Савчуку и корабль повернул на 180 градусов к берегу. В поселок Чля мы не пошли. Олег у меня в морге, потягивая спирт и закусывая черной икрой, густо намазанной на белый, горячий хлеб (который выпекала ЦРБ, при которой и была судебно-медицинская экспертиза), когда моя мед. Сестра Люся дозвонилась до поселка Чля, взял трубку и распорядился о проведении экспертизы застреленным охотникам глав. врачу Коле. Когда разговор с Колей прекратился, Олег, закрывая ладонью трубку, подмигнув мне единственным глазом (я же говорил, что он – копия Колумбо) и спросил, буду ли я разговаривать с докторшей (то бишь, с Валерией), она вырывает трубку у своего мужа. Ни Валерия, Ни Коля не знали, что я рядом со старшим следователем прокуратуры. Я отрицательно махнул головой, предвкушая встречу с моей бывшей студенткой «черной розой» – неопикуемой Ольгой Ковригиной. Сейчас бы она победила на всех мировых конкурсах красоты и, если бы захотела, блистала бы на всех «глянцах»... Когда мы, там, в морге, изрядно разогрелись медицинским спиртом, начали «базар», Олег, икая, спросил, а кто бы нас вскрывал, если бы потопли с тобой вместе? *«Как кто?»* – Невозмутимо ответил я — *«Коля, а ассистировала бы ему его жена Валерия...»* Больше вопросов не было.

Чумикан

Quod licet Iovi (Jovi), non licet bovi¹

Но, к этим запискам, вернее, будет так:

Quod licet bovi, non licet Jovi²

Преамбула:

Император Клавдий II издал приказ: "Молодые люди, годные для воинской службы, не имели права жениться (между собой!), так как это неблагоприятно отражалось на общем боевом духе армии". Священник по имени Валентин пошел наперекор императору и продолжал свадебные церемонии для влюбленных (воинов-гомосексуалистов), за что и был приговорен к казни и уже посмертно был признан католиками как святой. День «святого» Валентина активно начали отмечать американские гомосексуалисты в 70-х годах, и именно в этот день они заключили первые официальные однополые браки. Так что не наш это праздник!!! НЕ НАШ))

(Взято из Сети)

Справка из Википедии (далеко не полная и несущественная)

«Чумикан – село, административный центр Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края, порт на Удской губе Охотского моря. Основано в 1880 году... Село расположено у устья реки Уда, в 480 км к северо-западу от железнодорожной станции Комсомольск-на-Амуре, в 1547 км от краевого центра, в 526 км от железнодорожной станции Постышево, в 721 км морем от г. Николаевска-на-Амуре».

...Из недостоверных источников: Иосифа Александровича Бродского в 1972 году собирались этапировать в Чумикан, как тунеядца. Но... судьба развернула самолет, и будущий нобелевский лауреат прилетел в Вену...

...Так вот из сведений личных, очевидца, не раз бывшего в 70-х в Чумикане. Это поселение, закрытое от свободного мира с трех сторон тайгой с болотами, а с четвертой – Тихим Океаном, было местом ссылки: 1) отбывших срок наказание по тяжелым статьям на постоянное поселение; 2) приговоренных районным судом на высылку на определенные годы – а) алкоголиков (после лечения), б) проституток (без лечения), в) гомосексуалистов-рецидивистов, исключительно мужчин, отбывших срок по статье 121 УК РСФСР и союзных республик и «не исправившихся», г) тунеядцев и бродяг, отбывших срок по статье 209 УК РСФСР или прямо этапированных в Чумикан. В начале восьмидесятых, когда я бывал в Чумикане исключительно, как судебно-медицинский эксперт, и прокурор и участковый милиционер были из осужденных по статье 121. Здесь они отбывали свои сроки, работая по специальности. Первый раз я был

¹ Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. (лат.)

² Что дозволено быку, не дозволено Юпитеру. (лат.)

в этом, удивительно по природным качествам, прекрасном уголке за убийство тунеядца проституткой, которую он собирался изнасиловать. Ни чего особенного в деле не было. Ну, а вот этот случай, о котором сейчас напишу – из ряда подобных вон выходящий. Подчеркну, что все поселенцы регулярно проходили уголовно-медицинские (я потом написал пенитенциарную медицину, имея в виду и чумиканцев) освидетельствования. И вот, при осмотре одного педераста врач (из алкоголиков-рецидивистов) обнаружил у него свежие «следы» анального секса. Но, такое часто встречалось в Чумикане и особо за это там не наказывали. Но, в данном случае, гомосексуалист, находясь в здравом уме и ясной памяти, заявил, что... его изнасиловал медведь! Да, не образно «изнасиловал медведь», а, в натуре медведь. Врач взял анализ из прямой кишки и переслал в прокуратуру Николаевска-на-Амуре, Олег (ему все изюминки такого рода попадали), естественно отправил вместе копией акта возбуждения уголовного дела по статье 121 УК РСФСР, направил ко мне в морг постановление о судебно-медицинской экспертизе и пробирку со спермой медведя. И, действительно, в прямой кишке педераста была не сперма человека, но, несомненно сперма какого-то животного. Я должен был лететь в Чумикан, чтобы освидетельствовать «потерпевшего». В обязанности судебно-медицинского эксперта входит не только «вскрытие трупов по Шору», но и освидетельствования живых людей, со следами насилия или даже без таковых, и прежде всего – сексуального насилия. Так, если за четыре года (вместе со специализацией в Биробиджане и районах ЕАО) я вскрыл чуть больше трех тысяч трупов, то за это же время освидетельствовал около десяти тысяч живых людей). Сперму неизвестного животного (мы исключили собак сами) я отправил на экспертизу в краевой Центр судебной медицины в Хабаровск, а они, не разобравшись со спермой, как и мы, в Республиканский Центр, в Москву. Оттуда ответ не пришел... НЕ удивительно, если, даже сейчас, в 2018 году можно прочитать такое, прямо по моей теме (из Сети):

«Пермские ученые опровергли кировчан: медведь сдал сперму успешно

«Ученым успешно удалось взять сперму у самца бурого медведя из пермского зоопарка. Об этом 59.ru рассказала зоолог хищных животных Екатерина Мельникова. Неудача постигла московских специалистов при попытке извлечь оплодотворенные яйцеклетки у медведиц».

«Все нормально у них получилось», – прокомментировала г-жа Мельникова эксперимент специалистов Московского зоопарка, добавив, что сперму медведя брали около года назад. По ее словам, в ходе последнего визита в Пермь зоологи работали с двумя покрытыми самками бурого медведя. «Они хотели извлечь у медведиц яйцеклетки, чтобы пересадить их другим самкам. Конечная цель ученых – добиться того, чтобы бурые медведицы вынашивали белых медвежат».

Как объяснила собеседница, взять оплодотворенную яйцеклетку не удалось, поскольку эта технология на медведях пока не отработана.

Напомним, российские ученые проводят эксперимент по выведению потомства у медведей путем искусственного осеменения. Его цель – разработать технологию, которая позволит восстанавливать популяцию белых медведей, чья численность резко сокращается. На минувшей неделе завотделом экологии животных НИИ охотничьего хозяйства и звероводства в Кирове Александр Савельев заявил, что работы над экспериментом остановлены, поскольку ученым не удалось взять сперму у медведей пермского зоопарка».

(Дамир Нурмухаметов

Оригинал материала: <http://59.ru/text/gorod/821342.html>)

И вот я в Чумикане. К моему приезду медведя-мужеложца отследили и застрелили. Так, что мне предстояло и вскрытие его «труп» для взятия на анализ спермы. Забегая вперед, скажу, что посланная с реальной спермой пробирка в Хабаровск, а, оттуда в Москву – пользы также не принесла: заключение ни я, ни Хабаровск, из Москвы не получили.

...Вот, что рассказал потерпевший. Работал он в сарае, который, после того, как я первый раз вскрыл труп в Чумикане (что делали с трупами до меня в Чумикане, врать не буду, не знаю), мне выделили для морга сарай, подальше от чумиканской больницы, где морга вообще не было. Сарай не известно для чего, когда-то использовался и очень давно. Ему было лет пятьдесят, не меньше. Огромная комната, единственная после небольшой прихожей. Сарай был из бревен, изрядно высохших, мох, что был между бревен, осыпался. Кстати, таких, почти однотипных сараев, в районах, прилегающих к Николаевску-на-Амуре в тайге и рыбацких поселках я видел много. Один даже был напротив Николаевска-на-Амуре, на правой стороне Татарского пролива (в нем произошел самый, пожалуй, драматический случай из моей практики судебно-медицинского эксперта – читай ниже).

...Так вот, вернемся в Чумикан. Потерпевший оборудовал сарай под постоянный морг по моему распоряжению. Вокруг сарая – густой стеной стояла малина, кусты адели, и клонились к земле под тяжестью ягод. Был июль, макушка лета. Вокруг поселка было много ягодных «плантаций». Кроме малины – смородина, красная, черная и белая, дикий крыжовник, трех цветов морошка, брусника, клюквы, шикша («зассыха»), облепиха, киш-миш и много его какой съедобной ягоды, плюс орешник, кедры с орехами, много грибов, куропаток можно ловить было голыми руками, ну, а о рыбе – длинный разговор, скажу лишь о форели, «царской рыбе», которая ловилась в протоках и озерах «голыми руками», а лосось, идя на нерест, выбрасывался сотнями на берег... И все это было позволено в свободное время без всяких надзирателей, собирать и добывать поселенцам. Ну, а служивые (прокурор, милиционер, охотники) имели ружья, охота разрешалась – зайцы, дикие свиньи, козы, олени – их мясо в общий котел. Не жизнь, а благодать. Вот только свободы нет. Никто не охраняет, а убежать – куда? Поселок в тайге, которая начинается непроходимыми болотами. А, Океан впритык к вертикальной трехсот метровой скале, с пиком «Дунькин пуп» – прозвище 19-го века. Легенды говорят, что Дунька была реальная первая, сосланная в Чумикан, знаменитая проститутка Петербурга... Что-то меня все в сторону заносит. Еще, ведь, нужно рассказать. Как я ночью, в потемках, поднимался со стороны тайги на Дунькин пуп... Мужика, объевшегося малиной, прохватил среди бело дня понос. Он, не долго думая, пошел за сарай, в ту же самую малину, опорожниться. Опорожняясь, только начал надевать трусы, как чьи-то крепкие руки легли ему на плечи и через мгновение... через мгновение он почувствовал через мимолетную резкую боль, неопишное, хорошо ему известное блаженство – «бабочки в прямой кишке до пупа» (вот, читатель, пуп дважды и рядом повторяется, не случайно это!) «Ты что, родной, – начал, преодолевая наслаждение, шептать мужик, которого кто-то имел и круто, а вдруг увидят?» Но, «мужик оставившись не собирался и скоро взревел не человеческим голосом! Тяжелые «руки», упали с плеч «петушка»! Мужик, повернул голову, что бы увидеть «родного» и лишился сознания...

...Придя в себя, он, в три погибели рванул... прямо к участковому и рассказал, что «не виновен», медведь «силой взял». Участковый выслушал, и не моргнув ни одним глазом, тут же послал помощника за доктором. Врач осмотрел мужика и взял анализ. Потом сообщил прокурору. А тот позвонил в прокуратуру Николаевска-на-Амуре. Так я оказался второй раз в Чумикане. Был еще и третий, но о нем ниже, если надумаю...

...А, сейчас скептикам, не поверившим этим моим запискам о Чумикане, короткая медико-биологическая справка. Как-то от одного московского интеллигента я услышал припев песенки: «Один раз не подраст...» Кажется в этой песенке есть и такие слова: «Лучше нет влагаллица, чем очко товарища... ух ты, ах ты, все мы «космонавты». Смею опровергнуть слова первого куплета: достаточно мужчине пассивно совершить хотя бы один половой

акт в прямую кишку, как это – на всю жизнь не только видимые для профессионала следы, но и «следы» для биохимика. Невооруженным глазом медицинские эксперты (и проктологи) увидят, хоть через пятьдесят лет, сразу и на всегда после полового сношения в прямую, появляющуюся «воронку», характерное «вдавление» вокруг ануса. Даже махровый геморрой эту «воронку» не скрывает. Кстати, именно по этому «знаку судьбы», в советские времена гонимые педерасты искали друг друга в местах общего пользования: туалетах, банях. В Москве, доподлинно знаю, что «местом встречи, которое изменить для педераста, нельзя» был туалет в Политехническом музее, уличный туалет. И знаменитые Сандуны...

...Но, не только так реагирует прямая кишка на первое и даже единственное половое влечение (вибраторами и прочими «членами» мастурбаторы никогда не приобретут такой «воронки»). Серьезнее то, что все мужские, рядом находящиеся гормональные железки реагируют и на всегда на единственное «внедрение» в прямую кишку живого мужского (в отношении медвежьего – точно не знаю, экспертиза у меня была, описываемая здесь, единственной) – изменением *качества* выделяемых гормонов: простата и пара уретральные железы. Прямая кишка педераста начинает выделять гормоны, способствующие обильной слизи с характерным запахом, который, кстати, улавливают только «братья по сношению». Медведь в запахе кала педераста учуял специфический запах, вероятно сам был «педераст» (по мнению моего умного друга, академика Игоря Семеновича Кона, нет ни одного вида животных и даже птиц, которые не занимались бы педерастией), мгновенно возбудился и «трахнул». И еще. Когда пишут о зоофилии, то подразумевают, что зоофил – это человек (как мужчина, так и женщина). Но, содомией занимаются и животные, что знали древние греки, отобразив эти широкие знания в мифах. В народных сказках и былинах всех народов, есть сообщения о активной зоофилии, инициаторами и насильниками которой являлись животные. Много таких сказаний в австралийском эпосе. Прежде всего о радужном змее, который пользовал мужчин-аборигенов³. В одном из фильмов-боевиков с великолепным Жан-Полем Бельмондо есть сцена с догом, который неправильно «понял» крутого героя и собрался его «трахнуть»...

...Ну, да ладно науко-подобия. Пора закругляться.

...Шкуру медведя-педераста я увез с собой в Москву и повесил в вестибюле. Скоро ее начала жрать моль. Я увез ее на дачу в Завидово, повесил на наружную стену дома, который подарил мне Леонид Ильич (о моей дружбе с генсеком КПСС я расскажу во второй книге ОЗ). С годами шкура вылезла и я ее перевесил на стену, остаток сарая и часть забора от соседей. Потом, совсем недавно, в 2017 году, сжег

³ Читай: В.Е.Рожнов. «Чуринг».

P.S. Хочу еще рассказать о незабываемом на всю жизнь моем ночном путешествии на «Дунькин пуп» (подробно о «Дунькином пупе» с небольшим фантазированием, читай в моем романе «Сага о Белом Свете»).

...Было это во время экспертизы «опушенного» медведем мужеложца. То есть, когда лето было, в своей, повторюсь, макушке. В полнотравье. В дурманящую запахами тайги и Океана, звездную ночь при ясной луне. Я не пошел тропой, протоптанной поселенцами. На «Дунькин пуп» хаживали часто из чисто эстетических и философских побуждений. Никакой эротики, несмотря на название цели посещения – забраться ночью в одиночестве на «Дунькин пуп». Режим смотрел на это сквозь пальцы. Только с благими намерениями полезут туда и гомосексуалисты, и тунядцы и бывшие проститутки, и хронические алкоголики... Все они, идущие туда, карабкающиеся по заросшей со страшными шипами аралии маньчжурской, которая испокон веков растет и в районах, приравненных к крайнему Северу. И вот, пробираюсь я через кустарник, ориентируюсь по звездам. «Дунькин пуп» как раз под «Большой медведицей» (sic!). Совсем не обращаю внимания на глубокие и множественные царапины и уколы иглами аралии. Я не чувствую ни боли, ни какого-либо физического дискомфорта, потому, что нахожусь в состоянии блаженства от запахов тайги и Океана!...

...И вот я, где-то к 2 часам утра (и ли ночи), какая разница, на месте. Это совершенно гладкая, словно отшлифованная каменная поверхность, диаметром метров сто, почти круглая, только со стороны Океана словно изъедена каким-то гигантским зверем. Я встаю в центр и поднимаю глаза на небо. Голова кружится и от опьянения воздухом, и от картины, которая открывается мне! Звезды так близко, что хочется пройти по Млечному пути. Мысли приходя, вернее, впрыгивают в сознание скачками. Состояние настоящей фуги идей. Да еще каких возвышенных! О жизни и смерти без страхов и упреков, только с глубинной радостью, что я ЖИВУ! О Вечности и Бесконечности звездного неба. О любви, которую уже пережил и которую еще переживать (ликуя!) буду! О родных с щемящей в сердце прозрачной тоске, что они не рядом и не видят этой первозданной и неиссякаемой красоты и чистоты... В какое-то мгновение начинаю чувствовать, что реальность куда-то уплывает от меня, словно я растворяюсь, как ребенок в своих снах безмятежных и прекрасных, как я растворялся в объятиях самых красивых и ласковых женщин. Что-то в душе срабатывает. Я говорю себе «стоп», впереди еще панорама Океана! Начинаю смотреть в его сторону и медленно подхожу к обрыву. Сажусь на камень: Океан передо мной. Волны без всякой угрозы и тревоги бьются о берег морской. Они сейчас не холодные, как в песне и нет криков мятущихся чаек... Дышу полной грудью, глаза в бесконечности океанской дали. Я счастлив! И – чудо. Словно откуда-то незаметно и сразу появляется освещенный огнями корабль. НЕ японский лесовоз, наш грузопассажирский, идущий во Владивосток – здесь фарватер. Корабль далеко. Но я слышу музыку, чудную, прекрасную музыку на этом маленьком с красивой жизнью корабле, залитом огнями. Может музыка не на корабле, а у меня в голове? Да, какая разница...

...Не помню, как вернулся в больницу, где в ординаторской меня поселили. Стол накрыт. Горячая вареная кета. Тарелка красной икры. К холодной закуске – замороженный огромный кусок белуги для строганины и бутылка Suntory Nakushu – хорошего японского виски... Что еще надо? И это дорогому другу «отверженных» не возбраняется – горячее, влажное. Огромное полотенце в душевую вносит Кира, юная медицинская сестра из коренных жителей, нанайка, очень похожая на красивую японочку – те же самые будоражащие почти замолкнущую на Дунькином пупе, плоть, быстрые пальчики: я принял релаксирующий душ, Кира, промокая меня горячим и влажным мягким полотенцем, коснулась моего пупа... Потом приняла в рот сперму, которую я извергнул сразу, как только она взяла мой каменный, пульсирующий член в рот.

...Я ел и пил в ее компании. Потом мы легли вместе на широкий докторский, приготовленный для меня, диван. Проснулся я свежий и бодрый. В таком состоянии улетел из Чумикана, минуя Николаевск-на-Амуре, на вертолете геолого-разведки, в Озерпах.

Озерпах

Часть 1. Comment les hommes forts meurent⁴

...Из Википедии: «Озерпах – посёлок сельского типа в Николаевском районе Хабаровского края. Административный центр Озерпахского сельского поселения. Расположен на берегу Амурского лимана, в 59 километрах от районного центра – города Николаевск-на-Амуре».

...В начале восьмидесятых годов, когда я бывал в Озерпахе раз в неделю, точно, там проживало около 500 человек, большая половина которых работало на рыбзаводе. Сейчас, когда и пишу эти записки, в Озерпахе проживает 200 человек, не больше. Уезжая, я увозил с собой литра три красной икры, и пару копченой кеты. Это было неизбежно. Также одаривали Гошу (легендарная личность, часто еще буду вспоминать) – шофера единственной оперативной машины прокуратуры Николаевска-на-Амуре, уазика, покрытого брезентом. На полпути в Озерпах можно было проехать на уазике, только обладая навыками каскадера: дорога, вся состоявшая из морской крупной гальки, в этом месте позволяла проехать только на двух колесах. Два же другие шли под углом 75 градусов по скале. И то, это во время отлива. Гоша мастерски справлялся с преодолением участка в триста метров на двух колесах. Только мне приходилось пересаживаться с переднего сиденья на заднее, и висеть, держась за специально приваренные стальные поручни: я был, в силу «легкого», максимум, полусреднего веса (боксерские категории) неважным противовесом. Но, ничего, справлялись.

В этом небольшом сельском поселении жили в основном, русские и украинцы. Дружно жили, как одна большая семья. Иногда, в застолья, приняв «горилки» и закусывая расстегаем с жирными брусками кеты, мужики шутили, что они – дети «врагов народа»: «власовцы» и «бандеровцы». Доля правды в этой шутке была. Русские и украинцы, мужчины, занимались исключительно лесоповалом и обработкой деревьев для японских лесовозов. На рыбзаводе работали их жены. Коренные жители – нанайцы селились в «стойбище», в 2—3 км. Это были рыбаки, оснащенные суперсовременными японо-советскими баркасами и рыболовецкими орудиями. Нанайцы все были рыбаки, и мужчины, и женщины, и даже, начиная с десятилетнего возраста, дети. В поселке была школа восьмилетка и сельская больница, в которой за три года моего пребывания в Николаевске-на-Амуре сменились шесть глав. врачей и все мои однокурсники по ХГМИ. Двое из них мне были особенно дороги. Это мой самый близкий друг, однокурсник наш Геракл, Жорж Самсонович Коробочка и его бывшая жена (у Жоры было 8 жен и 23 ребенка), предпоследняя, Катя. Женщина выраженной славянской наружности и сексуальности. Мы друг другу нравились, еще когда она была замужем за Жорой, то есть, когда были студентами ХГМИ. Жора (родился в Минске, из рода бело – россос). Но, тогда только обменивались взглядами и «случайными» прикосновениями рук, когда я приходил к ним домой, в кочегарку – Жора подрабатывал кочегаром в большом доме и при кочегарке оборудовал себе весьма даже удобную «квартиру». А когда они развелись и работали в ЦБ, Жора невропатологом, Катя – терапевтом, нас случай ни разу не свел в месте с Катей. Может пот ому, что в каждый свободный от работы и командировок час, мы были с Жорой. И, вот, наконец, я приехал в Озерпах (это другой случай, опишу, возможно ниже), где глав. врачом была Катя. После вскрытия трупа своего недавнего друга-самоубийцы (читай ниже) Катя взяла меня под руку и повела к себе, в горницу, а, потом, в спальню. Вернувшись домой, я сразу пошел к Жоре. Он спросил меня: «Переспали, наконец?» «Переспали...» – ответил я. Жора

⁴ Как умирают сильные мужчины. (фр.)

налил полный граненый стакан спирта и медленными глотками выпил. Закусывать не стал. Только, ненадолго отвернулся от меня, уставившись в пол, на концы своих ботинок, которые он не снимал ни зимой, ни летом (Жора 75% от зарплаты – а работал он на двух ставках – платил алименты). Я понял, что ему больно...

...Ну вот теперь перехожу к запискам, ради которых начал писать об Озерпахе... Я летел в Озерпах на военном вертолете из Чумикана, минуя Николаевск-на-Амуре. Пилот был мне не знаком. Олег дозвонился до меня и сказал: *«От тебя, брат, зависит, полетят ли в Озерпах еще военные вертолеты... Ты постарайся уж предотвратить ЧП... Остальное – сам разберешься на месте. Надо спасти ситуацию мирным путем и твою однокурсницу... Она – причина напряги в Озерпахе. Действуй по ситуации. Почувствуешь, что не справишься, пограницы поставили там рацию. Подашь „SOS“ они через пять минут покроют небо над селом красными парашютами (оперативный десант пограничников). Пока ...»* Пилот позвал меня в кабину – я сидел на краю открытого люка и смотрел на Океан свысока, и со словами: *«Прокурор передает...»* – протянул мне «Макаров» с полной обоймой, я это понял, как взял его. На лице моем – ни одной мысли не чувствовалось, я был в легком ступоре от слов Олега, подкрепленных «Макаровым». Пистолет мне передал не прокурор Трусовский (легендарный сыскарь-интеллектуал, ДВ – Шерлок Холмс, застрелившийся в 1990, мой скрытый покровитель и друг, объяснюсь ниже), а его заместитель, «дедушка» прокуратуры Картуш (такая, вот фамилия!). У Павла Петровича Картуша была полуофициальная коллекция многих видов пистолетов, наганов, браунингов, револьверов. Был даже, на зависть многим, револьвер времен гражданской войны в США в огромной деревянной (из африканского красного дерева) кобуре. Павел Петрович все обещал мне подарить часть своей коллекции для «музея оружия» судебно-медицинской экспертизы: *«Вот надумаю идти на пенсию, подарю... Все равно жена в дом со всем этим добром не пустит!»* Да так и не сдержал своего слова: умер в своем прокурорском кабинете... Правда, идя о «музее» была хорошая и я стал собирать свою коллекцию (подробнее ниже). Я сунул «Макаров» за пояс, ремешком прикрепил к пуговке брюк и вернулся к люку. *«И что могло такое произойти в Озерпахе, что власти явно хотят скрыть т Хабаровска? Народ там миролюбивый, дружелюбный. Сколько раз я это чувствовал на богатом застолье!»* – Интуиция мне ничего не подсказывала. Нужной информации я не имел. Знал только, что там главврачом работала кореянка, моя однокурсница, которую все, кроме коренных жителей, принимали за нанайку. В институте она ничем не выделялась. С мужчиной ее никто не видел, да и подруг у нее не было. Она обладала стройной фигурой, гибкая, как тростинка, но с хорошей попкой и титьками, если приглядеться. Да и носик у нее был не кнопка, как у нанайцев, правда, кожа слегка с желтоватым отливом. За шесть лет обучения в ХГМИ, в том числе во время «трудовых семестров» у меня не было случая сказать ей хотя бы «Привет!» Мы считали ее шизоидом-упорной девственницей. У нас на курсе были и гомосексуалисты – мужчины и две девочки. И они свою сексуальную ориентированность не скрывали. Спустя много лет встретил одного гомосека в Хабаровском аэропорту, невзрачного мужичка и узнал, что его за его педерастию КГБ сделало стукачом. Так прямо и сказал. Зато, сразу после окончания института, получил направление на работу... в Токийский Университет профессором онкологии! *«Нормалек!»* – изрек он тогда, закончив неожиданное свое признание... Интересно, что дала ему перестройка и новое мышление?

...Главврача Озерпаха, мою однокурсницу звали Зоя Латышева, несмотря на то, что и папа, и мама у нее были чистокровные корейцы.

...Вертолет не стал приземляться, а завис у больницы и выбросил трап, по которому я спустился. Тли мое воображение играло, толи на самом деле, но в поселке была *тяжелая тишина*. На улице не души. И, самое интригующее, Зоя не вышла меня встречать. Только, когда я подошел к двери и нажал кнопку звонка, она тихо спросила: *«Это ты?»* И, не дождавшись ответа, открыла дверь и, явно испуганным голосом сказала: *«Ты один? Заходи быст-*

рей!» По пути в кабинет (в больнице тоже была громовая тишина), она сказала: «*Меня сегодня убьют... и тебя, возможно, тоже!*» – «*Кто убьет, – неожиданно раздраженно спросил я, – да тут все мои закадычные друзья!*» – «*Они и убьют!.. Из-за меня: я убила Венюку Перетягина своим лечением. В конце июля, в жару, он умер от... воспаления легких!*» – «*Этот гигант, который в лютый мороз каждое утро в проруби купался... А, как его дубликат, Егорша? Жив?*» Перетягины были русские красавцы, гиганты, силачи, кулаком кобылу завалят, о лбы можно поросенка убивать... И жены были им под стать, как жена Федора Сухова из «Белое солнце в пустыне». – «*Его привезли ко мне из леча, почти без чувств, температура 40, бредил. В легких – дыхание ослабленное, поверхностное, обилие влажных и сухих хрипов. Я сделал пенициллин внутримышечно и поставила капельницу с коргликоном. Через полчаса он поси- нел и умер, словно задохнулся! Рядом стояли Егор и Ньюша с Олесей. Ньюша, жена Вениамина, упала в обморок. Его схватил ее на руки и не подпустил меня к ней. Они пошли из палаты. Егор процедил сквозь зубы, чтобы я готовила гроб себе... Скоро появился участковый – он сидит у заднего входа в больницу со взведенным пистолетом в руках. Я дозвонилась до прокуратуры и все рассказала прокурору... Они знают, что мы – однокурсники! Если не признаешь меня виновной в смерти Вениамина, тебя тоже убьют... Я не знаю, от чего Вениамин умер... Но, думаю, что у него была крупозная пневмония...»*

...Труп находился в морге, который был таким же сараем, как в Чумикане. У входа в сарай, вероятно, собрались все жители села. Мы с Зоей проходили, как сквозь строй, вооруженных ружьями мужчин и вилами, и топорами женщин. Участкового, который пошел с нами, тут же оттеснили и заблокировали. Толпа молчала. Со мной, мои бывшие «друзья», с которыми столько горилки и моего спирта выпито, ни один не поздоровался. Лица напряженные и угрожающие. Незнакомые мне лица! Мы шли, толпа расступалась, пропуская нас в узком коридоре. У входа в сарай-морг я услышал, как кто-то прошептал: «*Вишь, договорились уже... Идет спасать ее, чуточку!*» В селе Зою все принимали за нанайку. При входе в сарай, насквозь через щели в стенах пробивались лучи солнца, яркого, несмотря на то, что оно уже было в закате. Я мельком взглянул на Зою. Она шла смело, с достоинством. Страх на лице и в ее хрупкой, точеной фигурке я не увидел. Я понял, что она приготовилась умирать, и умрет с достоинством...

...В кабинете Зое, я не столько изучал историю болезни умершего – а его крайне жаль! – 25-ти летний красавец и 20-ти летняя жена, на 6-ом месяце беременности – сколько искал выход из ситуации, которую нужно спасать. Если Зоя виновата, конечно, защищать ее ложным заключением перед законом, я не буду. Но и не дам на растерзание обезумившей толпе. Для того, чтобы мысли работали в правильном направлении, я вынул «Макаров» из-за пояса, при этом Зоя, явно неодобрительно, посмотрела на меня: не поняла! Но, когда я, подойдя к ней, открыл ящик стола и сунув пистолет в него, задвинул, с лица сошло внезапное новое напряжение. Именно в этот момент, глядя в миндалевидные прекрасные (!), умные глаза, у меня созрел план, как нам спасти ситуацию и спастись! Я был уверен, что он сработает, ибо хорошо знал каждого из этой, потерявшей от горя рассудок, толпы! «*Зоя, дай мне клеенчатый фактур, нарукавники санитара, огромные резиновые перчатки санитара и хирургическую маску, – быстро!*» – она, еще с немим вопросом, появившимся на лице, сразу распорядилась, чтобы все, требуемое мной, тут же принесли. Я знал, что нужно действовать решительно и быстро: толпа рассусоливать нам с Зоей, не даст, разнесет на щепки и больницу! Медсестра быстро все принесла, мной затребованное. Я, продолжая смотреть запись в истории болезни – посмертный эпикриз Зоя еще не написала, ждала моей помощи – положил нарукавники, перчатки и маску в фартук и скрутил его крепко, чтобы меньше занимал места. Потом открыл свой фирменный саквояж и втиснул сверток между внутренним, металлическим «кипятильником», в котором лежал инструмент, и литровой бутылкой спирта. Мужики, которые держали сейчас больницу на мушке, хорошо знали мой саквояж и то, что там часто грело их грубую и правильную мужскую душу – спирт! Они интуитивно бы почувствовали, по тому, как я буду нести саквояж,

и о моем состоянии и о том, что там – все и как всегда на месте. Кстати, то, что я взял у Зои, мне полагалось по праву. Но я уже изловчился вскрывать труп без единой капли крови и никогда не пользовался не то, что нарукавниками, маской и фартуком, но и маской. Единственное, что я всегда надевал – это, как у хирурга, халат по горло и завязками на спине.

...Мы с Зоей надели хирургические и в них, прошли сквозь строй вооруженной толпы. Саквояж я нес в правой руке, слегка демонстративно и видел, украдкой читая по глазам бывших друзей, что он, мой саквояж, вызывает в них противоречивые чувства! С одной стороны – инстинктивное уважение ко мне, с такой крутой врачебной профессией. И тут же – никогда не исчезающие приятные воспоминания о моей, тоже фирменной (ниже объяснюсь) бутылке спирта! И настолько это было действенным, что, когда я, как-бы нечаянно, говоря – «Пропустите, пропустите!», отгораживая собой от толпы Зою, легонько ударял, саквояжем оказавшегося на моем пути – мужика с ружьем, женщину с топор или вилами, то они отпрыгивали, пропуская мой саквояж, а за ним Зою и меня...

...Мы вошли в сарай, через щели которого в стенах и двери пробивали не только лучи заходящего солнца, но «лучи» взбешенных, испуганных и тревожных сотни глаз: толпа облепила сарай со всех сторон. У двери стояли Егор, его жена и вдова Вениамина.

...Подойдя к обыкновенному деревянному, из свежеструганных досок столу, на котором лежал, накрытый белой простыней труп Вениамина, я сначала аккуратно поставил саквояж с головой покойного, потом открыл его, саквояж, вынул свернутый фартук (нарукавники и фартук были бледно зеленого цвета, из плотной клеенки) сначала надел фартук, потом громко, чтобы было слышно, что мы говорим, попросил Зою помочь мне надеть нарукавники, а за ними – огромные перчатки! (Мои друзья-убийцы никогда не видели, слава Богу, как вскрывают эксперты трупы). Поднял руки и замер, как хирург, прежде, чем сказать операционной сестре: «Скальпель, промокать!» Зоя, я прочитал по ее лицу, начинал проникать в ми идею, зачем подобный камуфляж? Она твердыми и нежными руками надела на меня хирургическую маску и завязала, не спеша лямки на моем затылке. Только после этого я сдернул простынь с трупа. Он был раздет. Кожа серая, сухая. Глаза провалившиеся, синие круги вокруг глаз и почти черные полосы выделяют носогубный треугольник. Волосы (когда роскошная черная шевелюра, на зависть мужиков и радость женщин) колтуном. Задержавшись несколько при осмотре трупа, перевернул его на живот и также осмотрел. Потом – опять перевернул на спину. Мне нужен был подголовник. Я не хотел прежде временно выходить к толпе. Поэтому оглядел сарай и увидел несколько толстых чурок. Подошел к ним, выбрал одну, взял и понес к столу. На чурку я положил голову покойного. Потом выпрямился и несколько секунд постоял, словно задумался. Кожей спины чувствовал, что каждое мое движение, каждый мой жест фиксируется двумя сотнями глаз, прильнувших к щелям и «оценивается». Зоя стояла и смотрела на меня. В глазах ее уже было понимание ситуации, но еще не полное понимание, что я буду делать в ней? А я твердо знал, что пока мы в сарае, пока я работаю с трупом, нас никто не тронет. Больше того, когда я закончу работу, меня заставят общаться с толпой через закрытую дверь: в сарай никто не осмелится войти к вскрытому трупу!

...Я начал свою работу со вскрытия черепа. Толпа громко и дружно охнула и отпрянула от щелей сарая. Когда я вскрывал труп, я, пардон, макал туда не только перчатки, но и нарукавники и вытирал окровавленные огромные перчатки о халат. Даже на маску я умудрился посадить несколько крупных пятен крови... Потом Зоя призналась, что вид у меня был такой ужасно-устрашающий, что и ей стал не по себе! Но, спектакль спектаклем, я честно делал свою работу и был бесконечно рад за Зою, что она и диагноз поставила правильный, и лечение назначила верное! Правое легкое было «окаменевшим» и серым. Резко отличалось от левого легкого и цвета всех органов. Да, это тотальная, правосторонняя крупозная пневмония третьей стадии. Его двое с лишнем суток, держали с температурой 40 и в лихорадке в жаркой и душной тайге, вместо того, чтобы сразу везти в больницу. Понять их можно: как такой здоровый

парень, купающийся в проруби и во льдах мог «простыть» в жару?! На вторые сутки он начал, как потом мне рассказали, «забываться». Пневмония развивалась стремительно. Чудом, что они довели Вениамина живым в больницу. Он должен был бы умереть по дороге... Зоя ничего сделать не смогла бы. Да и наши, современные, двадцать первого века реанимационные, оснащенные по тем временам, чудо техникой, в таком состоянии человека бы не спасли...

...НЕ зашивая труп, с пустой черепной коробкой – мозг лежал рядом – я резко повернулся к двери, не сказав Зое не слова, чтобы она не сделала бы каких-нибудь лишних телодвижений. К две, эти два метра от стола с трупом, я шел «тяжело» ступая и медленно, как в замедленной киносъемке. Нет, я ничего не боялся. Я уже знал, что я – чемпион в этом моральном сражении с толпой, я знал, какая будет реакция, когда я предстану, весь в крови и в таком вот наряде, перед толпой в лучках закатывающегося в верхушки могучих елей, чьи «лапы, как пел Высоцкий, дрожат на весу... Я шел и слышал, и кожей чувствовал, какие кардиальные перемены происходят с толпой. Когда я вышел к ним, ужас был в их глазах, толпа была в движении броуновском – люди прятались за спины друг друга. Я сразу заметил, что руки их были пусты. Только какая-то женщина, окаменев от страха от моего вида, крепко сжимала вилы, потому что не могла разжать пальцы!

...Я подошел вплотную к Егору. Его женщины уже были у него за спиной и выглядывали через его плечи широко открытыми глазами. Егор пытался, да, пытался, сохранить «хладнокровие». От его злобы и агрессии не осталось и следа. *«Егор, – сказал я спокойно, – пойдём со мной... ты должен видеть все, что с твоим братом... Если кто еще хочет – пошли с нами...»* Егор сжал пальцы, но это были не кулаки. Это были пальцы, прятавшиеся свое дрожание. Он взглянул мне в глаза: его глаза были чистые и испуганные. *«Пойдем, не бойся, это же твой брат!»* Егор, заикаясь, сказал: *«Я – что. Я пойду. Надо, так надо!»* Я увидел, как участковый Вася пробирается к нам. Я громко сказал: *«Василий! Быстро в больницу и принеси мне таз с водой!»* Вася на ходу по-солдатски развернулся и побежал в больницу. Пока м с Егором дошли до стола с окровавленным также изрядно трупом, Вася был рядом с тазиком, наполненным чистой водой. Я глазами показал ему, чтобы он тазик поставил рядом с трупом. Я попросил Зою, чтобы она сняла свою маску и надела ее на Егора. Что она быстро и аккуратно сделала. *«Егор, подойди вплотную к столу. И внимательно слушай меня, смотри, что я тебе покажу и запоминай. Чтобы потом – никаких пересудов и фантазий! Понял! Если понял, кивни два раза головой».* Егор сначала поднял глаза на меня, что-то хотел спросить, глаза были испуганные, лоб покрылся каплями пота, он кивнул два раза. Я медленно взял скальпель, пинцет. И показал кончиком пальца на правое, серое легкое, потом я на левое и спросил Егора, сказав, чтобы отвечал мне кивками головы: *«Ты знаешь, что это за органы?»* Егор кивнул головой. *«Легкие, так?»* – Егор опять кивнул головой. *– Они должны быть одно цвета, так? Они должны быть с воздухом, так?»* – Егор кивал головой. В глазах его мелькнула искра понимания, что ему показывают. Лоб его порозовел. *– Я беру кусочек левого, ЗДОРОВОГО, легкого – я взял кусочек легочной ткани – и бросаю его в тазик с водой, – я сделал это. – Что мы видим? Кусочек плавает, потому, что в нем воздух. Теперь я беру кусочек серого больного легкого и бросаю в тазик. – Я это сделал, кусочек сразу утонул. – Легкое превратилось в „глину“. В нем нет воздуха. — Я приподнял легкое и сжимая, показал, что оно плотное. – Это крупозная пневмония, от которой умер твой брат! Человек может „простыть“ не только от холодного сквозняка, но и от перегревания на солнце в душной тайге, где мало кислорода... Можно ли было спасти твоего брата? Да, если бы вы привезли его в больницу, как только поднялась температура и его начало лихорадить, т есть, в первые сутки заболевания... Вы же привезли его, когда легкое умерло и брат умирал. Он могу умереть по дороге, или даже на месте в тайге... Только мощная натура позволило ему дожить до больницы. Никакой врач, никакое лекарство не могло „глину“ превратить в дышащее легкое! Кивай, черт ты такой, головой, кивай, скотина, собравшаяся разорвать, спасающего твоего брата, доктора, и меня, твоего*

друга, на части...» — Я кричал, срывая маску и стаскивая с себя перчатки. Его, как китайский болванчик испуганно кивал и кивал головой! Он был в трансе! За стенами сарая на улице стали рыдать, причитать, кто-т упал в обморок: толпа внутренне рассыпалась, они вернулись к своему облику... я сделал, что должен был сделать: спас ситуацию! Красные парашюты не покроют небо над Озерпахом! Вася был смышленным парнем и уже все доложил в прокуратуру, а Картуш – по инстанции – 1-ому (секретарю города и николаевского района). Я замолк, выдержал небольшую паузу, а потом тихим, замогильным голосом сказал, смотря в упор на Егора: *«Ну, что медлишь? Робеешь? Надевай перчатки, бери скальпель и пинцет и проделай все, что проделал я!»* И, резко повернувшись к Егору, который стоял, в полной прострации, опустив руки по швам, вышел к бывшей толпе, теперь, к моим несчастным друзьям: *«Фотографировать кто-нибудь умеет? Несколько мужчин закивали головами. – Бегите быстро за фотоаппаратами, нужно сделать, НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ фотографии. Правда, я все органы возьму для лабораторного подтверждения...»* Мужики рванули за фотоаппаратами, быстро принесли их, но ни один не осмелился войти в «морг»! *«Ну, как знаете...»* – сказал я и приказал Васе, участковому, чтобы взял один фотоаппарат и пошел со мной фотографировать... Егор так и стоял, как вкопанный. Я понял, что он скорее ляжет рядом с братом, чем наденет перчатки, возьмет скальпель и пинцет и проделает то, что я проделал, объясняя ему, почему умер Вениамин?..

...Но, будучи в натуре психологом, я решил предотвратить всякий рецидив «ошумелости» людей и поэтому, после того, как отдал труп на обработку санитарке, но не сбрасывая с себя окровавленные нарукавники и фартук, вышел к людям, которых осталась небольшая кучка из близких и дальних родственников умершего, чувствуя, что Егор идет за мной, как собачка на поводке. Остановился в нескольких метрах от них и сказал: *«Вениамина нужно похоронить сегодня... Будете хоронить ночью. Крупозная пневмония, от которой он умер, вещь заразная. Я накачал труп формалином (я это сделал), но вы возьмите негашеной извести ведра два, и насыпьте на гроб в могиле. Все тряпки сожгите вместе с телегой. Лошадь не заразная. Одежду Егора еще Зоя Павловна залила дезсредствами. – Я с уважением подчеркнутым назвал ее имя, – мы с ней сейчас пример все необходимые меры, чтобы не заболеть. Вам, кто был близко с Вениамином, совету. Исккупаться в реке и тщательно обмыть себя хозяйственным мылом... Да, если кто почувствует, что заболевает — при этих словах я говорил осторожно, обдумывая, как бы не вызвать ими, на сей раз психическую эпидемию, под названием „крупозная пневмония“, – не ждите, идти в больницу. ЦРБ также примет каждого сразу, они в курсе дела, как и заведующая горздрав отделом (это была правда)...»* Все обошлось. Ятрогенных (заболевание, вызванное врачом) заболеваний не было...

Часть 2. Comment ces femmes aiment⁵

...Когда мы входили в больницу, во дворе не было не души. За дверью нас ждал участковый милиционер Вася (я заметил, что в кобуре и за поясом у него «Макаров»). Обычно в кобуре он носил, вот честное слово! Столовую ложку. Навстречу бежала еще по-прежнему взволнованная мед. Сестра, юная Анюта из Виннице. НЕ знаю почему, но фельдшерско-акушерское училище из Винницы регулярно направляло в Николаевск-на-Амуре молоденьких фельдшериц – одна другой краше! Николаевский гор. здрав разбрасывал их по районам (об этом я еще не раз вспомню)! Мы с Зоей молча прошли в ее кабинет. НА милиционера и Анюту никак не отреагировали. Мы с Зоей еще не верили ни в великолепную развязку трагической и панической ситуации, не в свое спасение. Пропустив Зою вперед, закрывая дверь, я услышал тяжелые быстрые шаги участкового. Он был в подкованных стальными солдатскими подковами в кирзовых сапогах. На его красном лице был вопрос, что дальше делать (чего ожидать)? *«Ты или*

⁵ Как любят эти женщины. (фр.)

спрячь „Макаров“ в сейф и сунь в кобуру свою ложку, или сиди у двери и жди... чего, не знаю» – сказал я ему и почувствовал, что улыбаюсь, что напряжение начинает покидать мои мышцы и мою душу. И Зоя громко рассмеялась! За проявленное мужество, Васе, имеющему за плечами среднюю школу милиции и звание старшина, присвоили звание младшего лейтенанта, то есть, произвели из солдат в офицеры, чему он был бесконечно рад! Нам с Зоей дали премии, не указывая за что, но с занесением в трудовые книжки – по 150 рублей. Еще, по распоряжению Первого, мою фотокарточку повесили на городскую Доску Почета, которая была огромной, и стояла на входе в центр Города, закрывая собой старинный ресторан. Под фотокарточкой было написано: «Лучший лектор Горкома КПСС». Я с первых дней работы в Николаевске-на-Амуре был этим «лучшим лектором», так как в свободное время читал по всем районам, в самых различных коллективах, лекции на медицинские и философские темы (как-нибудь расскажу). Но, это место «лучший лектор горкома» на Доске Почета было одно и его по праву старшинства всегда занимал мой друг Олег Савчук, старший следователь прокуратуры. Нет, он не любил и не читал лекции в командировках, да и в городе. Просто, когда он куда-нибудь приезжал, перво-наперво вытаскивал толстую стопу бланков путевок, и пока работал, ему их заполняли и проставляли на них печати. Все это знали и смотрели на это сквозь пальцы. Во-первых, за лекции нам ничего не платили, а, во-вторых, то, что на Доске Почета города и района старший следователь прокуратуры – это хорошо! Да, я был лектором горкома КПСС будучи беспартийным...

Анюта накрыла нам в кабинете стол. С яствами и напитками в Озерпахе проблем не было. Но, вот как она умудрилась испечь расстегаи, остается загадкой. Зоя пи виде накрытого стола, сказала Анюте, чтобы приготовила нам все для душа и после него. Анюта исчезла. Зоя молча взяла меня за руку и повела в маленькую комнату, где переодевалась, придя на работу. Стоило нам зайти в комнату, она, глядя на меня, молча быстро скинула с себя всю одежду и начала также быстро раздевать меня. Честное слово, такого я не ожидал, как не ожидал увидеть... прекрасное тело восточной красавицы! Она распустила густые черные волосы, оказавшиеся длинными по талию, которая была, как у Людмилы Гурченко в «Карнавальную ночь». Мой, еще растерянный взгляд выхватил ее упругие, для ее фигурки, большие, на мой взгляд груди, темные, почти черные соски которых были напряжены и стояли, точно также, как уже стоял мой член! Пока я бегло и растеряно рассматривал Зою, она меня раздела. Взяла за член и повела в душ. В дверях душевой мы столкнулись с Аннушкой. Я тут же заметил, что она в шелковом прозрачном медицинском халатике на голое тело. Я, наверное, слегка напрягся, не схватывая эту ситуацию. Дело в том, что в то, наше время, *L'amour aux troussees et Ménage à trois*⁶ было формой разврата. Я, я сам, в заключениях об изнасиловании, «любовь втроем», (также как оральный и анальный секс), квалифицировал, как разврат. В моей практике еще не было не одного случая развратной любви втроем... Больше того, я интересовался и серьезно любовными трактатами не только китайцев и японцев, но и корейцев (когда у меня до поступления еще в ХГМИ, была возлюбленная японка, а, на первом курсе медицинского института, как раз на кануне «Дамасского кризиса», я успел побывать и в жарких и сильных объятьях Лауры, дочери хозяина и директора знаменитого Пекинского цирка, которая училась на одном курсе со мной. Вот тогда у меня и сложилось мнение. Что Корея, в отличие от Японии и Китая – хронически пуританская страна. Своих трактатов и «пособий», касающихся половой любви, не имеет. Несколько смущали меня вот эти картины —

⁶ Любовь втроем. (фр.)

(Из национального музея)

И я знал, кто такие ки-сэн! Зоя никак не могла стать в моих глазах ки-сэн, несмотря на то, что я уже каждой клеточкой своей плоти чувствовал ее плоть, налитую сексуальной «праной»... Но, Анюта с какой стороны? Это я понять не мог, хотя давал себе отчет,, что трахнуть двух девственниц – это, за один раз – это здорово! И, тут же возник вопрос, а не лесбиянка ли невинная Зоя Латышева, дочь заведующего отделом культуры Крайкома КПСС и заведующей отделом литературы в Краевой газете «Тихоокеанская Звезда», органе Крайкома КПСС? Правда, лесбиянок, в отличие от мужчин-гомосексуалистов в СССР не судили и за ними не охотились, но... я же представить Закона и карательных органов?

...Мои мысли в фуге были, наверное, видны на моем лице невооруженным оком, Зоя, рассматривая не столько мое атлетическое телосложение (не хуже, чем у Сталлоне в «Рембо, первая кровь»), сколько мое лицо, не выдержала и сказала: *«Ты согласен, что нам нужно расслабиться?.. Алкоголь я принимаю только по большим праздникам и не больше, чем фужер шампанского, позволь мне расслабиться, расслабляя тебя... Анюта глаз на тебя положила и прозрачный халатик на голое тело – это ее идея и инициатива... Я не лесбиянка... Но, Анюта часто делает мне массаж всей, по типу – голое на голом, но никогда ни я, ни она не доводим себя до оргазма и вообще, не связываем это с лесбийским сексом... В душе, и в постели мы будем вдвоем... А, если захочешь, – при этом Зоя лукаво улыбнулась – потом можешь принять ласки и Аннушки, она уже совершенно летняя, со вчерашнего дня. Вчера мы должны были отметить ее 18-ти лети, если бы не эта... оказия!»* Перед моими глазами пробежали порнографические картинки, за которые тогда тоже можно было получить срок, я выскочил голый из душа и рванул к телефону. Мне повезло! Я сразу попал на Картуша и нахально попросил у него трое суток отдыха! Старичка не нужно было ни уговаривать, не нужно было ему что-либо объяснять! Он сразу ответил: *«Ты – в командировке в Пуире (читай ниже) ... а там, как я знаю, нелетная погода... Но, через трое суток у меня в кабинете – „Макаров“ вернешь с полной обоймой!»* Я получил «добро», вот только «Макаров» я вернул с пустой обоймой...

...Вернувшись в душевую. Я застал простую картину: одна прекрасная сальфида без тени и искры в глазах, обмывает душистым японским мылом другую: конечно же Анюта мыла Зою! *«Я – готова – сказала спокойно Зоя и пошла в кабинет. Анюта займется тобой, потом проводит тебя в кабинет и пойдет к себе. Завтра мы отпразднуем ее совершеннолетие, а сегодня – ты мой!»* Я встал под ласковые струи воды и с любопытством наблюдал, как Аннушка обтирала Зою огромным махровым белым полотенцем. Ни у одной при этом ничего в лицах, что могло бы поддержать мою хульную мысль о лесбийских отношениях между *начальницей и подчиненной!* Я уже был изрядно испорчен своей профессией и бесконечными общениями с представителями карательных органов! Но, вероятно, я ревновал девочек друг к другу! Зоя, накинув халат, вышла не оглянувшись на нас из душевой. Аннушка тут же принялась за меня. Она вымыла меня с ног до головы. Когда обмывала головку моего каменного до болезненности члена, лицо ее и фигура откровенно выражали сладострастие: глаза блестели широко открытые, рот пылал, также открытый, она дышала часто, с трудом сдерживая дыхание, по уголкам рта текли прозрачные слюнки, Аннушка согнулась в неловкой позе. Можно с казать, в три

погибели. Ноги широко раздвинуты, и согнуты в коленях. Розовая упругая, полная славянская попка была выставлена. Мне показалось, что запах, идущий от тела Аннушки я чувствую сильнее, чем жасминовый аромат японского мыла! Но, взять сейчас в душе Аннушку – я понимал, что проявить слабость и испортить то, что приготовила мне кореянка. Прекрасно понимал, что до Аннушки очередь дойдет и я сделаю с ней, что моя обузданная сейчас фантазия прорывается сделать! И я выдержал! Обтертый нежными ручками юной девственницы, я накинул на голое тело банный халат, сунул ноги в мягкие комнатные тапочки и пошел в кабинет-ординаторскую Зою.

Зоя сидела за своим столом. Накинув поверх шелкового домашнего халатика больничный халат, голова ее была покрыта медицинской шапочкой. У стола, чуть поодаль, стоял Егор. В углу кабинет, облокотившись на стену стоял Вася. Я сразу взглянул на его кобуру – в ней точно была столовая ложка! Он понимающе мне подмигнул, и я понял, что все в полном порядке. Визит Егора объяснялся двумя причинами. Первой: он доложил, что все готово, как я распорядился к похоронам сегодня ночью. Есть и два ведра негашеной извести. Второе, было сказано с заметным смущением. «Вот, док, там копченая дикая свинья, молодая, шашлык из белуги, икра, напитки – сами делали – из облепихи и клюквы, и грузинский коньяк, лучший... Помяните брата, и нас простите!» Я подошел к нему и обнял его за плечи. Егор еле сдерживал слезы и боролся с истерикой. Я взглянул на Зою и через мгновение она наполнила спиртом два граненых стакана и пододвинула к ним открытые баночки красной икры с чайными ложечками в них. Мы одновременно с Егором взяли стаканы и быстро и опорожнили. Закусывать не стали. Я протянул Егору руку, он крепко ее пожал, и, резко повернувшись, пошел на выход. Вася, было рванул за ним. Я его остановил, показав на стакан третий, который успела наполнить догадливая кореянка. Вася широко улыбнулся, взял стакан, крякнул и опорожнил. Потом указательным пальцем, как вилкой, подцепил из банки икры, сунул палец с икрой в рот, облизал повернулся и кивая, ретировался к двери. Мы остались с Зоей вдвоем. У меня от выпитого 200 граммов 75% спирта – ни в одном глазу! Зоя встала из-за стола, одним движением плеч сбросила и медицинский халат, и свой шелковый халатик, оставшись, пардон, в чем мать родила. Я, глядя на нее и, чувствуя, что улыбаюсь, обнажился тоже. Такими голенькими мы подошли к большому столу, заваленному яствами и всевозможными напитками, где положительно выделялись трехлитровые банки домашнего клюквенного и облепихи соков и джина красивых бутылок грузинского коньяка «КВВК»...

...И тут появилась Аннушка, неся в обнимку больничный матрас. Я взглянул на Зою. «Я буду тебя постепенно погружать в духовность корейской жизни, – сказала она – Пойдем за Аннушкой, нужно принести еще три матраса». При этом, не обращая ни на меня, ни на Аннушку никакого внимания, она вновь взяла меня крепко за крепкий член и как на поводке повела вслед Аннушки в подсобку. Мы взяли по матрасу, руки у Зою были заняты, поэтому я пошел свободно. «А водить мужчину за собой, таща за член, это тоже корейская духовность» – серьезно любопытствуя, спросил я. Девушки громко рассмеялись, их не было видно за матрасами, потом я услышал: «Это моя импровизация... Но, я – кореянка, значит, это корейское. А, ведь точно тебя еще никто за член не тянул!» Зоя была права: не тянул! Теперь, когда я слышу: «Тебя, что, за язык тянули?», невольно начинаю улыбаться, вспоминая, как Зоя таскала меня за собой, таща за член! Матрасы были расстелены на полу. Аннушка сбегала в подсобку и принесла новые японские скатерти, белые, узорчатые, плотные и тончайшего пластика и накрыла им матрасы. Потом девушки быстро и ловко, перенесли все со стола на матрасы, схватились за стол и вынесли его в подсобку. Стулья и кресло отодвинули в углы комнаты. Получилась, что яства были на татами! Аннушка спросила Зою, может ли она уйти, и получив согласие кивком головы, при котором огромная копна черных волос рассыпалась, покрывая спину и грудь Зое. Я увидел вставшие черные соски и мой член им уподобился! Я понял, что главное – это не поглощение еды, несмотря на то, что мы были зверски голодны.

Я чувствовал, что меня ждет нечто, мне не знакомое. И это было интригующе великолепное ощущение! Погружение в корейскую духовную жизнь началось. Зоя пояснила, что корейцы любят все делать на полу. Поэтому пол у них особый, мягкий и теплый круглый год. И еще она попросила меня не напиваться, сказав, что поставить ее раком я успею, но сначала... сначала на даст мне почувствовать каждым граном своей плоти и духа, как любят корейские женщины. Она сказала по-корейски: *hangug yeoseongdeul-ui salang!*

И все же мы плотно поели, я выпил целую бутылку коньяка (это к стакану спирта). Зоя только пригубила рюмку с коньяком. Насытившись, она сказала, что нужно принять слабительные и очистить кишечник для *корейской любви*. Я искренне был удивлен, что серьезно спросил, может быть мы поставим друг другу сифонные клизмы? Зоя серьезно мне ответила, что клизмы – это слишком. Кишечник не должен быть полностью пуст! У меня мелькнула мысль, что, понятно, очистить ее прямую кишку для анального секса. Но, зачем мою-то очищать? «*Наверное, будет делать мне массаж простаты!*» – решил я, проглатывая какую-темно-зеленую, вязкую приторную жидкость, видя, что Зоя пьет такую же. Почти сразу я почувствовал сильные позывы к испражнению. Зоя, вставая, взяла меня за член и повела... в общий туалет. Я был пьян и ничем не удивлялся. Человек стеснительный, что касается физиологических испражнений. Не могу даже пописать если не меня кто-то смотрит или просто рядом со мной, а тут, сидим в полметра друг от друга на унитазах в общественном больничном коридоре и... какаем! Я уже говорил, что к человеческим запахам я толерантен. Зоя какала и пукала без тени смущения и скоро мне стало легко и свободно делать то же самое! Я даже получал удовольствие. Что делаю это в присутствии женщины, которая скоро будет стонать в моих объятьях... А Зоя вдруг стала говорить и голос ее характерно для сладострастия, дрожал: «Как вкусноты пахнешь... Я дрожу от нетерпения, чтобы начать вылизывать тебя!» «У тебя что – копрофагия (страсть к поеданию кала; как правило у психически больных, но также и при половых извращениях)» «*Нет, я просто люблю тебя... Я люблю тебя и мечтаю о тебе с первого курса, даже еще раньше, когда увидела тебя во дворе старого корпуса института, где нам объявили о приеме в институт!*» Я слышал ее голос как бы издали. Мое воображение никак не могло мне подсказать, в какой позе я буду. Когда Зоя начнет меня вылизывать после испражнения! Зоя встала и быстро подтерлась, потом подошла к умывальнику, и широко расставив ноги начала подмываться. «Ну, слава Богу – подумал я – видимо мне не придется ее вылизывать. А, то под ее гипнозом, который я уже чувствовал, я мог сделать все, что она захочет!»

...Нет, я не догадался, как будет меня вылизывать после испражнений, Зоя. Я встал и вопросительно смотрел на нее, готовый ко всему! Она быстро засунула правую ладонь мне между ног, я почувствовал что ее пальчики по очереди змейками заползают мне в анус. И услышал: «*Отвернись, не смотри, а то стоишишь еще или начнешь меня брезговать!*» Я послушно отвернулся и почувствовал, что она облизывает свою ладонь и пальцы. Потом, вновь взяв меня за член, она повела меня в комнату. Матрасы были свободны! Аннушка все время была рядом в соседней комнате! Она быстро убрала «со стола» и исчезла! Скатерти были с матрасов убраны, вместо них были легкие одеяла с пододеяльниками. Зоя тихо сказала, чтобы я лег на живот и ни о чем не думал! Я это и сделал, она села мне на поясницу. Широко раздвинув ноги. Я чувствовал ее жесткие волосики на лобке, которые от движений ее бедер щекотали меня. И это не было неприятно... Я, конечно, попытался следить за ней, Но, только почувствовал, как ее влажный и горячий язык начал вибрировать на моем первом позвонке, отключился! Я не спал, Такое состояние, что ты есть и тебя нет. И это совсем не сон. Это – острая явь, если так можно выразиться. Время и место как таковые исчезли. Это состояние, непередаваемое словами... Потом я услышал, как кто-то громко кричит. Кричал я, но не узнавал свой голос, не возвращаясь в реальность. Ее язычок был глубоко во мне. Словно со стороны я услышал, как сам спросил себя, как это она может языком щекотать всю мою прямую кишку? Следующий раз очнулся, лежа на спине. Ее горячий язык, вытянувшись хоботком, облизывал и щекотал мои

ноздри. Я еще я понял, что мои глазные яблоки тщательно вылизаны. Отключился, когда язык стал облизывать кругами мое правое ухо, стремясь погрузиться в его раковину. У меня сильная рефлексия. Я не терял ее, даже в состоянии клинической смерти, которую пережил в четырехлетнем возрасте... Я понял, что со мной делает Зоя: она проникает во все мои отверстия глубоко языком и все внутри вылизывает! Когда ее язык был в моей ротовой полости и щекотал мой маленький язычок, я вошел в состояние измененного сознания. С одной стороны, я знал, что это я. С другой стороны, я с огромной скоростью, не видя своего тела, летел над каким-то большим лугом, с ярко-зеленой, высокой, густой и сочной травой. Видел все отчаянно ясно, с полным чувством реальности. Даже возникла мысль, что это нормально быть одновременно в двух реальностях, и воспринимать их ясным сознанием, как днем при ясном солнце...

...Я вновь услышал крик, и узнал себя! Я кричал от незнакомого мне наслаждения. Настолько это ощущение было сильно, что я пришел в себя и увидел распластанную на мне Зою! Мы были в позе 69. Я задыхался от наслаждения и ароматом ее раскрытой вагины. Я почувствовал, что ее алчный язык вылизывает головку моего члена, когда он побегал по уздечке к «губкам», я закричал благим матом и отключился!

...Я пришел в себя, лежа на матрасе на полу, накрытый легким мохеровым пледом. По краям сидели голенькие ундины с распущенными волосами, одна напротив другой. Аннушка сидела на моих бедрах Зоя на моей груди. Т них шли волны жара и аромата, приторного дурманившего. Мой член мгновенно окаменел и начал пульсировать. Возбуждение было непереносимое. Рывком, я оттолкнулся от пола, скинув девушек с себя. Инстинктивно, сначала схватил Зою и согнув ее, прижал к себе ее ягодицы. Превозмогая желание погрузиться в нее, я также схватил Аннушку и поставил ее в такой же позе рядом... Дальше крича, издавая нечеловеческие гортанные звуки, я по очереди брал их, меня трясло при виде крови, которая быстро стала окрашивать их фантастически прекрасные ягодицы и бедра. Я пронзал их прямые кишки. Сколько раз я кончил – не считал, но много! Скоро под нами были лужи слизи и крови, ароматные озера! Потом я упал и уснул. Да, просто крепко уснул от изнеможения. Проснулся от того, что почувствовал, что мой член во влажной и горячей полости, его сосала, погрузив полностью в себя, Аннушка. Зоя вылизывала мою промежность...

P.S. Зоя начала обрабатывать положенные три года после окончания института сразу. Я же год был сначала на специализации по судебной медицине, а потом еще несколько месяцев работал в ЕАО. Поэтому, она вскоре, по истечению срока, уехала в Москву в аспирантуру Института курортологии. Здание ее института находилось в конце Кутузовского проспекта. Там же, во дворе была центральная медицинская библиотека. Мы с Зоей столкнулись случайно во дворе между ее институтом и библиотекой, где я работал, обучаясь в аспирантуре МГУ на философском факультете и ординатуре ЦОЛИУврачей, на кафедре психотерапии Владимира Евгеньевича Рожнова. Я шел ничего не видя перед собой. Было это 2 октября 1974 года. Я только что по радио услышал, что на съемках фильма умер Василий Макарович Шукшин. Еще два дня назад он был в моем кабинете на кафедре у Рожнова, пришел навестить меня. Он прилетел в Москву и никого из родных не застал. Мы дружили. Он зашел попрощаться (перед отлетом на Дон) и принес мне полный огромный портфель различных целебных настоек из алтайских трав и ягод... «Ты что, не узнаешь меня? – Я услышал голос. – Очнулся и увидел Зою. – Что с тобой, на тебе лица нет?» – «Шукшин умер...» Больше мы с Зоей не встречались. Тогда молча постояли минут пять и разошлись молча...

...Аннушку я видел несколько раз, когда бывал в Озерпахе. Никаких эмоций при виде ее я не испытывал. Не знаю, что появлялось в ее симпатичной головке, когда она встречала меня и здоровалась...

Три дробинки на счастье...

Часть 1. Kasan kurosu⁷

... Два года назад от этого случая город Николаевск-на-Амуре и район скорбели в связи с гибелью во время рыбалки мужа и жены, известных охотников Федоровых. У них остались дети: девочке 14 лет и мальчику 16 лет. Родных не было. Дети дружно отказались от социальной опеки. Мальчик, Андрей, бросил школу и пошел в артель охотников, на место отца и матери. Девочка, Вера, взяла на себя домашние заботы, продолжая учиться. Тогда их решение, особенно желание Андрея работать в артели отца, поддержал бригадир артели и друг семьи Федоровых, Павел Петрович Егоров. Ему было 40 лет, семьянин, отец двоих девочек-двойняшек, ровесник и одноклассник Веры, не злоупотребляющий алкоголем, хороший бригадир и т.д., и т. п.

... Прошел год, после гибели отца и матери Веры и Андрея, как город вновь был, на сей раз не скорбью охвачен, а недоумением: Андрей в упор застрел друга семьи и своего покровителя Павла Петровича, вызвав его вечером из дома, на пороге дома, на глазах его жены и детей, которые в это время пили во дворе чай. Стояла теплая, тихая погода. С тайги густо шли насыщенные полнотравьем и налитыми соком ягод обволакивающие и расслабляющие ароматы. Дома, где жили по соседству Федоровы и Егоровы, были на окраине Николаевска-на-Амуре, замыкающие ряд подобных частных домов. Андрей ничего не сказал перед выстрелом в Павла Петровича. Ну, а тот, видя Андрея с ружьем в руках, вряд ли успел подумать, что Андрей пришел по его душу. Да и как такое могло прийти человеку в голову, успевшему заменить парню и отца, и друга-покровителя?..

... Андрей не сошел с места, откуда убил одним выстрелом в сердце, почти в упор, своего наставника. Он стоял, не реагируя на крики жены и дочек убитого. И без всякого сопротивления покорно пошел с мужчинами-соседями, выскочившими из домов, прямо в милицию. В милиции молчал, замкнувшись. Был осмотрен психиатром (мною, я еще исполнял функции судебного психиатра, своей будущей профессии, к которой тщательно готовился) и отправлен в КПЗ. Мне нередко приходилось осматривать, как психиатру, убийцу, а потом вскрывать труп его жертвы. В Николаевске-на-Амуре, за городом была маленькая психиатрическая больница для психохроников, в которой работали муж и жена, врачи, весьма преклонного возраста. За три года моей работы судебно-медицинским экспертом для первичного осмотра психиатром ни разу не был вызван врач из Хабаровска: следователей вполне устраивали мои консультации.

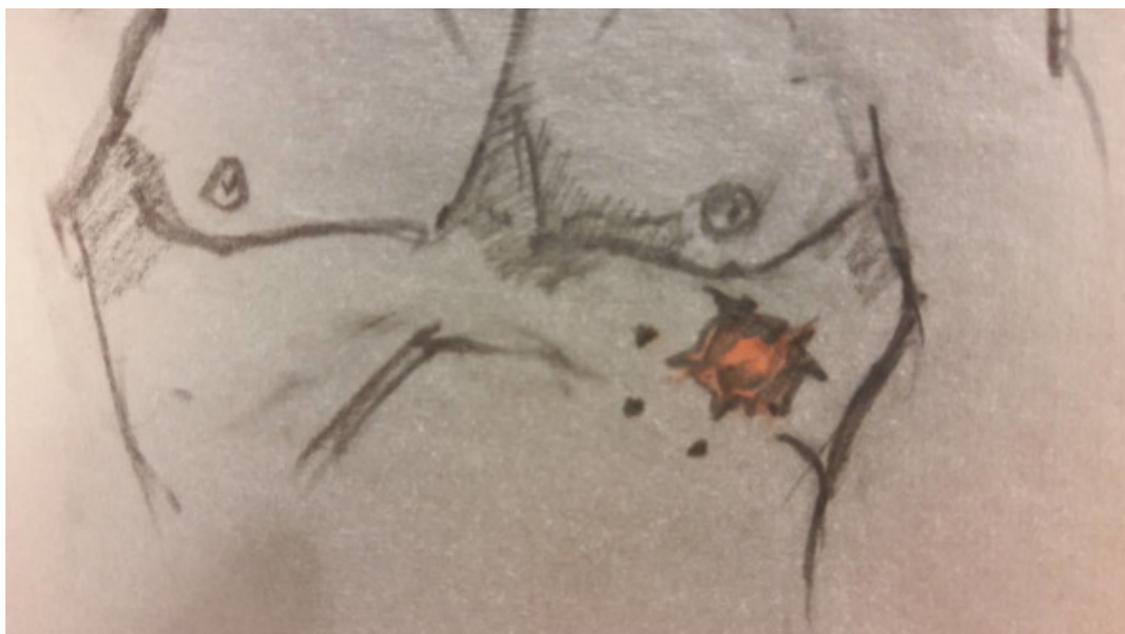
... Поговорив два часа с Андреем, я никаких объяснений его поступка от него не получил, как и не нашел какой-либо психической патологии в его состоянии. Мотивы своего поступка он мне не раскрыл. Я только понял, что это – не бред, а что-то сугубо личное, и поэтому предоставил искать мотив следователю прокуратуры, моему закадычному другу Олегу Савчуку.

... Олег также не получил никаких объяснений убийства от Андрея, а, также, от его сестры Веры. Парень только признался Савчуку, что стрелял жаканом – самодельной пулей. Вот тут-то и начало крайне запутанного дела о преступлении Андрея Федорова, шестнадцатилетнего убийцы. И эту запутанность результат моей судебно-медицинской экспертизы только сильнее затянул в узел причин и следствий рокового выстрела. Да, все дело было в выстреле! Выстрел с пятиметрового расстояния из гладкоствольного охотничьего ружья-вертикалки ИЖ-12. Штучный вариант исполнения, 1970 года, калибр 12/70. Ружье новое, без

⁷ Перекрестное сложение – японская головоломка. (яп.)

настрела. Стволы хромированные, 730 мм, внутри зеркало, сужения чок/получок... Это ружье Андрею подарил отец.

...Входное отверстие было как раз на сантиметр под левым соском, с четкими краями, слегка обожженное порохом. Я однозначно бы сказал, что пулевое, как и признался Андрей, если бы... если бы не три, отступя пол сантиметра от входного отверстия, входные отверстия овалом, такие, какие оставляет дробь-картечь! Выходное отверстие в таких случаях огромное, с выбросом частей ребер и легкого. В заключении я написал, что заряд патрона, вероятно, был комбинированный – пуля и три дробинки-картечи. Если бы дробинки было больше, она порвала бы края выходного отверстия. Предусмотрительно я вырезал входное отверстие с входом картечи и заспиртовал:

... Вот тут-то все началось. Да, нужно сказать, что вечерело, улица была пустынная и никто не видел, как Андрей стрелял в Павла Петровича. Парень на допросах твердо настаивал, что стрелял жаканом. Никакой дроби в патрон не клал!

... Олег Савчук, в новом, добавочном постановлении спрашивал меня, не мог ли выстрел, из одной картечи (без жакана) нанести такое же входное отверстие, ведь, выстрел был почти в упор, даже ожег порохом сохранился! Я ответил, что маловероятно, но не исключено. Это мое заключение поддержали и криминалисты. Дело начало круто запутываться. Нашлись свидетели, которые в то время, когда стрелял Андрей, видели, как в тайгу, от дома Федоровых, бежал другой сосед, тоже артельщик, у которого с убитым отношения были натянутые, ибо Павел Петрович сменил Бориса Яковлевича на месте председателя артели по причине пьянки Бориса Яковлевича. Это бывший, был алкоголик, от которого ушла недавно жена с сыном. Борис Яковлевич держался в артели только благодаря Павлу Петровичу, был на птичьих правах. Павел Петрович, после каждого запоя Бориса Яковлевича заставлял его писать заявление об увольнении по собственному желанию или грозил уволить по статье! Савчук начал отрабатывать версию, что Андрей не убивал Павла Петровича, а взял убийство его Борисом Яковлевичем, тоже другом родителей Андрея и Веры, который часто не только заходил к ребятам, но и столовался и ночевал у них, когда остался один. Если отношения Андрея с Павлом Петровичем были субординационные, «служебные», то отношения с Борисом Яковлевичем – дружеские, на равных, теплые... И еще, жена и дочери Павла Петровича заявили, что пьяный Борис

Яковлевич, после очередной угрозы об увольнении, не раз говорил, «прибьет» Павла Петровича... мало, что занял, подлец, его место бригадира, теперь еще и избавиться от него хочет...

...Итак, старшей следователь прокуратуры Олег Савчук отрабатывал версии убийства Павла Петровича Борисом Яковлевичем по договоренности, что вину на себя возьмет Андрей, которому не светит «вышка», как несовершеннолетнему. Вот только мотив убийства для Андрея не смогли придумать!

...И, наконец, на ружье и на патронах – выстрелянном и невстроенном – нашли отпечатки пальцев Бориса Яковлевича. Больше того, в не выстрелянном патроне была картечь! Несмотря на новые данные следствия, Андрей упорно продолжал, не называя мотива, говорить, что он застрелил Павла Петровича. И убил его жаканом. В отношении второго патрона, заряженного картечью, только сказал, что не собирался промахиваться... Бориса Яковлевича задержали и посадили в соседнюю камеру с Андреем. Надеюсь, что между ними начнется какая-нибудь связь – перестукивание, обмен репликами при «случайных» встречах, ведомых на допрос к следователю и т. д. Борис Яковлевич был в запое. И в камере следственного изолятора у него начала развиваться настоящая белая горячка. Тюрьма была старой, стены кирпичные можно легко было расковырять. В начальной стадии белой горячки может развиваться психомоторное возбуждение, больной становится в несколько раз сильнее своего обычного состояния. Вот это и случилось с Борисом Яковлевичем. Он умудрился из пружины кровати сделать, что-то вроде штыря, и кирпичом, выковыранным из стены, прибил штырем мошонку к лавке... Его перевели в психиатрическую больницу в изолятор. Тем временем труп Павла Петровича похоронили – держать в морге было н возможно, холодильников тогда не было, а жара днем достигала 25 градусов...

...Через неделю, после похорон следствие зашло в тупик. Олег позвонил мне и сказал, чтобы я не обижался, но, так как я не дал ему ни одной картечины, в то время, как входное отверстие имеет следы картечи, и я сам не отрицаю, что выстрел мог быть картечью, и второй патрон заряжен картечью... короче, он назначает повторную судебно-медицинскую экспертизу – эксгумацию. Для проведения которой вызывает экспертов из Краевого Центра судебно-медицинской экспертизы и с кафедры судебной экспертизы ХГМИ, кандидата наук, Олега Васильевича Пинчука, известного в Крае судебно-медицинского эксперта. Эксгумация трупа – самое тяжелое для эксперта, проводившего первичную экспертизу и воленс-ноленс – дискредитирующего его, как специалиста. Я это чувствовал на себе, но я также понимал, что другого выбора у Олега Савчука не было. Если бы я дал бы ему хотя бы одну картечь, или нашли бы картечь. Беда была в том, что Андрей стрелял вдоль улицы, не желая попадать случайно в дом, не задеть жену и девочек! Поэтому, на пути пули и картечи не было никаких препятствия, а в трупе я картечь, по правде, даже не искал: думал, что достаточно вырезанного входного отверстия! Ан, оказалось, что нет!

...Разлагающийся труп Павла Петровича привезли ко мне в морг, когда из Хабаровская прилетел Олег Васильевич Пинчук, доцент кафедры судебной медицины ХГМИ и эксперт Краевого бюро Алеша, на год раньше, окончивший ХГМИ и работающий в краевом морге. Стоило нам открыть дверь в морг, как Алеша, пардон, начал блевать, и побежал прочь. Олег Васильевич, заносивший было ногу в морг, убрал ее, и стоя перед дверями, из которых несло зловонием разлагающейся человеческой плоти, пролежавшей несколько суток в могиле (ужастик для американских фильмов!) и сказал: *«Найди дробинку, и я тебя поддержу... если не найдешь... я тебя тоже поддержу: экспертиза не роддом, мы не можем родить то, чего хотят отцы-прокуроры* (сказал, почти по Федору Михайловичу Достоевскому). *Савчук боится, что дело зависнет... и не знает, что делать со взявшим на себя убийство парнем и алкашом, под руку подвернувшемся... Это не наши проблемы. Это его работа. Мы рады помочь, и мы здесь, помогаем... чем богаты!»* Олег Васильевич ушел в лабораторию, где был накрыт стол с тарелками икры красной, икры черной, жирными ломтиками копченной семги, около стола стояла

двадцатилитровая бутылка с медицинским спиртом; вторая, тридцатилитровая бутылка со спиртом стояла у меня дома... (тогда полагалось 100 граммов на труп, 50 граммов на мытье рук, и неограниченное количество на проведение анализов...) Три часа полных Олегу Васильевичу и Алеше пришлось пить спирт, сначала закусывая, потом уже и без закуски. Это время я рылся во вновь вскрытом трупе, искал дробинку. И нашел: одну, застрявшую в ребре (я «пересчитал» все ребра и близлежащие просмотрел органы). Мои коллеги были в полной отключки, и уложены в свежеструганные гробы со стружками, что стояли в подсобке, где был свежий, пахнувший еловыми шишками, воздух. Отнесла их туда по очереди на руках моя могучая помощница-санитарка, Мария Ивановна («семерых на льду согрело!» – так ее в городе величали). Я тут же позвонил Олегу и объяснил ситуацию. Он через десять минут с Гошей был у меня. Через пятнадцать минут улетал последний «борт» на Хабаровск. На руках мы водрузили моих начальников и помощников на борт с коробами рыбы и икры для всякого Краевого бюро суд. Мед. Экспертизы. Да, мои друзья-начальник заранее поставили свои подписи на Коллективный акт судебно-медицинской экспертизы-эксгумации, как раз под статьями УПК за отказ в даче показаний и за дачу заведомо-ложных показаний. Заключение было, как и мое первое, что выстрел был сделан с близкого расстояния... и что поражающими была пуля «жакан» и три дробинки-картечи. Дело повисло. В добавок к огорчению Олега Савчука, Борис Яковлевич умер в состоянии белой горячки, не приходя в себя. Андрея следовало выпустить. Вина его доказана не была. Олег взял у него подписку о не выезде, и выпустил на волю...

Часть 2. *Cherchez la femme*⁸

Прошел год. «Висяк» у старшего следователя прокуратур так и остался висяком. С Андрея была снята подписка о не выезде и он продолжал, как ни в чем не бывало, работать в артели, отстреливать норку, соболей, куниц и прочих зверьков с дорогой «шубой»... Семья Павла Петровича постепенно не то, что успокоилась, потеряв кормильца, смирилась. Вдову все чаще стали замечать в обществе нового бригадира артели, парня, лет 30-ти, приехавшего на промысел на ДВ из западной Украины. Статного и красивого. А, что делать – когда делать нечего и жизнь продолжается! Андрей подружился с Остапом (так звали нового бригадира и ухажера вдовы). Тот нередко стал гостем Федоровых. Кстати, я никогда не видел Веру, сестру Андрея, а, как оказалось, нужно было бы на нее посмотреть!..

...Однажды в мой кабинет, в бюро судебной медицины постучали осторожно в дверь. Я открыл дверь и... сконфузился: на пороге стояла сама Василиса Прекрасная их русской сказки! Стройная, врожденная блондинка с вьющимися густыми волосами, заплетенными в тяжелую косу, чернобровая, с длинными черными ресницами, крыльями бабочек махающими над огромными синими глазами... Щеки розовые – кровь с молоком, губы алые, грудь высокая и, чувствуется, упругая и тяжелая... ну и т.д., и т. п. Онемевший от такой «картинки», я смотрел на деву-красу не в силах слово вымолвить... Сколько мы так стояли – не знаю, как вдруг, словно из далека, услышал чистый звонкий, как серебряные колокольчики зазвенели, голосок: *«Доктор! Я пришла вас предупредить, что Андрей убьет Остапа, как он убил Павла Петровича!»* При этих словах я мгновенно пришел в себя и схватив девушку за руку, быстро втащил в кабинет, плотно закрывая дверь за нами. Я вел ее, не упуская руки молча к дивану, а она продолжала свой звон-перезвон: *«Мы Остапом любим друг друга... Остап приходит ко мне, как Андрея нет... вдова Павла – только ширма... Чувствую, что Андрей начинает догадываться! Он Павла убил из-за нашей любви. Павел уже начал мне надоедать своей ревностью. Я Андрея не стала отговаривать от убийства, ибо не знала, как отвязаться от сожительства с Павлом! Я даже положила в патрон, который Андрюша приготовил для Павла, три*

⁸ Ищите женщину. (фр.)

дробинки на счастья и уговорила Бориса Яковлевича замести следы...» Услышав это, я соскочил и закрыл дверь на ключ, а ключ положил в карман. Потом подошел к телефону, не спуская глаз с красавицы, и позвонив Олегу, услышав его голос, командным, но дрожащим голосом сказал: «Олег, срочно приезжай ко мне. Здесь все поймешь. А я от твоего имени предупреджу зав. гинекологического отделения, что сейчас у нее будет совместная со мной судебно-гинекологическая экспертиза несовершеннолетней... женщины...»

P.S. Павел Петрович и Остап были не единственные мужчины у Веры, начавшей половую жизнь с двенадцати (sic!) лет. Она была красива, старше своих детских лет года на три-четыре. Половозрела точно с 12-ти лет, нимфоманка, умеющая легко манипулировать мужчинами.

...Остапа Олег не стал ни к чему привлекать и отправил назад, в Западную Украину. Вера была взята на психиатрический учет... мной. Андрей стал бригадиром артельщиков-охотников на пушного зверя.

Мой съедобный брат

Часть 1. Катись колбаской по Малой Спасской

Садовая-Спасская улица – улица в составе Садового кольца Москвы от Большой Спасской улицы до площади Красные Ворота...

С XIX века известна Малая Спасская улица, название которой установилось от Спасской мызы, существовавшей тогда в северо-восточной части Выборгской стороны. Малая Спасская улица имела непосредственное пересечение с 2-м Муринским проспектом и Старо-Парголово-Воскресенским проспектом и переходила в Большую Спасскую улицу. В 1960-е годы несколько домов в конце улицы были снесены при формировании ансамбля площади Мужества. 15 мая 1965 года улица получила нынешнее имя в честь советского военачальника, Героя Советского Союза Д. М. Карбышева (1880—1945), зверски убитого в фашистском плену...

(Из Википедии)

...Я прилетел на ИЛ-12 работать в Николаевск-на-Амуре 8 декабря 1968 года в 19 часов 25 минут. В 21 час лег спать. В 21 час 30 минут в дверь моей квартиры на улице Кантера – одной из центральных улиц Николаевска-на-Амуре, названной в честь первого председателя исполнительного комитета Нижнеамурского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Почетного чекиста, латыша Кантера Оскара Кристаповича – (см. Википедию) за стучали с невероятной силой. Сонный, я открыл дверь, впуская клубы пара и нечто чрезвычайно громадное, окутанное снегом, больше похожее на сугроб или медведя-шатуна, чем на человека. «*Мокруха, – док. Одевайся, едем!*» Так я познакомился с начальником УГРО, майором милиции, героем Советского Союза (ВОВ), гвардейцем, силачом-самородком Виктором Леонидовичем Соколовым. Быстро одевшись, накинув сверху фирменную (от Краевого бюро суд-медэкспертизы) дубленку и сунув ноги в унты, нахлобучив фирменную меховую шапку и натянув меховые рукавицы, я вышел к первому представителю карательных органов, первому, которого я встретил, и первому по праву в Николаевске-на-Амуре. Я доставал ему до плеча. Он посмотрел на меня сверху в свете тусклого уличного фонаре, что висел у входа в дом, и сказал: «*Сумеешь говядину отличить от человечины?*» Чисто по наитию, я отрапортовал: «*Смогу... и в сыром виде, и в вареном, и в жареном...*» – глядя на брови, покрытые снегом, и на ресницы – лопаты для очистки снега... «*Это хорошо, если сможешь... Иначе город и район останутся без колбасы!*» Я понял, что произошло что-то на колбасной фабрике, снабжающей отличной колбасой не только Николаевск-на-Амуре с его районами, но даже и Комсомольск-на-Амуре, частично, конечно. «*Будешь командовать взводом погранцов – они уже начали отделять говядину от человечины...*»

...Взрыв трех главных котлов на колбасной фабрике (я процессе работы там и следствия я тогда ни разу не услышал слова «диверсия» или «теракт». Говорили о халатности уснувшего смотрителя за давлением в котлах, в которых готовилась начинка для колбас разного качества. Я так и не узнал, почему одновременно взорвались три котла?..

...Первое, что мне показали – сохранившийся, совсем не пораненный труп смотрителя... без головы! Голову оторвала, вероятно, взрывная волна: чисто, вместе с шеей. Я позвал к себе на разъяснение командиров отделений. И, первое, что получил, чтобы нашли голову или костные фрагменты в тоннах фарша, разбросанных вокруг – на полу, на стенах, перемешанных с «инородными» вещами. Как-то – осколками котлов, труб, приборов наблюдения и т. д. Одновременно объяснил, как отделить «человечину» – всего-то «мясо» и «кости» шеи... в тон-

нах сырого фарша, вареного фарша и фарша с различными приправами. В котлах готовилась «вареная», «варено-копченая» и «сыро-копченая». Колбасы. Сейчас это все было перемешано и разбросано по залу в пятьсот кубических метров!

... Не буду вдаваться в подробности, как отделить фарш колбасный от человеческого «мяса». Одно сразу очевидно, что ни в одном котле не было в фарше костей. Комиссия, возглавляемая специалистом из Хабаровска, настаивала на *«максимальном сборе чистого фарша без примесей»* и ее *«не волновало ничуть, если в фарши попадет человечина»*. Аргумент был «железный»: *«от такой примеси к говядине и свинине никто не умрет... в Японии открыто существуют заведения общепита, где подаются блюда... из человеческого «мяса»; они даже имеют свое название – «Мой съедобный брат!»* Представители николаевская, подчиненные, естественно, хабаровским чиновникам, молчали, но видно было, что их поташнивает! Морализировать с чиновниками было бессмысленно. Нужен был весомый аргумент. Я подошел к «чистой» куче фарша, проверенной уже солдатами на наличие «кусочков головы и шеи Константина-смотрителя», зачерпнул столовой ложкой (их зачем-то принесли в цех несколько коробок) и поднес быстро к лицу главного чиновника из Хабаровска: *«Прошу, проглотите!»* Чиновника тут же вырвало! На лицах всех членов комиссии появились признаки подавляемого рвотного рефлекса. Тогда я взял трубку переносного телефона, связанного с кабинетом Первого (в котором был и прокурор, и заведующая горздравотделом) и твердо произнес: *«Я дам заключение, что в перепроизводство фарши, собранный в цеху из взорвавшихся котлов, не годен... Если вы меня не поддержите, я буду звонить Главному Прокурору РСФСР и министру Здравоохранения РСФСР...»* В ответ услышал, что в цех направлен курьер с распоряжением Первого секретаря горкома КПРСС, поддержанным прокурором и завгорздравотдела – утилизировать (сжечь на свалке) весь собранный фарш). Таким образом, моя работа в цеху колбасной фабрики заканчивалась.

... После получения распоряжения об утилизации «мясных отходов», Олег Савчук, который был уже до нас на месте происшедшего, тихо прошептал: *«Пусть солдаты... голову Кости продолжают искать... Здесь народ такой: не найдем голову, колбасный завод получит кликуху – „Завод им. Всадника без головы“... Читал Майн Рида? Моя дочь в восторге от этой книги... Глядишь, фильм снимут... Но мы будем не только в Крае, но и в Республике – первыми!»* Олег, я там с ним познакомился и сразу подружился, был провидец. В 1973 году фильм «Всадник без головы был снят»... Однако, голову (ее фрагментов) с шеей мы так и не нашли. Наш город и район полгода не имел собственной колбасы, а, привезенную из Хабаровска – никто не покупал...

... Повторяю: это произошло в 8 декабря 1968 года... Костю похоронили 9 декабря, тихо, после моего заключения. Похоронили без головы в закрытом гробу. В похоронной процессии, кроме представителей милиции, были переодетые КГБ-исты – на случай стихийных беспорядков: в городе в связи с трагедией было неспокойно. А, 8 апреля ко мне в морг без звонка ворвался Виктор Леонидович Соколов и тихо, но мощно сказал: *«Бросай свое дело – я стоял у секционного стола и работал – поехали на место преступления: кто-то человеческую голову на кол в заборе на улице „таежная“ повесил!»*

... Марья Павловна, одинокая крепкая старушка, работала у себя в огороде, готовясь к весенним посадкам. Снег уже сошел. Солнце рано начало припекать и земля уже оттаяла. Работая, захотела «по-маленькому». Присела, подняв юбку, только начала писать, как увидела краем глаза, что кто-то через забор подглядывает за ней. Со словами, как не стыдно за старухой подглядывать, она поднялась и повернулась к бесстыднику и тут же упала в обморок. Очнувшись, она заорала: *«Голова на колу! Голова на колу!»* Выскочили соседи и увидели, что мужская голова, обветренная, со спутанными черными волосами висит на заборе, воткнутая в штакетину...

...Когда мы прибыли, голову окружили мужики, вооруженные, кто ружьем, кто топором. Следствие, естественно, сохранило в секрете, что голову не нашли. Гроб заколотили, и родные не знали, что хоронят Константина без головы. Мы с Виктором Леонидовичем сразу сообразили, чья голова «подглядывала» за Марией Павловной. Оpozнание прошло без обмороков. Жена Кости держалась на ногах крепко и слезы, и сопли не пускала... Голову похоронили в небольшом ящике, в могилу, где лежало туловище Кости...

...Последним объектом моей экспертизы в Николаевске-на-Амуре, перед отъездом в Москву, был мой дорогой друг, дальневосточный гигант, которого уважали все жители и гуляющие по тайге люди Николаевска-на-Амуре и пяти, прилегающих к нему районов. Из Москвы незадолго до гибели Виктора Леонидовича прислали майора, только, что окончившего Академию МВД. А у Соколова не было даже средней школы милиции. Он, как легендарный Шарпов, был направлен в УГРО Николаевска-на Амуре сразу после войны, где он от рядового дослужился до майора, и стал Героем Советского Союза, гвардейцем. Прошел путь от рядового пехоты, до командира разведроты. Глотнув флягу моего спирта, всегда вспоминал и с удовольствием, что, как и почему он любил с фашистами вступать в рукопашную: *«Берешь двоих за шкуру и бьешь их головами. Каски и раскалывали головы, как грецкие орехи!»* Правда, один здоровенный фашист успел ударить в лоб Виктора Леонидовича штыком и рассек ему лобную кость. Посреди широко лба у Соколова был глубокий шрам. Вот в этот шрам, бандит-браконьер и всадил Виктору Леонидовичу пулю из карабина, когда корабль начальника рыб. надзора догонял моторку бандита. Пуля расколола широкий и крепкий лоб Виктора Леонидовича пополам: как раз по шву, который остался от удара штыка фашиста. Соколов умер сразу.

Холера

*To be or not to be, is there a question here?*⁹

«Благодеяние или разорение государства зависит от индивидуального счастливого или несчастливого влияния тех, кто им управляет.

Судьба наций написана на лицах людей господствующих...»
(*Эжен Ледо*)

Это будут самые сумбурные записки, подчиняющиеся, как хокку, лишь ассоциативному опыту читающего. Поэтому я буду писать ее исключительно для себя с «закрытыми глазами».

Начну я с того, что мой друг Али Алиев (Али Зурканаевич Алиев в 1957 году стал чемпионом Дагестана; в 1967 году тридцатилетний Али Алиев, накануне XIX Олимпийских Игр был уже более чем титулованный: пятикратный чемпион мира, семикратный чемпион СССР, трехкратный чемпион Спартакиады народов СССР), каждый раз, как мы встречались со мной, давал мне более ста (!) автографов. Всего дал чуть больше тысячи... Мы тогда с ним и не понимали, что создаем некий уникальный феномен по количеству автографов, (конечно же, это, собственно, не были автографы; а что это были за расписки Али – останется нашей с ним и Ахмедом тайной!) данных одним человеком другому. Я не вру, так и было! У меня есть живые свидетели, наш общий друг с Али – Ахмед Рамазанов и его дети – Осман и Ибрагим. О нем я писал в книжке «Пройти по краю»¹⁰. Много бывает, когда встречаются друзья, между ними. Об автографах мы и не думали. Али писал их автоматически. Я при этом всегда думал об одном: мышцы Али были «каменные»! Я также с 14 лет занимался спортом. Накачивал мускулатуру колесами вагонетки, имел фигуру, не хуже, чем у Стив Ривза. Но до Али мне было далеко! Мои мышцы не были «каменные». Али попытался укрепить мою мускулатуру. Для этого мы ездили в Чох к маме Ахмеда, самый высокогорный и знаменитый аул в Дагестане. На фотокарточке виден дом имама Шамиля, а как раз напротив, через ущелье дом, который подарили мне местные жители, да я его так и не обжил: зачем, когда двери любого дома в Чохе для меня всегда были открыты?

Так вот. Мы вставали с Али рано утром (в пять часов), брали по два железных ведра и шли к подножью высокой, но пологой скалы по альпийским лугам, где трава не по пояс была нам, а по затылок. У подножья горы набирали ведра доверху камнями и наперегонки бежали наверх скалы... До тех пор, пока ведра с камнями не становились настолько тяжелыми, что мы едва их отрывали от земли. Только тогда мы, высыпав камни из ведер, шли к ближайшему водопаду и замирали под струями ледяной воды. Но мои мышцы так и не стали «каменными»... Сейчас мой друг Али стал легендой. Его фотокарточки я часто встречаю в машинах, подрабатывающих в Москве кавказцев и выходцев некогда из наших среднеазиатских республик. Я сразу понимаю, что еду с борцом вольного стиля, мечтающего выступить на чемпионате имени Али Алиева, который во всем мире среди «вольников» ценится выше, чем Олимпийские Игры. Один раз не выдержал и сказал водителю, что хорошо знал Али. Он почему-то сразу мне поверил, и, конечно, денег с меня не взял и дал номер своего мобильного телефона, сказав, что его машина всегда к моим услугам. Я ни разу не злоупотребил предложением борцоводителя. Но однажды, года через два после первой встречи, я случайно попал в его машину и сразу же был опознан... (всего прошло 37 чемпионатов имени Али Алиева и на них, как правило, принимали участие борцы из стран с разных концов мира). Недавно познакомился

⁹ Быть или не быть, – разве здесь есть вопрос? (англ.)

¹⁰ М. Современник. 1989, Ридеро, 2016

с дагестанкой-лезгинкой, участником двух соревнований на кубок Али Алиева. Она обещала привезти мне с ближайшего соревнования футболку с портретом ее кумира, и моего друга...

А вот дальше я хочу писать о холере (холера, лат. cholera – острая кишечная антропонозная инфекция, вызываемая бактериями вида *Vibrio cholerae*. Характеризуется фекально-оральным механизмом заражения, поражением тонкого кишечника, водянистой диареей, рвотой, быстрейшей потерей организмом жидкости и электролитов с развитием различной степени обезвоживания вплоть до гиповолемического шока и смерти.

Распространяется, как правило, в форме эпидемий. Эндемические очаги располагаются в Африке, Латинской Америке, Индии (Юго-Восточной Азии). Опять Дальний Восток, близ лежащий к Николаевску-на-Амуре, тогда международный порт Маго (Распоряжение Правительства РФ от 13 октября 2006 г. №1436-р «О закрытии морского порта Маго для международного сообщения и захода») вновь 1969 год!)

Сейчас я не буду предаваться эмоциям и философствовать. Буду только излагать факты (конечно, как я их помню, не обольщаясь на свой счет и свою память, как не обольщался Жан Жак Руссо перед своей «Исповедью»). Я был в Маго всего два раза: будучи школьником старших классов, возвращаясь в Хабаровск их геологического похода, и судебно-медицинским экспертом города Николаевска-на-Амуре и пяти его районов. Первый раз был июль, «макушка лета». В тайге было свыше 30, на побережье океана и Амура минус 25. В каком году это было, в первый раз, не помню. То ли 8, то ли 9 класс. «Ом» (речной пассажирский катер) доставил наш отряд до Маго, чтобы мы пересели на баржу, которая дотащила бы нас по Амуру до Комсомольска-на-Амуре. А из Комсомольска мы пересаживались на огромный катер геологоразведки и таким образом возвращались на центральную базу в Хабаровск. «Ом» идет медленно, спрятаться от жары негде. Мы были изрядно измучены. Думали только об одном – вот в Маго, где будем часа два-три ждать баржу, накупаемся всласть! Увы! За несколько километров от порта мы увидели, что всевозможные суда и суденышки – речные, морские, речные-морские, наши и японские, стояли в несколько рядов, прижавшись боками друг к другу, вдавив дебаркадеры в берег. Чистой воды не видно. «Да, – подумали мы в отчаянии и в поту, вот и покупались!» «Ом» пришвартовался к какому-то судну, мы шли долго, то по нашей «земле», то по «японской» гуськом за начальником отряда, пока не пришли на баржу, к которой должна была (чудом!) пришвартоваться наша баржа. Наш начальник скомандовал: «Причал! Есть нечего. До ближайшего заведения, где может быть пища, часа два-три хода... Постарайтесь расслабиться и уснуть!» (прямо на раскаленной палубе баржи). Среди нас были две молодых женщины – профессиональные геологи, хорошо знающие, как не пропасть даже в горловине, ведущей в ад (честное слово, это сравнение пришло мне на ум, когда я стелил все, что можно было с себя снять на стальную палубу, чтобы не поджариться), неожиданно для нас спокойно и с выражением лица, что они знают, что делают, бодрой походкой куда-то, между бортов судов направились. Мы вяло проводили их взглядами...

Сколько прошло времени в состоянии плавящихся сырков, не знаю, когда наши коллеги вернулись, толкая нас в бока кончиком больших пальцев красивых ступней (Ричард Олдингтон. «Смерть героя»), мы разули глаза и увидели по две бутылки (о, чудо!) холодного лимонада в руке каждой. И услышали: *«Недалеко стоит военный морской катер... Правда, там воздвигли забор и в воротах стоит автоматчик, но в их зоне чистая вода и отличный пляж – морячки резвятся! Нам не к чему туда, а вот вы, мужики, можете, если уговорите постового, всласть искупаться»*. Через двадцать минут мы стояли перед красивым тихоокеанским морским постовым, упрашивая его пустить нас в зону купаться. Предложить ему нам было нечего, но, глядя на нас, и чувствуя по себе (он был экипирован для вахты и одежда, промокшая насквозь от его пота, туго прилегала к его юному телу) что мы испытываем, он, рискуя гауптвахтой, сказал: «Шустро раздевайтесь до трусов, одежонку в комок, и швырк один за другим мимо меня. Только к „кораблю“ близко не подходите!» Через минуту мы были у катера,

в воде плескались с дюжину голых молодых парней. Я оглянулся: чистой воды было предостаточно для среднего дикого пляжа. Вот «чистого берега» – мало! Все побережье было завалено ржавеющими остовами морских судов, цепями, якорями (я не случайно выделил последние, скоро прочитаешь, почему?). Мы с шумом врезались в «пучину» нижнего Амура.

Заплывать было, собственно, некуда, если только плавать вдоль берега, поэтому мы сгрудились у катера. Наплескавшись и охолодившись (вода-то как парное молоко, но все же – Амур!), мы стали рассматривать «корабль». Это был вооруженный пушками на носу и корме военно-морской катер, который мог идти и по Амуру и его притокам (типичный для дальневосточного военно-морского Округа). Не долго мы глазели, как вдруг что-то с шумом и огромными волнами врезалось не далеко от нас в воду (кстати, глубина была достаточная, чтобы морской катер стоял в двух метрах от берега). Вскоре мы увидели вынырнувшую голову. Не успели опомниться, как шумные разрывы воды (как при взрывах глубинных бомб) стали окружать нас со всех сторон: ныряли с корабля. Да не с палубы, и даже не с капитанского мостика, а смотровой башни, которую можно было с нашего положения увидеть, только задрав сильно голову. Не буду врать и гадать – не знаю, какая там была высота. На башне стояло несколько мужских голых тел, которые казались мне величиной с две спички (вот и суди, читатель, сам о высоте башни!). Нам страшно захотелось туда, на башню! Не нырнуть, а просто посмотреть с ее высоты на воду. И мы рискнули пойти на корабль, благо, вход на него не охранялся. Мы в затылок друг другу, вслед за голым моряком двинулись на башню... И вот мы стоим и смотрим вниз: жуть и только! Вода где-то далеко-далеко под нами. Гораздо ближе капитанский мостик, верхняя палуба, нижняя палуба и борт. Не долго мы стояли и глазели, как услышали суровый командный голос (то, что этот голый парень был сам боцман, никто из нас не засомневался: *«Брысь от сюда, мелюзга, пока я вас в брезентовом мешке с этой вышки не сбросил на съедение касаткам! Вы проникли на военный объект!..»* Один из нас попытался пойти и спуститься, как поднялся, когда боцман продолжил: *«Только прыжком! Не бойтесь, мимо воды не пролетите!»* Пока он командовал и разглядывал нас, двое из моряков успели солдатами прыгнуть вниз. Шум их вхождения в воду с высоты не был слышен. Через некоторое время, закрыв глаза, бросил себя вниз первый из нас. Мы вздохнули, когда показалась его голова над водой. Нас оставалось трое. Когда рухнул вниз второй, боцман, вдруг повернулся (почему – я не знаю! Может случайно?) лицом ко мне и глядя мне прямо в зрачки рявкнул: *«А ласточкой слабо?»*. Я отреагировал, как на ринге, когда противник наносил мне прямой в челюсть – молниеносно: *«Я не видел, чтобы кто-то из ваших изобразил «ласточку»*. Он тоже был скор на контрудар: *«Я еще не прыгал!»* – *«Тогда после меня (это какая-то сила вырвала из меня слова и подбросила меня чуть вверх, сгруппировала в «ласточку» и швырнула вниз»*.

Мне казалось, что я «летел» вечность! Занимаясь плаванием, я немного нырял с вышки. Но с такой высоты – никогда. В воду вошел легко и плавно погружался, когда почувствовал, что моя правая рука (руки вытянуты вперед) тыльной частью кисти прошла почему-то жесткому. Я открыл глаза, но вода была достаточно мутная и я ничего не увидел. Донырнул до дна, уткнувшись пальцами в песок, развернулся и когда пошел вверх, то увидел (благодаря лучам яркого солнца) что-то огромное возвышающееся над дном. Воздуха еще хватало и я смог разглядеть морской якорь, на одну треть засыпанный донным песком. Это его коснулся я правой рукой. Мелькнула мысль: два сантиметра левее и я труп! (У меня так погиб одноклассник Саша Бичев, пробив головой обыкновенный таз). А тут – морской якорь! Я начал лихорадочно выплывать, думая о боцмане... Уже видел поверхность воды, когда она разорвалась и мимо меня пронеслось тело – как раз по направлению к якорю! Что я мог сделать? Как остановить боцмана, ибо тело погружалось головой вперед. Руки слегка согнуты в локтях от удара о воду (плохо сгруппировался). Я вынырнул... в алой от крови воде... Боцман врезался головой в якорь, и она, голова, развалилась – прости, читатель, как грецкий орех... Дальше – не интересно. Арест, допрос, потом под конвоем на баржу. А я думал о молодом боцмане и о себе.

И о том: если бы он не спровоцировал меня, я никогда бы не нырнул «ласточкой» с такой высоты; а, если бы я не нырнул «ласточкой», то нырнул бы он? Если бы он нырял ласточкой ранее, а только так можно было достигнуть якоря, он знал бы, что здесь нырять нельзя! Я спасся по чистой случайности и ценой его гибели. С тех пор я больше никогда не нырял, даже в бассейне с вышек, было лишь одно исключение – на искусственном пляже в Лозанне я нырнул с вышки вдвое меньше, чем корабельная башня, заставила Маринка (моя жена) под камеру. Нырнул солдатиком.

На баржу попасть было не так уж просто. Она не могла – не было места пришвартоваться к ближайшему судну и поэтому мы на нее забирались через небольшую деревянную с подвесным мотором рыбацкую лодку, которую, видя наши проблемы, за бутылку водки подставил местный мужик. Представь, читатель, ты с огромного пассажирского, трехпалубного теплохода прыгаешь в утлую лодку, рискуя пробить ногами ее днище, едва, что бы не свалиться за борт успеваешь схватиться за подставленное весло, а потом (лодка всюю шатается) вскарабкиваешься по протянутому с баржи багру на нее, точнее на гору песка, который она доставит в Комсомольск-на-Амуре (там песок – дефицит). Подошла моя очередь, я прыгнул в лодку и уже начал забираться на баржу, как мое внимание привлекла ветхая книга в мягкой обложке ярко зеленого цвета, несмотря на потертость, на фоне зелени стоял голый негр с пикой в руке. Я дважды отворачивался и поворачивался к книге, на меня уже закричал, тот кто держал багор. Потом отпустил багор и спросил хозяина лодки: «Твоя книга? Не продашь?» Я не знал, что за книга, Африкой не интересовался. И все же... «Да бери так! – Сказал мужик и добавил – я не знаю, откуда она тут. Кто-то забыл, кого перевозил». Когда книга оказалась у меня в руках, я прочитал: Эрнест Хемингуэй. «Снега Килиманджаро». Да, читатель, я к этому времени одолел всех энциклопедистов и взялся за немецкую классическую философию, а Хемингуэя не читал. Это была моя первая его книга. Это – лучшая его книга для меня! На книги у меня какое-то чутье. Если я встречаюсь с книгой, которая мне непременно не то, что понравится, а повлияет на меня, у меня замирает сердце точь-в-точь, как при встрече с женщиной, которая окажет на меня влияние. Я в чувствах схватил заскорузлую руку мужика и начал ее трясти от благодарности. Он с широко раскрытыми глазами смотрел на меня. Потом вдруг говорит: «А поехали со мной в Комсомольск! Я туда давно собираюсь к родне. Во-первых, примчимся быстрее, чем на этой барже. Во-вторых, ведь интереснее! Протоками покатым! Если там у тебя никого нет, у моих останешься, дожидаясь баржу. У меня и ружьишко есть (добавил он шепотом)». Так, я откололся, благодаря ему, от своих...

Повторяю, я в Маго был всего два раза. Второй раз в начале апреля 1969 года. Из Николаевска-на-Амуре в Маго летом добирались по лесной, покрытой гравием всегда разбитой дорогой или водой, а зимой по льду. В 1969 году весна была ранняя и дорога к концу марта днем покрывалась водой. Но движение не прекращалось круглые сутки. Как по дороге жизни шли караваны разного калибра машин, в том числе груженых лесом для японских тагу. Японских лесовозов было много. Они от Маго покрывали почти весь Татарский пролив. А в поселке «Мыс Лазарева» организовали маленькую Японию со своими магазинчиками и Интерклубом. В японских заведениях все было японское: от посуды и еды, до саке, суси и гейш. Конечно, только для тех советских граждан, с которыми они имели деловые отношения. Но я – отвлекся.

Как-то теплой апрельской ночью меня разбудил Гоша – водитель прокурорского уазика: «В Маго ЧП! Срочно нужно ехать». Гоша всегда был в курсе событий, поэтому садясь в машину, я уже знал, что в одной из больниц умер советский матрос с судна, вернувшегося из Индонезии. Врачи не успели выставить диагноз. Труп находится в изоляторе.

Ехали мы по талой воде, которая покрывала лед Татарского пролива. Со скоростью 20 км. в час, не больше. Можно было бы сказать – колесо в колесо, если бы перед нами не был бы лесовоз, груженный корабельными свежеспиленными соснами. «К утру доберемся», – едва успел сказать Гоша, как в свете наших фар лесовоз внезапно накренился, рассыпая, как спички

бревна, остановился. Гоша мгновенно открыл дверь, крикнув мне: «Выпрыгивай! Тонем!», хотя с нашим узиком ничего не происходило. Вода была чуть не по колени. Колонна замерла, ибо прекратился сплошной гул моторов. Мы отошли несколько метров в сторону берега (до берега было с полкилометра) и увидели, что кабина лесовоза ушла под воду, но бревна не давали погрузиться ему целиком. Короче: один водитель успел выпрыгнуть, а труп другого я вскрывал в июне.... До Маго меня доставил геологический вертолет к 8 часам утра.

В бокс маговской портовой больницы я зашел в обычной экипировке для судебно-медицинского вскрытия. Труп был без одежды, которая, как я понял, находилась в баке с раствором хлора. На столике стояла пишущая машинка и лежала история болезни матроса. Когда он точно умер – мед. персонал прозевал. Поэтому никаких реанимационных действий не проводилось. Да и лекарство матрос не принял, ибо диагноз не успели выставить. Я только узнал из истории болезни, что побывал он и в Индии, на корабле был здоров, и почувствовал слабость, когда судно входило в порт Маго. И что ему 26 лет. Семья в Одессе – родители и сестра.

Я приступил к вскрытию после обычного (без особенностей) осмотра поверхности трупа и начал вскрытие по Шору (Г. В. Шор, 1872—1948, сов. патологоанатом; его метод полной эвисцерации – способ вскрытия трупа, при котором внутренние органы извлекают единым комплексом). Только дошел до брюшины – остановился, как вкопанный: такого я никогда не видел! Под кожей находилась масса, весьма похожая на холодец без мяса (извиняюсь за сравнение, но пишу то, что мне тогда пришло в голову). Шестое чувство мне подсказало – дальше не вскрывать и, не выходя из бокса, сообщить, что я обнаружил. Стуком в дверь подозвал медсестру и при казал передать в горздравотдел о моей «находке». Полчаса стоял и глазел на «холодец» – грязная, серая масса. Через полчаса в бокс ворвались (именно так!) трое мужчин в костюмах (таких я также не видел), но больше напоминающих резиновые скафандры с пластмассовым стеклом для глаз. Дышали они через противогазы (я сообразил по некоторым признакам и форсировано-приглушенному дыханию). В руках у них были незнакомые мне баки с шлангами, из которых чрезвычайно вонючей коричневой жидкостью они начали заливать труп и все вокруг, в том числе и меня. Облив меня с ног до головы, один крепко взял меня за правую подмышку и поволок за собой, толкая дверь бокса ногой. Двое остались с трупом. Мужик перетащил меня в соседний пустой бокс, уже полностью облитый вонючей жидкостью, к запаху которой еще присоединялся запах негашеной извести, которой наполовину была наполнена огромная бочка, в которой я, например, мог поместиться легко с головой стоя. Бросив меня рядом с бочкой, мужик выскочил из бокса и запер за собой дверь... Потом, по большому секрету, покойный прокурор Трусовский (к стыду своему ни имени, ни отчества его не помню!) признался, что бочка предназначалась мне, что было предложение, якобы из Москвы, выстрелить мне в затылок и в бочку с негашеной известью. Спасло меня только то, что я не первый, кто был в контакте с трупом. Правда, я его разрезал! Даже голосовали члены экстренной комиссии, заседала она на второй день моего нахождения в боксе, в которой мне просунули парашу и два бочка – с компотом и макаронами по-флотски. Это было и на ужин, и на завтрак, и на обед. В комиссию входили товарищи из Москвы. Большинство проголосовало за жизнь и меня перевели, подвергнув сначала жесточайшей санитарной обработке (нелепой, по существу, ибо диагноз посмертный был выставлен матросу – «холера») в палату, которую оборудовали под бокс (третьего бокса в больнице не было). В больничном городке был объявлен тихо карантин. Городок оцепили в два ряда солдаты с карабинами – я видел в окно. Маго закрыли. Что делали с трупом – я не знаю, да вряд ли делали что-либо! На вторую ночь моего пребывания в боксе с большим окном я проснулся внезапно. Было 3 часа утра. И увидел следующее: восемь солдат, освещенные фарами военных грузовых машин, на четырех ломах несли огромный металлический ящик. Потом погрузили его в кузов подогнанной машины, который тут же закрылся, а солдаты, передав ломы тем, кто был в кузове, быстро сами в него запрыгнули. Я успел увидеть, что две шеренги вооруженных солдат, вытянулись от грузовика,

груженного железным ящиком (легко было догадаться, кто там), вдоль дороги, которая от этого места шла почти круто в гору, и дальше в тайгу. Дорога освещалась фарами машин, которые стояли перпендикулярно (под углом в 45 градусов) поэтому коридору медленно стал подниматься «катафалк» со странным гробом (труп матроса поместили в цинковый гроб и засыпали негашеной известью, гроб запаляли и поставили в металлический ящик, который тоже засыпали негашеной известью и заварили; похоронили его в огромной яме, засыпанной чуть ли не два метра снизу негашеной известью и столько же сверху). Это произошло где-то в тайге...

В карантине меня держали (и Маго без объявления!) неделю: удивительно, никто, кто контактировал с умершим – и на судне, и в больнице – не заболел. Я чувствовал себя в несколько при поднятом состоянии – ведь ни каждый день такое встречается! Когда карантин сняли и меня выпустили, взяв всевозможные «анализы», я решил, что заслужил настоящий отдых (я еще не знал, что мог получить пулю в затылок, и стрелка успели подобрать!) и позвонил прокурору Николаевска-на-Амуре, что «беру неделю за свой счет; трупы собирайте – вернусь, быстро все сделаю). Без разговора получил «добро». Познакомился с главным врачом больницы – года на два старше меня, выпускник нашего ХГМИ, отличный хирург, кажется Володя Скоробогатов, так его звали. Он предложил мне два варианта: 1) остановиться у него, если я не боюсь ночного плача двухмесячного ребенка; 2) в комнате – единственной в Маго тогда барака-гостиницы, которую превратили в общежитие для практикующихся чуть ли ни со всего СССР, студентов-педиков, хотя в Хабаровске был свой педагогический институт. Я выбрал второе. И попал (а, возможно, это маговскими властями или Володей так было задумано?), как козел в огород с капустой. В отсеке гостиницы, где находилась моя комната, была еще одна: в ней жили три девушки: одесситка Настена, из Винницы – Катерина и из Свердловска – Валентина. Одна другой краше!

Морской порт (во все времена и, наверное, во всех странах) пункт, населенный очень дисциплинированными людьми. И не обязательно от того, что может быть с военными кораблями. Так, в Маго, честное слово, не было сплетен о ЧП. Абсолютно не было! Я, конечно, (может быть, мне это казалось?) чувствовал на себе взгляды, незнакомые люди, здороваясь со мной, слегка опускали голову, кланялись. И мужчины, и женщины, и ребятишки всех возрастов. Вероятно (разве от людей можно что-либо скрыть?) все знали, что я чуть не был приговорен к смертной казни и мог бы составить компанию матросу в его «гробах». Вряд бы мне изготовили отдельный гроб! Вообще-то металлические гробы – от испуга! Когда была чума в Москве, то там, где сейчас стоит памятник Марксу напротив Большого театра, была вырыта огромная в три метра глубиной яма, дно ее было засыпано негашеной известью, туда и сбрасывали трупы, а потом засыпали также негашеной известью. А когда все кончилось, покрыли обыкновенной землей (раскопки вела моя свояченица Оксана Яблокова), потом застраивали домами, сначала деревянными, затем и кирпичными —

В конце октября 1986 (возможно эта дата не точна) года я поехал в командировку в родной Хабаровский Край с проверкой лагерей, тюрем и лечебных учреждений МВД. Я планировал также прочитать коллегам серию лекций по только что вышедшей в Грузии моей монографии «Неврозоподобные расстройства при соматических заболеваниях» (на материалах ЦГ МВД СССР и ЦГ МВД ГССР). Меня, как главного психиатра МВД СССР поселили в шикарном люксе «Интуриста», что недавно открылся на берегу Амура (куда смотрел архитектор города? Гостиница была внизу, а в нескольких сотнях метров от нее находился краевой морг и краевая онкологическая больница... Но интерьер и экстерьер гостиницы не уступали европейским 5-звездочным отелям, а что касается пищи и женской половины обслуживающего персонала – намного их превосходили (дары тайги и Тихого Океана что только значили!). Не успел я расположиться и принять душ, как зазвонил телефон. Я снял трубку, и поймал себя на том, что сердце мое отчего-то вдруг лихорадочно забилось! Мужской голос сказал ровно и спокойно: *«Доктор, Вас беспокоит приемный отец вашего ребенка... Не волнуйтесь, я просто*

вам сообщу, что у вас есть ребенок, которого я воспитал, а возможно, еще два...» Я растерялся, пытался выяснить кто звонит, приглашал его в номер, сколько лет моему ребенку и мальчик это или девочка, и почему «возможно еще два...?» Я сразу понял, что мужчина говорит правду и в его голосе нет и нотки шантажа. Да и можно ли шантажировать меня – а) в родном городе, в котором я вырос и в котором у меня множество друзей во всех «слоях» общества; 2) полковника МВД, которого встречали два местных полковника сразу. А голос, выслушав мои сбивчивые вопросы, полностью их проигнорировал и продолжил: «Жена и мой ребенок знают, что я буду звонить Вам и мы все решили, что больше, чем я Вам сказал, я ничего не скажу и не пытайтесь меня найти! Ваши сыщики не найдут, откуда я звоню. Вы больше никогда меня не услышите! Зачем я Вам позвонил? Да просто так! У Вас, нам известно, нет в семье детей... Так знайте, все же Вы не без потомства! Да, почему „возможно еще два...?“ Девушки, которые от Вас забеременели, уехали к себе на родину, уезжая, еще не знали, сохранят ребенка или сделают аборт... Многое зависит, ведь, и от родителей. А у одной к тому же был жених! Одно дело жениться на женщине с ребенком, и совсем другое – на беременной не от тебя... Да, чуть не забыл: помните холеру в Маго? И трех студенток, с которыми Вы в прямом смысле жили по очереди... Так вот, детки от Вас оттуда!» Трубка осторожно легла на свое место, а в моей начались гудки... Сыщики действительно не смогли определить даже из какого района Хабаровска был звонок. И «коллеги» из КГБ не смогли помочь.

...Я вмиг вспомнил очень ясно, и даже имена будущих учительниц старших классов – Настену, Катерину и Валентину. В Маго мужчины, особенно моряки, ну прямо красавцы. А эти учительки набросились на меня, как будто мы четвером были на необитаемом острове! Все три отдались мне девственницами. Причем не я, они распорядились мной, освобождая по очереди для подруги свою комнату («в твоей нам, девушкам, ночевать – какой конфуз!»), уходя на ночь к подругам в другой подъезд. Я уехал. У меня не было времени – сплошные командировки, заскочить в Маго. Да и желания-то не было: я их всех быстро забыл – мне ведь было тогда двадцать четыре года! А вот их я и сейчас понять не могу! Забыть своего первого мужчину? Отца первого ребенка?.. Да, в Маго была холера...

Читатель, я предупреждал тебя, что эти записки будут сумбурные. Без дураков или для дураков?! Вот теперь я буду писать о втором чуде, которое произошло со мной совсем недавно на моей даче в Завидово (первое чудо я описал выше, в главе «Хашупсе», в первом издании «Формулы смерти»). Первое чудо произошло со мной в 28 лет. Второе в 63 года.

Читатель, сначала внимательно посмотри на эту, сделанную мной лестницу, сколько она весит, и меня на ней. Я поднимал толчками эту лестницу, подпирая плечами и обеими руками в течение двух часов, не меньше, несмотря на то, что сто килограммов штангу я выжимаю и сейчас. Так получилось, что последний пролет наделся на сук, что по левую мою руку (я сижу как раз в развилке старой яблони). Как я не старался – не мог, подпирая и поднимая верхний конец лестницы, перекинуть ее через этот сук – силенок не хватало! Тогда я залез на яблоню и уселся в развилку. Лестница, повторяю, висела на суку. Я попытался ее поднять, чтобы перекинуть через сук, и сразу понял, что затея глупая, ибо, перекинув через сук, мне нужно было еще перекидывать ее и через мою голову! А для этого я должен был оторвать лестницу от земли, балансируя в развилке. Я, конечно, попробовал – ни с места! Хотел было слезать, подумав, что даже с соседом – молодым и крепким парнем, мы вряд ли это сможем сделать! Втроем – получится. Можно попросить мужиков с улицы – у нас, в Завидово никто не откажет помочь. Это точно! Сдерживало меня одно – как бы мужиков не рассмешило мое творение! В Завидово все мужчины местные – мастера золотые руки, не то, что я. А дальше и случилось чудо!

Помню все, как в тумане! Я вдруг взял последнюю перекладину лестницы двумя пальцами левой руки и не чувствуя ее веса медленно перекинул через сук, не опуская, продолжая

держат двумя пальцами, поднял, оторвав от земли над головой и положил туда, куда и хотел. Лестница была легка до невесомости!

Не знаю, сколько я просидел, уже вне тумана, но в некоей прострации (кстати, все это происходило ночью, при свете полной луны, на фоне усыпанного звездами синего неба и слабого мигания далекого уличного фонаря), тупо уставившись на лестницу, ощупывая себя, хотя мысли, что я сплю, у меня не было. Потом медленно, чтобы чудо вдруг не исчезло и я не прозрел бы в какой-нибудь жуткой реальности, например, лежа на снегу с переломанным позвоночником, я стал спускаться вниз по лестнице. Почувствовав реальную почву под ногами, я задрал голову и реально долго смотрел на мое рукотворное чудо. Потом пошел домой спать. Спал глубоко, без сновидений, что сейчас для меня редкость (сплю тревожно, одолевают мысли, как мухи – И. Анненский). Утром, убедившись, что чудо все же произошло и лестница там, где я ее оставил, я сильно задумался. Через некоторое время вот какие мысли пришли.

А если, вместо чуда, произошло то, что, по законам нашего физического мира, должно было бы произойти при попытке перекинуть лестницу через сук (не то, что и через голову двумя пальцами, вернее их кончиками). Я упал на землю и разбился на смерть. Но смерть, возможно, такова и есть, что ее нет для умершего! Не замечаем же мы, как теряем себя полностью в разные возрастные периоды (сравни, читатель, свои фотокарточки прошлых лет и посмотри на себя в зеркало!). Каждый из нас, вероятно, умирал множество раз, не зная этого! «*Я чудом спасся!*» – говорит чудака, продолжая жить, как жил, а в это самое время его в гробу несут на кладбище! Попробуй, читатель, привести мне хотя бы одно доказательство, что данные мои предположения о жизни и смерти – бред!

Остается только одна загадка смерти – будет все же для умершего миг, когда он умрет и для себя? What is the question!¹¹

P.S. В постсоветской России международный порт Маго соединили с золотым прииском «Многовершинка» добротной дорогой через тайгу.

¹¹ Вот в чем вопрос! (англ.)

Многовершинка

Часть 1. «Висохло?»

...Я развелся с женой, это было в 1985 году в Москве. Тогда я работал главным психиатром МВД СССР, начальником психиатрической службы, которую сам организовал, в Центральном госпитале МВД СССР. Жили мы в доме, где проживала элита МВД СССР, в роскошной квартире. Я, естественно, оставил жене и квартиру и все. Что было в ней. Ушел из дома в ноябрьский ливень, в кроссовках и спортивном костюме, подаренным мне нашими олимпийскими чемпиона Натальей Линичук и Геннадием Карпоносовым. Но, дело не в этом. Дело в том, что моя бывшая жена словно в отместку (сама выгнала меня из дома), выбросила на помойку реликвии моей семьи и мои. А именно: телефонный аппарат и часы из бункера Гитлера, с отпечатками пальцев боссов Вермахта. Телефон и часы стояли в кабинете фюрера. Их отцу подарил первый комендант Берлина. Моей самой дорогой реликвией был самородок золота с мужской кулак, лишь с небольшим добавлением пустой породы. Его мне подарил начальник золотого прииска Многовершинка. Вот историю о выброшенном на помойку самородке золота я сейчас и расскажу.

Это произошло в мае 1970 году. С этого времени, почти сразу, Многовершинка стала стремительно развиваться. Появился поселок городского типа Многовершинный («многовершинка» – название горы, в которой была шахта по добыче золота). Школа восьмилетка, больница, клуб – все за полгода. К развитию поселка Многовершинный я, выполняя свой врачебный долг, невольно приложил руку, за что начальник прииска, подведя меня к доске, на которой были образцы самородков, добытые в шахте (с примесью пустой породы), предложил мне самому выбрать один образец самородка, что я и сделал. Он даже слегка заколебался – дарить ли мне кусок золота – но, поборов себя, сказав: «*Ты спас прииск*», отдал. А произошло вот что.

...Почти полгода краевое начальство беспокоил своими «доносами» один мастер, сигнализируя, что на прииске идет открытое воровство золота управленцами, которые, якобы, в сговоре с краевым начальством. Руководство прииска отписывалось. Прииск постоянно посещали комиссии с проверкой. Но «правдолюбец» не унимался. И вот в забое, на глубине 300 метров, в горе, где добывали золота, взрывая породу шашками динамита и массу камня с золотом отправляли на конвейере наверх, в драгу, на обогащение, произошел взрыв. Во время взрыва погиб только один человек – мастер, который боролся с воровством. Олег Савчук вынес постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы по случаю гибели мастера. Фрагменты тела мастера были разбросаны по забою. Взрыв произошел во время обеденного перерыва, когда все, кроме мастера, поднялись наверх. Один из вопросов, какие мне были поставлены, и, скорее всего, главный, был ли мастер живым или мертвым, во время взрыва?

Повторяю: мне следовало определить по фрагментам тела мастера, живой он был или мертвый во время взрыва? Вроде бы вопрос странный: в забое мастер был один. Если бы был еще кто-то, то как он спасся от взрыва? И еще, это уже не к мне, но Олег просил помочь ему в расследовании: где находился мастер во время взрыва – рядом со «стеной», в которую была вставлена динамитная шашка, или на пути к укрытию – в 100 метрах от «стены» с шашкой, было укрытие со стальным щитом, на десять метров выше предполагаемого направления взрыва? А теперь вообразите, что было бы с шахтой, в которой погиб человек, боровшийся с воровством чиновников разного уровня? А, если к этому, его сначала убили, а потом имитировали гибель от непонятно отчего взорвавшейся динамитной шашки? Меня, как эксперта, эти вопросы обязывали найти еще ответ на один вопрос, какой я сам себе поставил: если мастер

был живой во время взрыва, был ли он в сознании (алкогольное опьянение исключалось – перед работой все проходили тщательную медицинскую проверку)?

...Фрагменты тела мастера были собраны, отделены от породы и направлены в бокс фельдшерско-акушерского пункта (тогда еще в Многовершинке больницы не было). Прежде, чем их рассматривать – а ответ на вопрос: живым или мертвым был мастер во время взрыва, можно было с приблизительной достоверностью только подвергнув ткани и кровь гистологическому (клеточному) исследованию). То есть, в Николаевске-на-Амуре. Я решил начать с того, что спустился в забой – дело осложнялось еще и тем, что все фрагменты тела мастера были собраны... до моего приезда! Начальство было в панике. Это и понятно, ибо к ним вылетела Всесоюзная комиссия, во главе с главным золотодобытчиком Армянской ССР! Учили жалобы мастера и решили, чтобы разбирались специалисты из разных республик: золото есть золото!

...В забой меня сопровождал старейший работник золотых приисков Николаевска-на-Амуре, работающий на Многовершинке всего несколько месяцев. Он перевелся на этот прииск по причине выхода на пенсию, а здесь платили больше, чем на других приисках. Только мы с мастером подошли к разорванной «стене», где была аккуратно сложена небольшими кучками порода (в том числе и золото в порода), как я увидел... обручальное кольцо на фаланге... левого безымянного пальца! Я не знал, что погибший – вдовец. Но точно знал, что он не мог быть католиком. В конце «черного туннеля» загадок мелькнул светлый лучик положительного знания! Я знал, какие вопросы я задам следователю Савчуку и начальнику прииска Многовершинка! Но, это потом. А сначала... сначала я не знал, что мне осмотреть и сделать в забое? От меня ни на шаг не отходил старый мастер. Он мне что-то рассказывал о добыче золота путем взрыва динамитных шашек в просверленной «стене». И вдруг мое внимание к его речи обострилось, когда он сказал «отходник»! Это, когда заложенная в просверленный патрон динамитная шашка не взрывается! Это ЧП! Ни вытащить, ни взорвать ее не возможно: бикфордовой шнур сгорает, а шашка не взрывается, детонатор не срабатывает! Как правило приходится бросать данный забой и уходить от него подальше. Взрывать в новых забоях и ждать, пока «отказник» не детонирует. «Отказник» – это так или иначе не только беда мастера забоя, но и его вина: опытный мастер в руках должен осмотреть каждую шашку, прежде, чем вставлять ее в «патрон». Таким образом, палец с обручальным кольцом на левой кисти у развалившейся на куски от взрыва, стены. Раз. Мастер один в забое – два. Да он выгнал всех, не сказав, почему и скрыв «отказник» – шашку, которая прошла через его руки! Он решил, каким-то образом «справиться» с «отказником», вероятно, зацепить шашку пальцами и попытаться вытащить из патрона хотя бы настолько, чтобы подвести к ней новый бикфордовой шнур! «О, – подумал я, – вот, если мастер – левша – я отвечу на все вопросы Савчука и членов комиссии!» (Я так, кстати, и сделал, и картина, которую я нарисовал, гибели мастера, удовлетворила главного специалиста по взрывам, из Армении! И, что для меня, важнее – старшего следователя прокуратуры, Олега Савчука). Сунув палец с обручальным кольцом в карман защитного комбинезона, в который я оделся перед спуском в шахту, я сказал старому мастеру спасибо, и мы пошли на выход. Нас ждала небольшая группа людей разных национальностей. Армянин, в белоснежном костюме, и такой же хлопчатобумажной рубашке, с расстегнутыми, почти до пупа, пуговками, от чего (пишу то, что бросилось мне сразу в глаза), стоял перед группой на шаг, Олег был сзади него. Поздоровавшись, я сразу прошел к Олегу, взял его под руку и отвел в сторону, спросив, не был ли погибший мастер левшой? Олег уже знал, ибо успел опросить членов бригады. Да, он был левшой! Тогда во мне сработал мальчишеских задор и... апломб души: я отошел от Савчука, и, выйдя вперед армянина, повернувшись к группе собравшихся специалистов, сказал, что готов ответить на все их вопросы прямо здесь! Я заметил, ибо смотрел только на армянина, как у него подпрыгнули брови от недоумения. Мне показалось, что он готов прямо в ответ высказать мне, такому молодому и... не совсем опытному... эксперту, недоверие! Это почувствовал и Олег, шепнувший мне, что члены комиссии знают,

что я еще экспертизу не проводил и фрагментов тела не видел. Вот с этих слов Олега я и начал свой экспертный рассказ высокой комиссии, предварительно спросив, где мне докладывать результат моей экспертизы – прямо здесь, под лучами майского солнца, или в помещении? Армянин распорядился всем пойти в помещение и там меня выслушать. Помню один момент, который потом на прииске, да и в прокуратуре часто повторяли, имитируя слова явно растерявшегося армянина, который шел за мной, выслушать мое заключение эксперта (предупрежденного, между прочим по двум статьям УПК), неудосужившегося осмотреть фрагменты тела покойного! Мы проходили по деревянному коридору, соединявшему разные комнаты с кабинетом начальника прииска. Стены и потолок из струганных досок, успел высохнуть, и в щели пробивало солнце. Армянин внезапно останавливается и недовольным голосом, тыча пальцем в щель между досками, говорит, обращаясь к начальнику прииска: «Это что такое?» «Начальник быстро отвечает: «*Высохло!*» «*Как высохло? А если дождик?.. Не должно быть высохло!*» Начальник прииска в знак согласия покорно кивнул головой, еле сдерживая улыбку, как многие члены комиссии, ибо это «*высохло*» уж очень комично было сказано, с выражением лица Фрунзика Мкртчяна!

...Да, мой доклад был короткий. Я ел за стол, который поставили перед лавками, на которых разместились члены комиссии во главе с армянином и наше, местное начальство. Олег Савчук сел рядом со мной. Я с деловитым спокойствием вынул из кармана комбинезона палец с обручальным кольцом и положил перед собой – по лицам, сидевших напротив прошла ... судорога! Выждав паузу, я сказал следующее.

...«Погибший в забое мастер, отправив всех рабочих наверх, скрыв от них, что имел место отказ взрыва, попытался вытянуть шашку пальцами левой руки (он был левша), чтобы, как я понимаю, можно было подвести к ней новый бикфордов шнур. Однако, это ему не удалось сделать – произошел взрыв. Вот и все! Задавайте вопросы». Был только один вопрос армянина: «*Ви уверены?*» Я не успел ответить, меня опередил Олег, пояснив, что судебно-медицинский эксперт предупрежден по двум статья УПК... Собственно, на этом заседание высокой комиссии закончилось. В моей лаборатории были сделаны из разных кусочков фрагментов тела мастера гистологическая экспертиза, подтвердившая, что в момент взрыва мастер был живой. Ну, а картина, которую я нарисовал, и которая удовлетворила не только комиссию, но и прокуратуру, исключала бессознательное состояние покойного в момент взрыва...

P.S. Признаюсь, что мое заключение не было Абсолютной истиной... Но, абсолютной истины у марксистов нет. Она была только у великого идеалиста Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

Часть 2. Черная роза

*«Прекрасней розы нет цветка,
А роза черная – вот диво...»*

(Из моего стихотворения, посвященного Ольге Ковригиной)

...Цитологическое исследование «кусочков» фрагментированного тела мастера золотого прииска делала моя бывшая студентка, моя любимая и самая красивая из всех моих возлюбленных, женщина, Ольга Ковригина. Когда она окончила Николаевское медицинское училище, в котором я преподавал массу дисциплин – унаследовал от мамочки, профессионального педагога высшей марки, страсть к педагогике, я сразу забрал ее к себе – секретарем и медсестрой-лаборанткой и даже направил на месяц на стажировку в Краевой центр судебной медицины. Но, случилось, что в отряд летчиков Николаевского аэрофлота перевелся очень нужный району летчик, командир корабля ИЛ, прошедший подготовку пилотирования на ТУ (ими обо-

гашался наш аэрофлот), у которого жена была медик-лаборант. Давить на меня, чтобы я уволил Ольгу и взял жену командира корабля – было бесполезно. Просьбу Первого мягко отвергли и прокурор, и главврач ЦРБ (о нем особо). Завгорздравотделом ласково пригласила меня к себе домой на «чашечку хорошего кофе». Антонина Владимировна, так ее звали, мягко убедила меня, что в наших же интересах с Олей не работать вместе! Она дала нам два месяца, вместо одного – медовых, то есть, поддержала, чтобы Ольга работал со мной в морге, а потом пообещала перевести ее старшей сестрой в любое отделение ЦРБ, какое ей понравится. Так и было сделано. Мы с Олей два месяца – минус мои командировки – жили в морге! Да, да, да! Чтобы нисколько не быть порознь, одну из комнат в морге мы оборудовали для жилья. Поставили две кровати рядом, застеленные чистым и новым бельем из ЦРБ, стол, тумбочки с посудой и т. д. Утром мы вскрывали трупы – я вскрывал, она печатала на машинке, то что я обнаруживал. Вместе принимали избитых, изнасилованных и др. несчастных. К 12 часам, как правило, освобождались и все остальное время... занимались любовью! В моей квартире Оля была только один раз. Я уже ее уволил. Встречались мы чрезвычайно редко. Мы не охладели друг к другу. Просто между нами встала моя работа, а именно – командировки с их романтическими и трагическими приключениями... Оля пришла с огромным букетом прекрасных полевых цветов, поздравить меня с днем рождения. Открыв дверь и увидев ее в полевых цветах и, как в эротических фильмах, набросился на нее. Мы упали на пол, который был покрыт цветами и неистово занимались любовью! Я жил тогда в последнем пятиэтажном доме на лице Советская. На последнем этаже. На этом этаже была моя, двухкомнатная и квартира и еще, моя однокомнатная (заботы прокурора Трусевского). Вторая квартира была пустая и всегда закрытая. Это я к тому, что нам никто не мог помешать! Это было 10 сентября 1971 года. Было жарко, уж точно. Оля быстро сбросила все с себя и ловко (она на тренировалась, работая со мной в морге, раздевать и одевать трупы) не заметно для меня, раздела меня догола... Мы неистовствовали несколько часов... пока не почувствовали одновременно сильный запах дыма! *«Мы что-то подождли...»* – очнувшись, сидя на полу голой задницей, с широко раздвинутыми ногами, спокойно сказала Оля. Приходя в себя, я хотел с остеречься, то поперхнулся... дымом! Мы оба поняли, что в доме пожар! Да, мой дом стоял на краю высокого, метров сто, обрыва в Татарский пролив... Едва мы успели одеться, как увидели испуганное лицо горбуна Шамиля (о нем особо): *«Быстро спускаемся – крикнул Шамиль – три этажа в огне, заливают пеной пожарки, пожар начался в подвале, там, возможно, все сгорело, пожарные боятся спускаться... все, кто был в доме – на улице, в – последние!»* Я уже писал, что горячей воды в доме не было, и для нее были специальные титаны. Дрова для титанов хранились в подвале, где каждая квартира имела свою кладовку. Услышав, что подвал в огне, я не на шутку встревожился: в моей кладовке у меня был запечатанный железный ящик с 250-тью патронов для карабина. Я приготовил своему другу, участковому милиционеру поселка им. Полины Осипенко, заядлому охотнику. Мы с Олей быстро спустились, обогнав Шамиля. Выбежав на улицу, я закричал, чтобы жильцы отошли подальше от дома и сказал, подбежавшему ко мне нашему участковому милиционеру, красавцу – весьма похожему на Д'Артаньяна франко-итальянского фильма 1961 года, что у меня в кладовке! Я представил, сколько будет трупов от хаотически летящих пуль из моего ящика! К своему ужасу я услышал от «Д'Артаньяна», что в подвале работает один пожарный, заливая кладовки пеной... Без слов и без спецодежды, наш «Д'Артаньян» бросился в пламя в подвал с пожарным. К нашему счастью, он, пожарный, уже возвращался, успешно залив все кладовки и весь подвал пеной. Пожар потушили, но три этажа квартир практически выгорели. Моя квартира была не тронута. Даже стены не закоптились. Только запах угара держался около месяца. Не удивительно – все стены квартиры (дом из красного кирпича) были представлены книжными полками, на которых книги стояли в два ряда. А потолок и некоторые стенные просветы были обиты оленьими шкурами, чучелом маленькой нерпы, подаренным мне моим другом, племянником Михаила Александровича Шолохова,

главным врачом и хирургом поселка Мыс-Лазарева (о поселке и племяннике Шолохова – будет несколько записок) и чучелом головы с рогами дикого оленя, которое сделал я сам (сейчас они висят у меня в московской квартире)...

...После этого пожара, мой друг, Николаевский «Д'Артаньян» Паша, подключил к батареям отопления шланг, который вывел в ванную, чтобы я пореже пользовался титаном. И сварил мне из толстой стали небольшой сейф, который вставил в кирпичную стену для хранения оружия и боеприпасов (за которые, вообще-то, я мог получить срок!). Он, как и мой телохранитель в Озерпахе, были милиционерами. После пожара и пошел к прокурору и рассказав ему все про пожар в красках, попросил, чтобы Паше тоже дали «за оперативность и профессионализм по спасению людей на пожаре» «микро-майора»! Трусевский дал ему грамоту, а начальник УВД – погоны со звездочкой. И каким красавцем стал наш Д'Артаньян! Он лихо закручивал усы, ходил в офицерской форме с золотыми погонами... с маленькой звездочкой. Но – последняя деталь неважна!

...Итак, наше первое свидание и то не в моей квартире, а на моей лестничной площадке с Ольгой Ковригиной окончилось пожаром. Поэтому мы договорились, что как только у меня будет свободное время мы будем, как раньше, когда Оля работала у меня в морге, встречаться в морге. Все же несколько слов скажу о моей «черной розе». Повторяю: это самая прекрасная и сексуальная женщина, какая у меня была, среди тьмы других. Если я начну ее описать, то как бы красноречив бы я ни был, какие сравнения я бы ни приводил, – все будет только в ущерб Ольге! Скажу только, что она была яркой и жгучей брюнеткой, на полголовы выше меня... Спустя много лет, когда я, очарованный мадонной Альбрехта Дюрера, которую великий художник искал всю жизнь, да так и не нашел¹², искал ее среди своих женщин, в том числе среди виртуальных красавец, известных ТОП-моделей, и потратил на это четверть века, я, все же нашел ту, которую можно было бы поставить рядом с Ольгой (с м. Пятую книгу... там есть ее фотокарточка). Это была известная спортсменка и врач лечебной физкультуры, талантливая во всех отношениях, разработавшая свою систему «летающей йоги»... У меня с ней почти получилось, если бы не ее меркантильный муж, которому она (не знаю ее мотивов) о нас рассказала. Он запросил у меня денег, не успев получить т меня ответ, запретил моей дюреровской мадонне со мной общаться! Правда, она была сероглазой блондинкой. И, все же, уверен, что поставь Ольгу и ее рядом обнаженными, моя дюреровская мадонна бы значительно поблекла в сравнении с Ольгой!..

...Несколько штрихов к «портрету» наших сексуальных экзерсисах с Ольгой Ковригиной. Мои коллеги-психиатры, наверняка решат, что мы с Олей – *«Не совсем нормальные и психически здоровые люди»*. Кто-то, прочитав, что я сейчас напишу, решит, что мы с Олей, вдобавок, моральные уроды. Мистики же скажут, что пожар в доме, возникший при нашей единственной встрече в день моего рождения на лестничной площадке у порога моей квартиры, знак... С последним, я, пожалуй, соглашусь. Через двадцать лет я с молодой женой посетил Николаевск-на-Амуре. Сразу начал через милицию разыскивать Олю. Очень хотелось познакомиться с женой, да и по смотреть, как изменилась, и изменилась ли, моя мадонна? К сожалению, незнакомые мне работники УВД города ничего не могли разыскать! И, если бы мы не встретили на улице случайно горбатого Квазимодо-Шамиля, от которого я и узнал, что Олег – бомжует в тайге, а Трусевский – застрелился, я бы так и не узнал, что Ольга уже давно не живет на этом Белом Свете! Что она «умерла» вскоре, как я уехал в Москву. Но, как я не допытывался, чуя нутром, что Шамиль о моей любви знает много, он не «раскололся»! Тогда я не увлекался фотографированием, хотя у меня был отличный «ФЭД». У меня нет фотографии Ольги. О, какие бы фото я сделал сейчас! Фотосессия ее обнаженной натуры, видео ее магнетизирующих и зачаровывающих поз, какие она принимала, не думая... порвали бы СЕТЬ!

¹² Читай: Е. Самойлова, Е. Черносвитов. Пятая книга о пропорциях человека. Ридеро. 2017

А, если бы я заснял то, как мы занимались с Олей любовью в морге судебно-медицинской экспертизы Николаевска-на-Амуре – было бы супер-триллером. Прекрасным симбиозом страсти и смерти, мертвой и живой крови и т.д., и т. п. Буду все-таки краток.

...Оля отдалась мне девственницей, лежа голой на мраморном секционном столе, рядом на таком же столе лежала окровавленная юная красавица, которую в поселке Мыс-Лазарева за связь с японским капитаном лесовоза, застрелил муж. Две обнаженных красавицы. Мертвая – солнечно-рыжая с белой, как алебастра, покрытой чистейшей, с розовыми веснушками, с голубыми прожилками кожей. И живая, наполненная радостью и жизнью, Ольга...

...Мы занимались любовью в свежих, только что сколоченных из выструганных еловых досок, гробах, прямо на стружках. Мене и Оле особенно нравилось, как потом я обирал мелкие стружки и опилки с ее задницы, животика, с ее божественной груди...

...Мы занимались любовью, окруженные множеством свежих, еще не раздетых, трупов... Это было после какого-то праздника (вот это фото у меня было, но моя жена выбросила его вместе со слитком золота)...

...Мы занимались любовью с Олей в ванне, в которой Мария Ивановна, моя санитарка, обмывала трупы после моего вскрытия, наполненной...

...Еще далеко не все, как и где мы друг друга с Оленькой любили!

...Я посвятил Оле с десяток стихов, написанных в разгар нашей страсти, когда был далеко от нее, в каком-нибудь маленьком селении таежном или океанском... Когда я, обвеваемый штормовым ветром или закручиваемый в сугробы пургой, думая о ней, о ее божественной, повторяю, красоты и женственности, теле. И эта мысль согревала меня и превращалась в стихи. Стихи я тогда не публиковал. Но их читала актриса Комсомольска-на-Амуре Драматического театра и со сцены театра, и по городскому телевидению... Я некоторые из них опубликовал недавно в книгах, соавторами которых явились моя жена и моя дочь. Книга называется «*Il n'y a que les sots et les betes de malheureux dans ce monde*»¹³. Это сказал мой кумир Михаил Сергеевич Лунин...

P.S. Оле было около и чуть больше 19 лет, мне – около и чуть больше 25 лет, когда мы любили друг друга.

¹³ В этой жизни несчастливы лишь скоты и дураки. (фр.)

Амурские волны – Татарский пролив

*«I am so clever that sometimes I don't understand a single word of what I am saying».*¹⁴

(Неизвестный)

...Это произошло в Николаевске-на-Амуре. Тридцатилетний оперативник, майор милиции, красавец якут, мастер спорта по дзюдо и горному слалому, великолепный стрелок из всех видов оружия, применявшегося в те годы в МВД, потомственный нквдшник, как он говорил о себе, неделю преследовал особо опасных преступников. За это время ему пришлось сутками быть в засаде. Бегом преодолевать большие расстояния. Участвовать в жесткой перестрелке. Пил, ел, спал, «ходил по нужде», урывками. В результате, преступники ушли. Очень расстроенный провалом операции, к которой он тщательно готовился, вернулся домой, не имея сил даже поесть, свалился спать. Сколько спал – не помнит, проснулся от сильнейшей боли в сердце. До этого случая «вообще ничем никогда не болел, и родители живы и здоровы». Боль была такая сильная, что, несмотря на то, что он «не из трусливых», испугался и вызвал «скорую помощь». Ему сделали укол, и увезли в ближайшую больницу. Там он пролежал неделю, его обследовали, неоднократно делали ЭКГ, и потом выписали, сказав, что он «просто переутомился, сердце у него здоровое». Но, на всякий случай, врач на прощание дал ему пластинку таблеток нитроглицерина.

Оперативник полностью вернулся к прежнему режиму. Каждый день выполнял комплекс физических упражнений. Ходил в спортзал. Спал по 7—8 часов, крепко, как до «приступа». Готовил новый план поимки, ускользнувших от него бандитов. Так прошел месяц. План был почти готов. Завтра он должен был представить его руководству на утверждение. Был уверен, что продумал все детали операции, и что, на сей раз бандиты от него не уйдут. Ничуть не волновался перед предстоящим визитом с планом к начальству. Лег спать, как обычно. Уснул сразу и крепко. Среди ночи проснулся от сильнейшей боли в сердце. Боль была точно такая же, как первый раз. Но, на сей раз, зная, что у него – «здоровое сердце», и «все выдержит», вызывать «скорую помощь» не стал. А принял таблетку нитроглицерина под язык, как ему советовал врач. К его удивлению, боль не только не прошла, но усиливалась, становясь непереносимой. Так как он был крупный мужчина, решил, что одной таблетки ему мало. И сразу принял еще две таблетки нитроглицерина. Через некоторое время возникла острая боль в голове. Такая сильная, что на ее фоне он «забыл» о боли в сердце. Едва успев вызвать «скорую помощь», потерял сознание.

Очнулся в больнице. Не сразу понял, как сюда попал. Хотел позвать сестру, но язык ему не подчинялся. Потянулся к звонку, но правая рука бездействовала, больше того, он ее не чувствовал! Потрогал правую руку левой – как чужая! Он попробовал пошевелить правой ногой, не смог. Понял, что его парализовало.левой рукой дотянулся до кнопки звонка и нажал. Тут же появился его знакомый врач, который дал ему нитроглицерин на прощанье, когда он выписывался из больницы. Он его ясно видел. Стал левой рукой жестикулировать, спрашивая, что с ним произошло? Врач начал ему говорить. Он ясно слышал голос врача, но совершенно не понимал его речи. Она казалась ему сплошной тарбарщиной! Тогда он попросил жестами листок бумаги и карандаш, чтобы написать врачу, что он его не понимает. Врач догадался, что он просит, и дал ему бумагу и карандаш. Он, с большим трудом, начал левой рукой выводить слова. Хотел написать: «*Что со мной произошло?*» Но, то, что он писал, сам не понимал. С мольбой в глазах, пожимая левым плечом, так как правое не действовало, он дал понять врачу, что писать, тоже не может. Удивительно, но ни паники, ни страха он

¹⁴ Я такой умный, что часто не понимаю ни слова из того, что говорю. (англ.)

сознания того, что с ним произошло (в голове была одна мысль: инсульт!), у него не было. Точно также, он не испытывал никакой боли. Если бы его спросили, как он себя чувствует, то он бы ответил: «Нормально!». Он сильно хотел есть. Но, даже если бы смог об этом сказать врачу, он бы не стал говорить, подождал бы, когда будут кормить. Его интенсивно, как он понял, лечили. Делали уколы, ставили капельницы, давали таблетки. Ничего не улучшалось! Appetit был «зверским». Скоро разрешили посещение родным и друзьям-сослуживцам. Все приносили еду. И он все съедал. Но, ничуть не поправлялся. Наконец, ему разрешили попытаться самому умыться, присаживаться в постели, и спускать ноги вниз. Над кроватью натянули канат, за который он мог схватиться левой рукой и с ее помощью выполнять не хитрые упражнения. Потом начал приходить врач лечебной физкультуры и массажистка. Ему массажировали лицо, парализованные руку и ногу. Пробовали вызвать в них хотя бы чувствительность. Но, все поражения оставались на прежнем уровне. Потом был консилиум врачей. Один врач, не молодой, видимо профессор, приехал из Москвы или Ленинграда, он понял, специально для него. Это так сильно растрогало его, что он зарыдал. Плакал долго, никак не мог остановиться. Плакал он первый раз в жизни. Даже будучи ребенком, он ни разу не заплакал. Так ему рассказывали его родители.

После консилиума, который длился очень долго, врачи ушли. Остался только его лечащий врач. Он, жестами, дал ему понять, что завтра его «выпишут домой». Массаж и лечебную физкультуру ему будут делать дома. На другой день за ним приехали родственники и два сослуживца, и на руках унесли его в машину, и привезли домой. Дома его ждала бабушка. Она была крепкой и подвижной, не смотря на свои 80 лет. Кроме того, она была фронтовой медицинской сестрой. А, после войны, до самой пенсии, она работала в госпитале. Он понял, что бабушка будет ухаживать за ним. Это опять очень его растрогало, что он зарыдал, и долго не мог успокоиться.

Так, пролетел месяц. Его интенсивно и всесторонне лечили. У него постоянно кто-то был из родных, или друзей. Но он по – прежнему, объяснялся с посетителями и бабушкой только жестами. Ни чужих, ни своих слов, он не понимал. Странно, но он не переживал по поводу того, что превратился в калеку. Чувствовал себя вполне удовлетворительно. Только много ел, что раньше ему было не свойственно. Однажды, к нему пришел сослуживец, с которым он не виделся очень давно. Увидев его, сослуживец настолько растерялся, что сразу его не узнал. Отчаянно жестикулируя, сослуживец объяснил ему, почему он его не узнал сразу. Сослуживец показывал, что он превратился «в борца сумо!» Тогда он попросил зеркало, и, хотя смотрелся в него каждый день, когда чистил зубы и причесывался, он начал пристально себя рассматривать. Наконец до него дошло, что, то, что он видел в зеркале, было не его лицо! Вообще, в зеркале отражалось что-то огромное, едва напоминающее человеческое лицо. Ибо, ни глаз, ни носа, ни рта за складками жирами, почти не было видно. Это его не расстроило, но немного удивило.

Так, прошел еще месяц. Перемен к лучшему – никаких. Да, он о них и не думал, Не переживал, и ничего не ждал. Кроме очередного завтрака, обеда, или ужина. А, когда приходили посетители, то он с нетерпением ждал, когда они вынут продукты и начнут его кормить. Все равно, то, что они ему говорили, он не понимал. Наевшись, он вдруг начинал рыдать. Теперь уже – без всякой причины. Успокаивался сам. Как внезапно, тоже без всякой причины, он мог зарыдать, так же внезапно, мог прекратить плакать. Теперь он не знал, почему плакал. Это стало привычкой. Он также потерял счет времени. Не знал даже, какой сейчас месяц, год. Теперь он сам не умывался, не чистил зубы, и не причесывался. Все это делала за него бабушка. Он давно забыл, что с ним вообще произошло. Плакал без причины. По желанию только ел. Однажды, он перестал понимать, что хочет оправиться. Начал делать это прямо в постель. На навещавших его сослуживцев он перестал обращать внимание, только ждал от них, когда они начнут его кормить, их становилось все меньше и меньше.

Сколько еще прошло времени, он не знал. Перестал различать день и ночь. Знал только, что не спит, потому что ест. Хотя, может быть, и в этом, он ошибался. Ибо, есть он мог и во сне, в своих сновидениях.

Как-то раз, когда он спал, он почувствовал, что лежит не удобно. Голове что-то мешает. Он поправил подушку, но удобнее не стало. Он сунул руку под подушку и наткнулся на что-то твердое и холодное. Он вытащил этот предмет. Уже светало. Вдруг в его сознании что-то произошло. Держа в левой руке холодный предмет, тупо смотря на него, он вдруг словно проснулся. В миг перед глазами промелькнула вся его жизнь. Он – все вспомнил! И он все понял! Он, даже улыбнулся, вспоминая, как он ловко стрелял по – «македонский», сразу из двух пистолетов! Автоматически он проверил пистолет. Он теперь знал, что в руке у него «Макаров», его табельное оружие. Как пистолет попал к нему под подушку, он не знал, и не хотел об этом думать. Главное, он ясно понимал, для чего пистолет оказался у него под подушкой. Привычными движениями он проверил наличие патронов в обойме. Обойма была полная. Он обратил внимание, что на пистолете глушитель. «Правильно!», – мелькнула мысль. Несколько секунд перед глазами проплыли лица друзей-сослуживцев, тех, кто мог принести ему его «Макаров». Он не стал ломать голову, кто из них? Мысленно, сказал «Спасибо!», каждому. Потом привычным движением взвел курок. Приставил пистолет вплотную к сердцу. И, ни о чем не думая, нажал спусковой крючок.

Когда очнулся, чувствовал слабость и головокружение. Стал шарить рукой в поисках пистолета. Нашел его. Взвел курок. Сунул ствол в рот, и нажал спусковой крючок. Когда очнулся вновь, то едва мог шевелит рукой, от слабости. В голову гудело. Комната кувыркалась. По шее текло что-то горячее и липкое. Он еле дотянулся рукой до лица. Понял, что нижней челюсти нет. Дотянулся до правого уха, где была сильная боль. Уха не было. В глазах темнело. Он стремительно слабел. Когда опустил руку, она легла на пистолет. Как будто поднимая гирию в пятьдесят килограммов, с которой он когда-то, в другой жизни, тренировался, он поднял пистолет. Попытался взвести курок. Это удалось ему не сразу. Вновь приставил ствол к сердцу, и нажал на спусковой крючок...

...Олег Савчук, который вел дело по причине насильственной смерти (три огнестрельных ранения), задал мне следующие вопросы.

1) Мог ли больной, находящийся в состоянии глубокого слабоумия, и правостороннего паралича конечностей, нанести себе, найденные на трупе повреждения?

2) В какой последовательности были произведены выстрелы?

3) Какой выстрел был смертельным?

4) Если смертельным является последний выстрел, то мог ли больной, если он сам произвел первый выстрел, имея вызванные им телесные повреждения, и сопутствующие им кровопотерю, а также, боль (возможно, болевой шок?), тем не менее, произвести второй выстрел?

5) Мог ли больной, если он сам произвел два выстрела, и нанес себе, имеющиеся на теле повреждения, учитывая кровопотерю, и боль (болевой шок), произвести третий, смертельный выстрел?

Данные баллистической экспертизы указывали на то, что выстрелы, могли быть произведены левой рукой самого больного. Если бы стрелял другой человек, то, для того, чтобы так держать пистолет, как нарисовали криминалисты, ему необходимо было бы принимать весьма неудобные позы, к тому же, после каждого выстрела, ворочать больного, и придавать ему также вычурные положения. И, в конце концов, совсем не логично, с точки зрения баллистиков, третий раз стрелять в сердце, а не в лоб, или висок!

...Я дал заключение, что выстрелы были произведены в таком порядке: первый выстрел в сердце. Пуля, не затронув крупных сосудов, прошла касательно к левому желудочку сердца, и вышла через спину, повредив ребро. Второй выстрел был произведен в рот. Но пуля прошла через ротовую полость, и, минуя череп, вышла через правый сустав нижней челюсти. Выхлоп-

ные газы оторвали нижнюю челюсть, и тем самым, нанесли гораздо меньшее повреждение головному мозгу, чем могли бы, если челюсть оставалась бы на месте. Третий выстрел был смертельный. Пуля пробила левый желудочек сердца, пройдя через него насквозь. При таком повреждении, смерть наступает мгновенно, от обильного кровоизлияния и болевого шока. На все остальные вопросы, поставленные следователем, я затруднился ответить.

Не прояснила дело и комиссия, состоявшая из психиатра, психолога, невропатолога, двух независимых судебно-медицинских экспертов, двух независимых криминалистов.

Заключение комиссии выглядело, на мой взгляд, крайне непрофессионально. Но, оно было одобрено аналогичными комиссиями «высших» инстанций. Поэтому, как «казус» было принято. Это «казусное» заключение гласило: «Теоретически, больной, страдающий органическим слабоумием, которое развилось на фоне обширного поражения вещества головного мозга в результате кровоизлияния, мог иметь кратковременные „проблески“ сознания, ибо был левшой, а кровоизлияние у него было в левом полушарии (у левши, „главное“ правое полушарие). В состоянии „проблеска сознания“, поняв безысходность своего положения, и будучи сильной личностью (что, явствует из его персонального дела), он мог совершить самоубийство. Но, если считать, что все три раза, он сам стрелял в себя, то нужно сделать еще несколько теоретических допущений. А именно, что ни после первого выстрела в сердце, ни после второго выстрела в рот, у него не было болевого шока, который, при имеющихся на теле повреждениях, должен бы быть. И в такой степени, что сознания лишился бы и психически сохранный человек. Хотя, опять, учитывая левую организацию погибшего, можно допустить, что она могла (теоретически!) обеспечить ему способность стрелять все три раза. Но, если сделать такое допущение, для человека с левой организацией психики, то два последних выстрела (а, не исключено, что все три!), он выполнил, будучи в состоянии сомнамбулизма».

Оставался для следствия, правда, один вопрос. Кто подложил больному его пистолет? Но, этот вопрос, прокурор Края вынужден был «зауавалировать». Ибо, только следователь сказал начальнику Управления, что «вынужден допросить каждого сослуживца покойного, на предмет выяснения, кто принес ему оружие, и положил под подушку», как все сотрудники Управления, во главе с начальником, дружно дали письменные признания, в которых было сказано, что «пистолет принес моему товарищу №, и положил его под подушку, когда он спал, я. В чем чистосердечно признаюсь, и подписываюсь». Олег Савчук также был другом погибшего. Поэтому, он написал более пространное заявление на имя прокурора. В котором говорилось, в частности: «... так как я принес оружие гражданину №, и положил его под подушку, то прошу отстранить меня от ведения дела». Эту просьбу прокурор не удовлетворил. Заявление Олега уничтожил.

А, кто мог бы вести это уголовное дело? Ведь, даже в Москве и Ленинграде были у парня друзья в Органах. Сколько их было – никто не знал!

Но, это еще не конец истории. Был в ней еще один поучительный момент. Его можно бы обозначить вопросом: «Какова цена врачебной ошибки?» Для этого, вернемся к описанным выше событиям. Не искушенные в юриспруденции друзья следователя недоумевали, почему он не задал судебно-медицинскому эксперту вопрос, каков механизм острого и обширного нарушения мозгового кровообращения, у молодого, здорового, тренированного мужчины? Этот же вопрос задал ему прокурор. «Я не хочу еще одного уголовного дела!», – ответил Савчук. «Вы хотите скрыть преступление? Спаси безответственного негодяя от наказания, чтобы он еще кого-нибудь «вылечил»?», – недоуменно спросил Трусовский. «Наоборот, я хочу справедливого наказания! – Ответил Олег. И добавил – Вы, за свою долгую работу в прокуратуре, наказали хотя бы одного врача? Или, они все работают безупречно?» Прокурор промолчал. А Савчук неожиданно сказал: «Я доверяю своим друзьям. Если бы врач был не якут, а еврей, или русский, я возбудил бы против него уголовное дело, заранее зная, что Вы, товарищ прокурор, это дело закроете, «за недостаточностью доказательства о «преступной халатности

врача»!» *А, раз врач – соплеменник покойного, пусть наш народ решит его судьбу!*» Дело в том, что в городе давно уже все говорили, что *«острое нарушение кровообращения у майора наступило от приема таблеток нитроглицерина, которые он принял по совету лечащего врача, давшему ему пластинку этого лекарства. Хотя сам врач, прекрасно знал, что боли «в сердце», на которые жаловался майор, никакого отношения к его здоровому сердцу не имели...*

...Олег Савчук знал, что говорил. Когда врач, купаясь в пруду, который он вырыл на своем дачном участке, случайно утонул, уголовное дело, конечно, было возбуждено, как полагается. И – прекращено, как полагается, *«за отсутствием состава преступления».*

Рина Грушева: the dead are more¹⁵

Подробно и литературно – художественно, этот случай описан мной в рассказе «Чертовщина»¹⁶. В 1990 году киностудия ЦК ВЛКСМ, по его сюжету, при «поддержке» Бориса Стругацкого, стала снимать фильм «Рина Грушева. ЧП поселкового масштаба» (рабочее название). В связи с исчезновением ЦК ВЛКСМ, киностудия закрылась. Исчезла и режиссер моего фильма в неизвестном направлении. Борис Натанович сказал мне при встрече, что режиссер «в Голливуде доснимет ваш фильм». Фильм был «доснят» без моего ведома, в Голливуде, под названием «The Dead are more». Я фильм не видел...

...Это произошло в одном из поселков района Николаевска-на-Амуре в 1970 году.

От острого лейкоза в городской больнице умерла 16-ти летняя школьница. Диагноз был подтвержден патологоанатомическим исследованием. Девушку похоронили на городском кладбище, на сопке, где хоронили детей и молодежь. Спустя, примерно месяц после похорон, жители близлежащих к кладбищу домов стали замечать по ночам на могиле девушки огни. Так как, это продолжалось больше месяца, сообщили в милицию. Оперативными съемками происходящего на могиле девушки, было установлено, что это собирается молодежь города, под руководством двух людей старшего возраста, мужчины и женщины (не жителей города, милиции неизвестных), и совершает ритуальные действия, в гипнотическом трансе, в которой группу (20 человек), вводят эти неизвестные люди. Суть ритуальных действий – кровопускание, путем вскрытия бритвой вен локтевых сгибов. Несколько минут кровь выпускается на могилу девушки, потом участники этого ритуала начинают пить кровь друг у друга. Весь ритуал длится от 20 до 30 минут (как показали оперативные съемки). Затем мужчина и женщина выводят участников из транса, и они молча перевязывают друг другу раны бинтами. Перевязав раны, они по мановению руки мужчины, тихо встают и гуськом покидают кладбище. Все участники были быстро идентифицированы. Это были рабочие, учащиеся техникума, профессионального училища и старших классов средней школы. Возраст – от 15 до 20 лет. Мужчине и женщине было около 30 лет. Забегая вперед, скажу, что им удалось скрыться от милиции, и их личности так и не были идентифицированы.

Пока на совещании у 1-го секретаря горкома КПСС решали, как поступить с «сектантами», в городе начали происходить «странные» случаи с отдельными гражданами. Так, к психиатрам обратились родители девушки, которая стала видеть в зеркале не себя, а умершую девушку, которая «овладевала» периодически ее телом. Эта девушка с умершей не была знакома. Девушку проконсультировали на консилиуме психиатров, никаких психических заболеваний у нее выявлено не было. Девушка была из группы «сектантов». Вероятно, как решили психиатры, ее суггестировали неизвестные мужчина и женщина, управляющие ребятами на могиле. Вскоре после этого случая, «Скорая помощь» госпитализировала в состоянии гипертонического криза пожилую женщину, которая вечером, вываливая мусор в мусорный ящик, увидела там «голую умершую девушку», и упала от страха в обморок. Затем, в медицинский пункт цементного завода обратился молодой человек, также участник «кладбищенских посиделок» (из милицейского протокола), и сообщил, что «к нему днем через окно (его квартира на четвертом этаже) приходила покойница и над ним смеялась, говоря, что он «алкоголик и сын алкоголика». Парень заверял, что как он начал ходить на могилу (больше месяца) перестал употреблять алкоголь. Его также осмотрел психиатр и, не найдя психических расстройств, предположил, что «имела место суггестия».

¹⁵ Мертвых больше. (англ.)

¹⁶ «Смена». 1989. №17

Затем к врачам стали обращаться мужчины и женщины, разных возрастов, и социальных положений: рабочие, водитель автобуса, летчик гражданской авиации, пенсионеры, домохозяйки, учитель средней школы, детский врач, и даже следователь прокуратуры. Все предъявляли «странные» жалобами, и полагали, что «сходят с ума». Причиной их «безумия» была все та же умершая от лейкоза, девушка, которую большинство не знало, и даже ничего о ней не слышало.

Полковник внутренних войск – слышал голос умершей, звавшей его в подъезд соседнего дома. Продавец магазина, 40-летняя женщина, видела ее мельком в разных местах. 50-ти летний водитель автобуса сообщил, что *«она заставила его, действуя на него, видимо, из могилы, объявить автобусную остановку, около дома, где она жила»*. Что он и сделал.

Иногородний молодой мужчина, проживающий в гостинице, в нижнем белье прибежал к администратору в ужасе, сообщив, что в *«его постели, когда он поднял одеяло, лежала молодая мертвая девушка, обложенная бумажными цветами и церковными лентами, держа в руках свечу, точно, как в гробу, и что она ему подмигнула»*. Мужчина об умершей девушке и «сборищах» на ее могиле, ничего не знал. Он не страдал алкоголизмом, и в этот день, за весь вечер выпил только стакан портвейна. Осмотревший его психиатр, заключил, что у мужчины *«были эмоциональные галлюцинации, которые чаще всего носят внушенный характер»*.

Наконец, в городской комитет партии обратилась группа молодежи с заявлением о необходимости срочно принять меры о наведении в городе порядка. Они считали, что *«моральный климат в городе настолько испортился, что они испытывают сильное психическое напряжение»*. Причиной сложившейся ситуации, никак не мотивируя, они объявили умершую девушку. И выдвинули лозунг: *«Дальний Восток для дальневосточников!»*, требуя срочно выслать из города всех приезжих (умершая девушка была из семьи, два года назад приехавшей в этот город Киева). В это же самое время произошли еще два события. В прокуратуру пришел отец умершей девушки с заявлением произвести эксгумацию и судебно-медицинскую экспертизу ее трупа. Просьбу он мотивировал тем, что *«дочь умерла не от лейкоза, как утверждают врачи, а была задушена»*. Второе событие – выступление по местному радио молодого корреспондента на тему *«Что с нами происходит?»* В ярком и эмоциональном выступлении этого корреспондента (он приехал на Дальний Восток, якобы, скрываясь от КГБ, которое преследовало его за диссидентство), четко прозвучал призыв объединяться всем, кто не является коренным дальневосточником, против дискриминации приезжих местными жителями. При мером дискриминации, *«не знающей границ»*, он привел *«насильственную смерть девушки»*.

Поселок продолжал жить своей жизнью, но напряжение в нем ощущали уже все. После оперативного совещания у 1-го секретаря КПСС, следственным органом было разрешено произвести эксгумацию трупа девушки и судебно-медицинское исследование. Что и было сделано тайно, ночью, при оцеплении кладбища солдатами. Я, как судебно-медицинский эксперт, подтвердил правильность диагноза, поставленного врачами и подтвержденного патологоанатомом. 1-ый секретарь горкома, в присутствии прокурора зачитал отцу умершей девушки мое заключение. Отец был удовлетворен.

В первое воскресенье после эксгумации, рано утром на площади Ленина перед зданиями поселковых комитета партии и исполкома, стали собираться люди, разделившиеся на два лагеря. Не только молодежь, но и мужчины и женщины разных возрастов и профессий. Все – жители города. У одних были плакаты с призывом: *«Дальний Восток для дальневосточников!»*. У других – *«Отомстим за смерть!..»* И дальше – имя умершей девушки. Милиция оказалась в растерянности, ибо даже охрана зданий власти попряталась во внутрь. Люди быстро стали заполнять площадь, стекаясь колоннами по всем улицам и переулкам, ведущим к площади. К 12 часам над площадью стоял гул от голосов с призывами. 1-ый секретарь горкома и прокурор города, прибывшие в поселок, попытались поговорить с собравшимися на площади людьми из окна, но в них полетели камни и бутылки. Это послужило началом беспорядков.

Удивительно, но враждующие «лагеря» дальневосточников и приезжих в отношении к власти действовали дружно, и их ряды скоро смешались. Перебив окна зданий, толпа ринулась по главной улице, остановив транспорт, и переворачивая легковые машины. Потом начались поджоги. И через час над городом полыхало пламя, и небо покрылось черной гарью. В поселке с тремя тысячами жителей, в беспорядках участвовало около 2-х тысяч. Обезумившие толпы уничтожили одну треть поселкового и личного транспорта, сожгли несколько десятков жилых домов частного сектора, разбили окна и витрины магазинов и жилых зданий. Разрушили здание местной милиции. Погибло свыше 200-т человек. С ожогами и ранами в больницы поступило еще около 150 человек. Милиция оказалась совершенно беспомощной. Многие сотрудники милиции сами участвовали в беспорядках.

Остановить массовое безумие удалось относительно легко. Над толпами зависли вертолеты, из которых солдаты по команде начали обстреливать толпу холостыми патронами, и забрасывать шашками со слезоточивым газом. Хаотическое, разрушительное движение толпы приостановилось. Многие полегли на землю под выстрелами с вертолетов. Другие стали рассеиваться. По приказу 1-го секретаря никого не задерживали.

Когда к вечеру все успокоилось, врачи обрабатывали раны пострадавшим, многие граждане «пришли в себя» и начали расчищать улицы. Что с ними происходило несколько часов назад – никто толком объяснить не мог. Несколько человек рассказали, что «во главе нас бежала девушка в ярком зеленом платье и обнаженной грудью. Она кричала: «Волю даю, волю!» Волосы у нее были огненно-рыжие, длинные, пышные и распущенные. Они описывали умершую от лейкоза, девушку, которая была похоронена в зеленом платье, на молодежном кладбище. Могила же девушки оказалась разрыта, а труп ее исчез.

Поселок находился в долине, окруженный с трех сторон высокими сопками, покрытыми густым лесом, а с четвертой стороны был Тихий Океан. В 100 километрах от него находилась воинская часть, и аэродром. «Неофициальным» объяснением случившегося была версия, переданная по радио, неделю спустя. Что, якобы, с воинской части была «утечка психотропного газа», который и вызывал сначала одиночные галлюцинации, а потом, скопившись в поселке, вызвал массовый психоз. Опровержений этой версии не оглашали. Через два месяца в поселке восстановилась прежняя жизнь без странностей и мистики. О покойной девушке все забыли. Труп ее найден не был. Родители девушки уехали из города. Больше о них ничего слышно не было.

На другой год, в то же самое время, когда в поселке произошли беспорядки, в милицию поступило заявление от приезжего 40-летнего мужчины, врача, который в молодости начинал в окраинах города свою врачебную практику. Он решил провести свой отпуск, объехав родные места. Когда он спускался по одной из проток Амура на маленьком речном катере «Ом», он увидел яркую, красивую девушку. В зеленом платье, пышными рыжими распущенными волосами, и с ожерельем из массивных камней чароита. Он познакомился с ней. И когда катер остановился, чтобы туристы могли прогуляться по живописным местам, он пригласил девушку подняться вместе с ним на сопку с веселым названием «Дунькин пуп». Девушка согласилась. Было жарко. Почти добравшись до вершины сопки, они увидели небольшой ручей, бежавший вниз, поросший кустами дикой смородины. Мужчина предложил девушке ополоснуть лицо, чтобы охладиться. Когда она наклонилась над водой, ожерелье, зацепившись за ветку, разорвалось и камни посыпались на землю. Мужчина бросился их поднимать, а девушка, закрыв шею руками, рванулась вверх, на сопку. Мужчина не понял ее реакции, позвал, и побежал за ней. Он ее почти настиг на сопке. Она, не поворачиваясь в его сторону, прыгнула с вершины сопки в пропасть. С противоположной стороны сопка представляла собой вертикальную, 300-метровую скалу с острыми шипами. Мужчина, остолбенев, некоторое время видел, как она падает. Как парусит подол ее платья. Но вскоре видения прекратились. Она словно растворилась в воздухе. Он стал быстро спускаться с сопки, чтобы рассказать о случившемся происше-

ствии с девушкой, руководителю группы. Бежал он тем же самым путем, по которому поднимался с девушкой. Пробегая ручей, он увидел на месте разорванного ожерелья окровавленный кусок бинта. Машинально он взял его, и сунул в карман брюк. Потом, в милиции поселка, где он написал свои показания, он приложил к ним и бинт.

Из протокола опроса туристов и руководителя группы известно, что девушку, которую описывал мужчина, никто не видел, и в списке она не числилась... Когда ему об этом твердо сказал начальник отделения милиции, мужчина задумался, потом решил, что это у него, наверное, микро инсульт, ибо он страдал гипертонической болезнью, накануне две ночи спал плохо, и больше недели был в дороге...

ДНК крови на бинте было идентично с ДНК умершей девушки. Кровь, характерная для острого лейкоза...

«Чума» в Чумикане

(О самой маленькой криминальной группе и не типичной токсикомании).

Это произошло в 1969 году в Дальневосточном поселке Чумикан – месте ссылки опасных преступников, отсидевших свой срок в колонии, «антисоциальных граждан» и проституток и гомосексуалисты (читай выше). Удивительные порядки царили в Чумикане. (Чумикан с трех сторон окружен болотами, и не проходимой тайгой, а с четвертой стороны – Татарским проливом). Там не было воровства, драк, господствовал «сухой закон», был один участковый милиционер и прокурор. Все работали, обеспечивая себе выживание. Денег там тоже не было. Каждый брал продукты и одежду ровно столько, сколько ему нужно было. Был кинотеатр и клуб. Многие жители охотно участвовали в самодеятельности. Были среди жителей истинные таланты. Произведения подлинного искусства и литературы продавались не только в СССР, но и за рубежом. Составлялись каталоги. Многие, например, шлягеры про «Белую гвардию» и «ЗК», ставшие популярными в России, США и Израиле, в первые годы «перестройки», были написаны безымянными авторами в семидесятых годах в Чумикане. Слегка «подчищенные», они становились «авторской песней» известных в конце века космополитических русскоязычных шансонье, поющих то на Бродвее, то в Москве, то в Питере. Владимир Высоцкий не раз наведывался в Чумикан для вдохновения (сведения не подтверждены).

Итак, однажды в Чумикане все же было совершено убийство на «любовой почве». Один мужчина изменил своему любовнику. За это был убит камнем в висок. Я производил вскрытие трупа. На помощь, прокурор выделил мне четырех местных жителей. Это были мужчины, от 35 до 45 лет возраста. Хотя Чумикан небольшой поселок, но они друг друга не знали (так подобрал их участковый милиционер). Я не интересовался, по какой причине и когда они попали на поселение в Чумикан. Производя вскрытие трупа, я, как при этом полагается, взял кусочки органов на химическую экспертизу, и положил их в пол-литровые, стеклянные банки, и залил формалином. Когда я собирался в Чумикан, прокурор предупредил меня, чтобы я не брал с собой спирт. Вскрытие и консервирование кусочков органов трупа происходило на глазах помогающих мне местных жителей. По окончании работы, я оставил банки с органами в сарае вместе с трупом, где я производил вскрытие. Мои помощники остались убирать помещение. Вертолет должен был прилететь за мной на другой день. У меня было масса времени, и я пошел изучать поселок, его жителей и окрестности.

Утром меня разбудил милиционер словами, что мне «прибавилось работы». Все мои помощники были мертвы.

Когда мы с милиционером пришли на «место преступления», то есть, к сараю, где я вскрывал вчера труп, прокурор был уже там. Моим глазам представилась следующая картина. На пороге сарая лежал ничком один из моих помощников. В трех метрах от него, за сараем, друг за другом еще двое моих помощников. Один лежал на боку, поджав к животу плотно ноги. Другой сидел на корточках, прислонившись к сараю. Третий лежал на спине рядом с трупом. У всех четырех было выражено трупное окоченение. Инстинктивно я бросился к подоконнику, на который поставил банки с органами. Все банки были вскрыты. Формалин из них исчез. В двух банках не было и органов. Все стало ясно! Чудовишно, но факт! Мои помощники выпили из банок с кусочками человеческих органов, весь формалин. И – вскрытие это подтвердило – «закусили» кусочками органов. Умирание их было мучительно, но не продолжительное. Пол-литра выпитого формалина убивает человека в течение 1—2 минуты. Поэтому, они не успели уйти от сарая. Труп, который я уже вскрыл и зашил, тронут не был.

Повторяю, это произошло не в «эпоху» «полусухого закона» и разгула токсикомании в СССР, а в 1969 году. И не на «воле», а в особой зоне – Чумикане. Для меня, как судебно-медицинского эксперта (как и для следователя, который вел это дело), никаких трудностей не было.

Для меня, как психолога, были загадки. Мне было интересно, как и у кого первого (или у всех сразу?) возникло желание выпить формалин из банок, в которых находятся кусочки человеческих органов? Методами судебно-медицинской экспертизы отгадать эту загадку не представлялось возможным. Ибо, смерть наступила у всех четырех одновременно (разница до 5—10 минут не определяется). Все они выпили по пол-литра формалина. Двое – проглотив при этом кусочки органов. Возможно, случайно. Я решил разгадать эту загадку, и начал изучать дела погибших.

Трое из них были убийцами и грабителями. Рецидивистами. На совести каждого от 2 до 5 убитых, некоторые убийства совершались с особой жестокостью. Биография четвертого моего помощника имела некоторые своеобразные «детали». Он не был грабителем. Не был рецидивистом. Он был убийцей-насильником. Вечером он пришел к соседям, вся семья которых была в сборе: отец 43 лет, мать 35 лет, две сестренки – близняшки, по 15 лет, и бабушка, 55 лет (мать матери). Был он трезв. К преступлению приготовился и спланировал его. Орудовал финкой. Под каким-то предлогом, собрал всех в одной комнате. Ударом в сердце убил отца. Двумя стремительными ударами в грудь тяжело ранил мать и бабушку. Девочки оказались в шоке. Сначала он изнасиловал одну девочку, и перерезал ей горло. Потом то же самое повторил с сестренкой. Отдохнув около получаса, изнасиловал, истекающих кровью, мать и бабушку. Отрезал половые органы отцу и засунул их в рот его жене. Ночевал и питался в этой квартире. Утром, умывшись и позавтракав, совершил половые акты с трупами девочек. Затем ушел к себе домой. Жил он один на той же самой лестничной площадке, что и убитая им семья. Трупы обнаружили, когда они стали разлагаться. Он, как сосед, был понятным при вскрытии квартиры и осмотре места происшествия милицией. На работе и у соседей, он был «на хорошем счету». Работал пекарем, окончил кулинарный техникум. Женат не был. Судим он, так же не был. Алкоголизировался крайне умеренно, за компанию, по праздникам. Постоянных друзей и женщин не имел. В роду у него психически больных, алкоголиков, самоубийц и бродяг не было. Его арестовали через два года. Год провел в Институте общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, на психиатрической экспертизе. Был признан «психически здоровым». 12 лет отбыл в колонии строго режима. 2 года – в колонии общего режима. Затем сослан в Чумикан. В Чумикане к моему приезду прожил 3 года. Имел кличку «Жеребец». Открыто занимался мужеложством, скотоложством («сожительствовал» с кобылами, течными суками, коровами). Жил также с женщинами всех возрастов и национальностей. Половая жизнь в любых формах (кроме педерастии) в Чумикане не преследовалась. Сравнив биографии своих «клиентов», я решил, что предложение «выпить» пошло от «жеребца». Остальные были им легко суггестированы. По моему мнению, никто бы из них, будучи один, не додумался бы пить формалин и закусывать (органы из одной банки были в желудке «жеребца») человеческими органами. Возникло бы такое желание в группе из трех человек, без «жеребца»? Остается вопросом открытым. Точно также открытым остается вопрос, стал бы пить формалин «жеребец», если бы был один? Скорее всего, нет!

Данный поступок, вероятно, был функцией спонтанно возникшей криминальной группы, в которой был сильный индуктор – перверсный социопат. Последствий этот, уникальный даже для Чумикана в те времена, случай, никаких не имел.

Советская жертва «Преступления и наказания» Ф.М.Достоевского

Фильм «Преступление и наказание», в котором Родиона Раскольников играл мало известный широкой советской публике молодой актер Георгий Тараторкин, вызвал серию убийства, так реалистично (натуралистично) показанного в фильме. Причем, эти убийства прокатились по всей стране, но совершались со значительным разрывом во времени. Я разговаривал с двумя убийцами. Один был студентом 3-его курса медицинского института. Другой был матросом. Они были почти одногодки. Студент был из привилегированной семьи партийных работников. Второй был сыном животноводов из дальне-восточного села. Первому было 20 лет, второму 21 год. Оба заявили мне почти одно и то же, на вопрос, каков был у них мотив убийства? *«Хотели испытать то, что испытал Раскольников»*. Первые убийства начали с престарелых хозяек квартир, где они снимали «угол». Эти женщины одалживали им деньги, и часто кормили их, и обстирывали, как родных (со слов преступников). Чтобы убить еще кого-нибудь, оба позвали соседей. Первый зарубил мужа (40 лет) и жену (30 лет), соседей по площадке «старухи». Второй – подругу «старухи», соседку по коммунальной квартире. Оба, проведя свыше часа с убитыми, «анализируя», что они испытывали, сами потом вызвали милицию. Мне по документам удалось изучить обстоятельства еще трех аналогичных убийств. Все они были очень схожи. Разрыв между первым и последним убийством, составлял год. География была – от Ярославля, до Охотска. Мне удалось так же выяснить «код», запускающий психологические механизмы этих преступлений. Кстати, ни один из преступников не читал «Преступление и наказание». Только один, девятнадцатилетний студент педагогического института, «любил» Достоевского, и «кое-что» читал. Этим «кодом» были *пальцы рук* актера Тараторкина. Я потом разговаривал со многими зрителями, посмотревшими «Преступление и наказание». Все обращали внимание на *«сильное, трудно выражаемое словами, впечатление, которое оказывали на них «шевельвающиеся длинные пальцы Раскольникова – Тараторкина»*. Убийцы были «просто загипнотизированы пальцами Раскольникова». Даже находясь в камере, будучи под следствием, они спрашивали меня, похожи ли их руки на руки Раскольникова?! Ни один из убийц не был ни психически больным, ни психопатом, или социопатом. Блестящая игра И. Смоктуновского (Порфирий Петрович), прошла как бы стороной. «Пальцы» Тараторкина запомнились многим зрителям на всю жизнь. Вероятно (я не проверял), актер знал об эффекте своих рук в этом фильме, потому что (это было видно) пытался использовать его и в других фильмах, что, на мой взгляд, только портило «рисунок» роли, которую он играл...

Де Кастри

(Из Википедии: Поселок расположен на берегу залива Чихачёва (бывш. залив Де-Кастри) Японского моря. 3 тысячи жителей в настоящее время...

...Де-Кастри был назван по бывшему имени залива Чихачёва, на котором он стоит. Залив был открыт Лаперузом 25 июля 1787 года и назван в честь спонсора экспедиции – морского министра, маркиза де Кастри (фр.). Залив представляет собой удобное естественное убежище для судов, что также ценно с военной точки зрения).

...В этом случае два вопроса остались открытыми. 1. Кто был индуктором? 2. Не был ли индуктор психически больным? По документам – 36 школьных тетрадей, дневники за 30 лет жизни и работы, одна тетрадь в месяц. Записи заканчиваются днем, до трагедии.

Итак, произошло это в 1969 году, на маяке Де Кастри, что в Тихом океане. Несмотря на французское название маяка и поселка, который находился от него в 30 километрах, это была – советская территория. Маяк обслуживали 30 лет бесценно, муж и жена. Они приехали по договору молодыми из Украины. Заключили договор на три года, а остались на 30 лет. До самой своей смерти. Понять их можно. Места там восхитительные. Работы интересная, полезная, романтическая. Что значит, например, вид одинокого ярко освещенного, с веселой музыкой огромного пассажирского лайнера, проходящего мимо маяка, и отдающего ему гудками салют. Или – военный кораблей? Или огромных японских судов, вывозивших из России древесину, всегдадвигающихся целой флотилией.

Как явствует из последних записей дневника (его вела жена), она решила вернуться на родину, на Украину, там жили их дети с внуками, и звали родителей к себе. А муж настаивал еще один срок (3 года) проработать. Никакие уговоры на него не действовали. Тогда она решила «попугать мужа, и придумала о шпионах, которых, видимо, выбросила иностранная подводная лодка, и они на резиновых лодках, в темноте, плывут к берегу». Так она и сделала, и вот, что из этого получилось.

Они дежурили с мужем по очереди, через сутки. В 3 часа ночи, в августе, она разбудила глубоко спящего мужа тревожными словами: «*Три резиновых надувных лодки с вооруженными людьми, в полной темноте плывут к берегу. Что делать?*» Муж соскочил, направился на смотровую площадку с женой и начал смотреть в бинокль по направлению, куда указывала жена. Через минуту, он звонил на пограничную заставу и докладывал, что «*Три надувных резиновых лодки, с четырьмя вооруженными в камуфляжной одежде и не нашими автоматами, с рюкзаками за спиной, приближаются к берегу. Что делать?*» Ему приказали «не вмешиваться», и к месту предполагаемой высадки десанта, направили отряд пограничников. Солдаты долго ждали пришельцев, не дождались, прочесали прибрежный лес и окрестности, предупредили всех жителей близлежащих поселков, на этом все закончилось. Решили, что жене и мужу это почудилось, ибо в ту ночь были высокие волны, которые и были приняты за шпионские шлюпки. Две ночи прошли спокойно. Жена пишет в дневнике, что «*сильно испугалась последствий своей шутки*», и что нужно искать другой способ убедить мужа не заключать еще на три года договор. На всякий случай, местные власти, послали на маяк невропатолога, который обследовал мужа и жену, и нашел их «*физически и психически совершенно здоровыми*». На третьи сутки дежурил муж. В два часа, как он потом докладывал пограничникам, он увидел «*три надувных резиновых лодки, в каждой сидели четыре человека, в камуфляжной одежде, с короткоствольными автоматами и рюкзаками за спиной*». Видел он их невооруженным взглядом. В бинокль он хорошо их разглядел. Но, лиц видно не было, ибо голову полностью закрывали капюшон и маска, с отверстием для рта и носа и стеклянными очками. С заставы ему сказали опять, ничего не предпринимать. И, что поднимают вертолеты с прожекторами, которые будут на месте через 7 минут. Через три минуты он увидел, как одна лодка отделилась

и направляется к маяку, что сидящие в ней люди приготовили автоматы к бою. Он за несколько секунд поднял жену, велел ей взять охотничий карабин (у них было два охотничьих карабина, так как и он, и она в свободное время занимались охотой), взял и зарядил свой карабин, и приготовил свой и для жены пистолеты (полагались работникам маяка). Потом доложил на заставу, что *«одна лодка с четырьмя неизвестными, в камуфляжных костюмах, с автоматами, направляются к маяку, и что они с женой готовы к бою»*. Им приказали *«огонь открывать только встречный. А, вообще, действовать по обстановке!»* Муж уже через минуту доложил, что *«они подверглись автоматному обстрелу и открыли ответный огонь на поражение»*. Ему приказали не прерывать с берегом связь и обо всем докладывать, *«с минуту на минуту должны прибыть вертолеты»*. Над морем зависли вертолеты, когда трубку взяла жена и доложила, что *«муж убит выстрелами в грудь и голову, и что она ведет неравный бой»*. Еще через минуту, когда десантированные с вертолетов пограничники, бежали по лестнице к комнате, откуда жена вела через окно бой со шпионами, с криками: *«Не стреляйте, свои!»* (потом на следственном эксперименте все действия и жены и десантников были рассчитаны по секундам), жена доложила на заставу, что *«живым она врагу не сдастся, и что слышит шаги, бегущих по лестнице шпионов»* (вероятно, она слышала шаги десантников). Когда они вбежали в комнату, выбив дверь, то увидели страшную картину. 50 квадратных метров комнаты, без мебели, вся окровавлена: и стены, и пол, и потолок. Муж лежал у окна на полу с разорванной пулей головой, и окровавленной грудью, держа в одной руке пистолет, из которого были выпущены все патроны, в другой руке он держал карабин, магазин которого также был пуст. В дальнем от мужчины углу, также у окна лежала женщина, в руке у нее был пистолет с пустым магазином. К подбородку был приставлен ствол карабина. Сохранилась только часть лица.

Сразу нужно сказать, что ни в первый раз, ни во второй, никаких шпионов и шлюпок не было. Имели место галлюцинации, вызванные сначала женой, решившей поугадать мужа. Кстати, быть вдвоем в огромном, лабиринту подобном здании, в открытом, издающем звуки, от которых *«кровь холодеет в жилах»*, (по слова следователя, который вел это дело), нужно обладать изрядным мужеством. Внушить, показывая в грохочущую темноту океана, галлюцинации, да еще близкому человеку, находящемуся в просоночном состоянии, очень просто. Второй раз, как получается по документам, первым стал испытывать галлюцинации муж, и вызвал их у жены. То, что он выдумала, чтобы напугать мужа, вдруг стало для нее явью. Она застрелила мужа двумя выстрелами в грудь и голову, что свидетельствует о том, что она была пространственно дезориентирована. Возможно, перед тем, как застрелиться, она видела шпионов уже в комнате. Трассолога, исследующего направления выстрелов, удивляло то, что все пули остались в комнате. Значит, муж и жена стреляли не в окна, у которых их нашли, а друг в друга. Это, затрудняло составление полной картины галлюцинаторных переживаний супругов. Был в этой истории один эпизод, подчеркивающий силу суггестии при определенных обстоятельствах. Среди десантников были два солдата первого года службы. Вбежав в комнату и увидев картину жестокого побоища, они бросились к окнам, и открыли сплошную стрельбу очередями в сторону океана, сопровождаемую криками: *«От нас, не уйдешь!»*, и прячась за бетонными стенами маяка. Когда прапорщик приказал им *«Прекратить огонь!»*, они не подчинились, продолжая стрелять. Только силой, они были разоружены, и недоумевали, почему с ними так поступают, ибо *«шпионы окружают маяк и ведут по нему автоматную стрельбу»*. Эти два, девятнадцатилетних парня, без всяких слов, от оценки увиденного, впали в гипнотическое состояние. Когда они пришли в себя, то рассказали одно и то же. *«В камуфляжных костюмах, с масками на лице и капюшонами на голове, с десятка два (!) неизвестных, с короткоствольными автоматами и рюкзаками на спине, видя безостановочную стрельбу по окнам маяка, пытаются забраться, используя десантные раздвижные лестницы»*. Интересно то, что, не слыша рассказов мужа и жены, они повторили слово в слово описание «шпионов» и их

оружия. Правда, шпионов, по рассказам солдат, было «с десятка два». Верно, что «*у страха глаза велики!*». То, что они увидели в комнате убитых мужа и жены, вызвало, вероятно, сначала у солдат эмоциональный шок, который трансформировался в зрительные и слуховые галлюцинации. После месячного пребывания в госпитале, солдаты эти были комиссованы по состоянию здоровья, с диагнозом: «невроз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.